

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Александров Глеб Владимирович

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЛОНИСТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В НОВОЙ
АНГЛИИ В 1620–1676 ГГ.

Раздел 07.00.00 — исторические науки
Специальность 07.00.03 — всеобщая история
(новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Хрулева Ирина Юрьевна

Москва — 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	3
Обзор источников.....	13
Обзор историографии.....	30
ГЛАВА 1. АНГЛИЧАНЕ В НОВОМ СВЕТЕ, ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ИНДЕЙЦАМИ (1620-1637 гг.).....	53
Индейцы Новой Англии: этнографический обзор.....	55
Представления колонистов о Новом Свете до основания колоний.....	85
Первые годы существования колоний и первые контакты с индейцами.....	99
ГЛАВА 2. ПЕКОТСКАЯ ВОЙНА (1637–1638 гг.).....	124
Расширение влияния племени пекотов в долине реки Коннектикут в начале XVII в. и конфликт с племенем наррагансеттов.....	126
Противоречия между английскими колониями в долине реки Коннектикут и причины конфликта с пекотами.....	135
Ход, характер и последствия Пекотской войны.....	145
ГЛАВА 3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЛОНИСТОВ С ИНДЕЙЦАМИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕКОТСКОЙ ВОЙНОЙ И ВОЙНОЙ КОРОЛЯ ФИЛИППА (1638-1675 гг.).....	161
Экспансия английских колоний после Пекотской войны.....	161
Миссионерство, «молящиеся» индейцы и деятельность Джона Элиота.....	166
Индейцы-«посредники» и их роль в жизни колоний.....	181
Создание Конфедерации Новой Англии.....	191
ГЛАВА 4. ВОЙНА КОРОЛЯ ФИЛИППА (1675–1676 гг.).....	218
Король Филипп и его союзники. Формирование индейского союза против англичан.....	222
Ход войны короля Филиппа.....	230
Итоги и последствия войны короля Филиппа.....	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	251
БИБЛИОГРАФИЯ.....	258

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В XVII веке началась английская колонизация Новой Англии. В 1620-1640-х гг. были основаны колонии Новый Плимут, Массачусетского залива, Род-Айленд, Коннектикут и Нью-Хейвен. Первые английские колонисты принадлежали к разным социальным группам и преследовали разные цели, но всем английским колониям приходилось сталкиваться с одной проблемой — проблемой коренного населения.

Единой схемы взаимоотношений с коренным населением не существовало. Руководство каждой колонии вынуждено было выстраивать отношения с соседями самостоятельно. Между колонистами и коренными обитателями Северной Америки случались конфликты, но важными составляющими их взаимоотношений были также торговля, миссионерская деятельность и культурный обмен. Характер взаимоотношений непрерывно менялся по мере роста колоний и изменения образа жизни коренного населения. Отношения с коренным населением оказали значительное влияние на формирование культурного облика колоний, но, чтобы оценить характер этого влияния и характер самих взаимоотношений, необходимо рассматривать их, во-первых, во всем их многообразии, не ограничиваясь конфликтами, а во-вторых, в развитии, в процессе их эволюции.

Данная диссертация посвящена эволюции взаимоотношений английских колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII в. Переломными моментами во взаимоотношениях с индейцами в описываемый период стали Пекотская война 1636-38 гг. и война короля Филиппа 1675-76 гг.¹ Первый из этих конфликтов продемонстрировал коренным жителям региона стремление английских колоний к территориальной экспансии. После Пекотской войны англичане в отношениях с индейцами выступали с позиции силы, не искали равноправного

¹ Названная по имени вождя вампаноаг Метакомета, среди англичан известного как Филипп.

партнерства, но диктовали свои условия. Война короля Филиппа окончательно утвердила господствующее положение колонистов в регионе.

Мы выбрали для исследования колонии Новой Англии по ряду причин. В первую очередь речь идет о важности Новой Англии для американской историографии. В работах исследователей и публицистов XIX века основатели Плимута и Массачусетса превозносились как настоящие основатели американской государственности.

Во-вторых, в описываемый период колонии Новой Англии развивались относительно независимо от метрополии. Практически все аспекты политической и общественной жизни этих колоний, в том числе и отношения с индейцами, контролировались самими колонистами, и специфику их определял реальный опыт жизни в Новом Свете. Многие элементы американской колониальной идеологии и практики, в том числе и касающиеся отношений с коренным населением, были заимствованы другими колониями и, позже, США.

Хронологические рамки нашей работы охватывают большую часть XVII в. Выбор нижней хронологической границы нашего исследования достаточно очевиден — в 1620 г. была основана колония Новый Плимут, с которой и началась история английской колонизации Новой Англии. В следующие несколько десятилетий колонии Новой Англии развивались практически без прямого вмешательства метрополии. Ситуация эта изменилась в последней четверти XVII в. Всё более активное вмешательство королевской власти в дела Новой Англии привело к сокращению автономии колоний и, наконец, переходу колоний под прямое управление Лондона.

В отношениях с коренным населением ключевыми событиями рассматриваемого нами периода оказываются два первых крупных конфликта, первые «индейские войны» — Пекотская война 1636-38 гг. и война короля Филиппа 1675-76 гг. В Пекотской войне англичане и их многочисленные индейские союзники боролись с

племенем пекотов за контроль над долиной Коннектикута. Во время войны короля Филиппа союз множества индейских племен выступил против растущих английских колоний. После поражения в войне короля Филиппа индейцы Новой Англии либо оказались в полной зависимости от английских колонистов, либо мигрировали за пределы региона, либо были уничтожены. В дальнейшем политика в отношении индейцев, теперь уже ставших подданными английской короны, будет определяться губернаторами, назначаемыми из Лондона, и не будет иметь определяющего значения для жизни колоний. Война короля Филиппа оказывается своеобразным «водоразделом», отделяющим отношения с индейцами-соседями от управления индейцами-подданными, причем первые выросли органически из опыта самих колонистов, из их образа жизни, определившего историю Новой Англии XVII в. — и радикально изменившегося в результате вмешательства метрополии в жизнь колоний. Именно этот «водораздел», окончание войны короля Филиппа, мы выбрали в качестве верхней границы рассматриваемого периода.

Цель нашей работы — проанализировать развитие отношений индейцев и колонистов в Новой Англии XVII века, выявить факторы, обусловившие изменение этих взаимоотношений и показать взаимное влияние двух культур. Для реализации этой цели мы поставили следующие **задачи**:

- Охарактеризовать представления колонистов об индейцах, сложившиеся до прибытия в Новый Свет, а также проанализировать ключевые особенности культуры индейцев, фундаментально отличавшие её от культуры колонистов, и их отношение к сосуществованию с колонистами;

- Исследовать характер отношений между колонистами и индейцами, сложившихся в первые годы существования колоний; рассмотреть противоречия между различными группами колонистов и индейцев, возникшие в долине реки Коннектикут в середине 1630-х годов, определить причины эскалации конфликта, переросшего в Пекотскую войну, и его последствия для Новой Англии;

- Выделить и проанализировать основные механизмы поддержания мирных взаимоотношений с колонистами, которые использовали индейцы после Пекотской войны; изучить влияние соседства с индейцами на политическое и культурное развитие колоний;

- Определить характер войны короля Филиппа, восприятие этого конфликта его участниками и его влияние на развитие отношений с индейцами как в Новой Англии, так и за её пределами.

Объектом исследования является история английских колоний в Новой Англии XVII в.

Предметом исследования диссертации является развитие отношений колонистов и индейцев Новой Англии в 1620-1684 гг., первые вооруженные конфликты с индейцами (Пекотская война и война короля Филиппа), попытки сосуществования индейцев с колонистами в межвоенный период и влияние индейцев на развитие колоний.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, обзора использованных автором источников и историографии, четырех глав, заключения и библиографии. Первая глава посвящена началу взаимодействия индейцев и колонистов. В ней рассмотрены представления индейцев и колонистов друг о друге, существовавшие до прибытия англичан в Новый Свет. Важную часть первой главы составляет этнографический обзор индейцев Новой Англии, дающий представление о ключевых особенностях быта, культуры и общественного устройства индейцев. Глава завершается анализом первых контактов двух культур и первых соглашений, заключенных между индейцами и основателями Плимута.

Вторая глава посвящена Пекотской войне. Рассмотрены противоречия между разными группами индейцев и европейцев в долине реки Коннектикут, и эскалация этих противоречий в результате начала активной экспансии Массачусетса. Особое внимание уделено мотивам участников войны и её общему характеру, отношениям

английских колонистов с различными группами как индейцев, так и колонистов других европейских стран, а также изменениям в отношениях индейцев и колонистов во время и после войны.

В третьей главе рассматривается период от окончания Пекотской войны (1638 г.) до начала войны короля Филиппа (1675 г.). В целом этот период характеризуется отсутствием конфликтов и кажущимся благополучием англо-индейских отношений. Подробно рассмотрены механизмы «включения» в колониальное общество, которые индейцы использовали в попытках поддержать дружественные отношения с колонистами, сохранив при этом хотя бы частично независимость, в том числе принятие христианства и институт посредничества. В третьей главе также проанализировано влияние событий английской Революции на политическое развитие Новой Англии, создание в 1643 г. Конфедерации Новой Англии, оборонительного союза новоанглийских колоний, и её роль в истории региона.

Четвертая глава посвящена войне короля Филиппа 1675-1676 гг. Рассмотрен процесс подготовки к войне, формирования вокруг вождя племени вампаноаг Филиппа союза против англичан. Центральная проблема этой части исследования — характер конфликта, вопрос о том, насколько война короля Филиппа была освободительным, антиколониальным выступлением, а насколько — политическим и экономическим конфликтом. Рассмотрены также последствия войны, её влияние на мировоззрение участников и отношение к индейцам при дальнейшем расширении колоний.

Для решения поставленных задач применяется соответствующая **методология исследования**. В основу диссертации положены принципы научной объективности и историзма, требующие применения научных подходов нескольких актуальных исторических школ.

В исследовании были использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы анализа.

Историко-генетический метод играет ключевую роль в раскрытии темы исследования. Ориентированный на исследование динамических процессов, этот метод позволил рассмотреть отношения с индейцами в процессе развития, от первых осторожных контактов до сложной системы экономических связей и политических союзов, сформировавшейся позднее, и далее — до закрепления доминирующего положения колонистов и окончательной потери индейцами независимости. Использование историко-генетического метода позволило выявить основные причины эскалации противоречий между колонистами и европейцами, которая привела в итоге к Пекотской войне и, позже, к войне короля Филиппа.

Историко-сравнительный метод также активно использовался автором диссертации, в первую очередь, для сравнительного анализа отношений с индейцами в Новой Англии и в других регионах Северной Америки. Применение историко-сравнительного метода позволило определить специфику отношения к индейцам в Новой Англии по сравнению с отношением к ним в метрополии, а также показать своеобразие методов новоанглийских миссионеров. Использование историко-сравнительного метода позволило также установить сходство некоторых фундаментальных элементов политической культуры индейцев и англичан — механизм формирования власти и авторитета руководящих лиц на основе добровольного соглашения — позволивший представителям двух культур выстроить политический диалог.

Атлантический подход, возникший в 1970-е годы, ставит своей задачей представить историю колонизации и развития американских колоний в непрерывной связи с историей метрополии. Эта концепция помогает проследить явные и косвенные связи, которые опутывали атлантический мир включавший не только европейские державы и американский континент, но и африканское побережье и острова Карибского бассейна. В рамках атлантического подхода выделяются три

течения, различающиеся масштабом и выбором объектов исследования². Циркуматлантический подход требует рассмотрения всего бассейна Атлантического океана как единой системы, трансатлантический рассматривает связи между двумя конкретными элементами этой системы, а цизатлантический изучает влияние глобальных процессов «атлантического мира» на одну конкретную общность колонистов или коренных жителей того или иного региона.

В нашей работе использовался в первую очередь трансатлантический подход. Применение этой концепции позволило автору проанализировать влияние сформировавшихся у колонистов до прибытия в Новый Свет представлений об индейцах. Методы трансатлантического подхода использовались при анализе отношений с индейцами как инструмента пропаганды колониального предприятия, а также при рассмотрении влияния событий гражданской войны в Англии на политическую жизнь колоний и формирование Конфедерации Новой Англии.

Ещё один методологический подход, во многом определяющий специфику данного исследования — **этноистория**. Основная задача этого подхода — изучение развития этнических и культурных общностей. Специфика этноистории заключается во многом в отношении к источникам. Одна из центральных проблем этноистории — столкновение письменной и устной культур, а предметом исследования часто становятся общности либо уже несуществующие, либо изменившиеся в ходе истории до неузнаваемости. Письменные источники, которые использует этноистория, практически всегда созданы представителями другой, часто враждебной изучаемой, культуры, они тенденциозны и представляют одну культуру через призму восприятия другой. Этноистория требует осторожности в интерпретации источников, и активного привлечения материала других дисциплин (археологии, антропологии, и даже естественнонаучных дисциплин, например, экологии), позволяющих «достроить» неполную и искажённую картину

² The British Atlantic World, 1500-1800 / Ed. by D. Armitage, M.J. Braddick. Cambridge; New York: Palgrave, 2000.

существования той или иной культурной общности, реконструировать её реальный облик вопреки необъективности письменных источников.

Анализ взаимоотношений с индейцами невозможен без понимания специфики индейского мировоззрения, а понимание это недостижимо без обращения к методам этноистории. На данных смежных дисциплин, в первую очередь этнологии, построен анализ особенностей культуры и быта индейцев в первой главе. К этнологии и антропологии мы обращаемся при рассмотрении сходств и различий политической культуры индейцев и сравнения её с английской, анализ религиозных представлений индейцев необходим при рассмотрении процесса христианизации. Отчасти этноисторическим можно считать и наш подход к рассмотрению конфликтов с индейцами. И при рассмотрении Пекотской войны, и в случае войны короля Филиппа, мы стремимся показать мотивацию отдельных групп индейцев, выступающих как против колонистов, так и в союзе с ними, продемонстрировать их понимание конфликта, зачастую отличающееся от английского. Это позволяет нам точнее понять характер конфликтов в целом и, например, поставить под сомнение «освободительную» сущность войны короля Филиппа, просто потому, что полномасштабная освободительная война совершенно не вписывается в индейские представления о ведении войны.

Другой методологический подход, определяющий наше исследование, относится к области **имагологии**. Имагология изучает процесс самоопределения колонистов через противопоставление с «другим», обобщенной фигурой чужого, а также социальную роль деления на «своих» и «других»³. Самоопределение через контраст с фигурой «другого» стало одной из основ английской колониальной идентичности и ярко проявилось в отношениях с индейцами Новой Англии⁴. Из всех возможных

³ Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений: итоги и перспективы // Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010. С. 149. Подробнее о специфике данного подхода см., к примеру: Лабутина Т.Л. К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага» // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2015; Лабутина Т.Л. Актуальные проблемы имагологии // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2016.

⁴ Armitage D. *The Ideological Origins of the British Empire*. New York: Cambridge University Press, 2000.

«других» индейцы стали в Новой Англии едва ли не самыми важными, но в то же время восприятие их в этой роли, благодаря идентификации их с дикой природой и природными опасностями, отличалось от восприятия других «чуждых» групп, религиозных или этнических.

Научная новизна исследования определяется малой изученностью проблемы взаимоотношения английских колонистов с индейцами в Новой Англии, и односторонностью существующих исследований. Изучение взаимодействия двух культур Новой Англии позволяет расширить наши представления о специфике новоанглийских колоний, об их политическом и идеологическом развитии. Хотя конфликты с индейцами рассмотрены в существующей историографии достаточно подробно, исследователи редко уделяют достаточное внимание взаимоотношениям между культурами Новой Англии в мирное время. Кроме того, отношения с индейцами рассматриваются обычно как нечто статичное, проблема развития и изменения характера взаимоотношений по мере развития колоний остаётся малоизученной. Экспансия колоний, притеснение индейцев, присвоение их земель силой или обманом — все эти элементы традиционной картины отношений между колонизаторами и колонизируемыми появляются в Новой Англии лишь к концу рассматриваемого периода. Эти «столпы» индейской политики английских колоний только формируются, процесс их формирования длится не одно десятилетие и на ход его влияют многочисленные факторы. Этому процессу, обычно остающемуся «за кадром» в большинстве исследований, в диссертации уделено особое внимание.

Ещё одна проблема, которой редко уделяется внимание в существующих исследованиях — влияние индейцев на быт и культуру колоний, ставших основой будущих США. В историографии влияние соседства с индейцами на развитие английских колоний в XVIIв. часто недооценивается или вовсе игнорируется. Индейцы представляются исключительно пассивным, реагирующим началом, практически не способным ощутимо повлиять на развитие ситуации в регионе.

Автор настоящего исследования показывает, что на протяжении XVII в., несмотря на все конфликты, несмотря на постепенный переход от равноправных отношений к политическому господству колонистов, соседство с индейцами оказывало значительное влияние не только на быт колоний, но и на сам процесс их роста и расширения. В исследовании рассмотрены механизмы сосуществования культур в Новой Англии, выходящие за рамки конфликтов и миссионерства, в том числе различные методы интеграции индейцев в колониально общество — политические союзы, попытки обращения к властям метрополии, появление института индейцев-посредников. Автор приходит к заключению, что сосуществование с индейцами было важнейшей составляющей развития колоний, во многом определившей развитие Новой Англии на протяжении большей части XVII в. Механизмы взаимодействия с коренным населением, сложившиеся в новоанглийских колониях в начале их существования отчасти определили способы взаимодействия с индейцами и другими «чуждыми элементами» при дальнейшем расширении английских владений в Новом Свете и, позже, при расширении США.

Именно эти малоизученные аспекты проблемы взаимоотношений с индейцами — многообразие форм взаимоотношений между колониями и коренным населением, не сводящихся к конфликтам, эволюция этих взаимоотношений на протяжении XVII в., а также влияние индейцев на развитие колоний — рассматриваются в данной диссертации.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Источниковая база изучения отношений с индейцами в XVII веке чрезвычайно обширна, но ограничена в силу своей односторонности. Индейцы Новой Англии не имели письменности, соответственно авторы всех доступных нам источников — колонисты, и жизнь их соседей предстает нам через призму их восприятия. Ко всем письменным источникам приходится относиться потому с большой осторожностью — колонисты практически всегда предвзяты, и часто неточны, намеренно или нет. Иногда нам приходится обходиться предположениями и аналогиями, а в некоторых случаях — как, к примеру, с процессом формирования индейского «союза» перед войной короля Филиппа — мы не имеем вообще никакой информации о некоторых аспектах внутренней жизни индейского общества. Данные археологии позволяют составить представления о быте и отчасти культуре индейцев, но мало сообщают об их политической жизни и конкретных событиях интересующего нас периода.

Колонисты Новой Англии XVII в., с другой стороны, оставили после себя богатое письменное наследие. Это и «хроники», к которым мы вернемся позже, и религиозные сочинения, пропагандистские памфлеты, дневники, переписка, географические описания, а кроме того множество законодательных актов, документов, карт и других «утилитарных» источников. Среди этого обилия источников лишь немногие специфически посвящены индейцами и взаимоотношениям с ними. В первую очередь это описания индейских войн, записи, памфлеты и «отчеты» миссионеров, а также т.н. «хроники пленения» (“narratives of captivity”), истории англичан, побывавших в плену у индейцев (хотя этот жанр станет по-настоящему популярен позже, в XVIII веке). Большинство этих источников посвящены критическим, пограничным моментам сосуществования двух сообществ, повседневные отношения с соседями остаются обычно «за кадром». Это повседневное сосуществование лучше отражено в источниках более широкого профиля — «хрониках», описывающих историю колоний в целом, таких, как труд

Брэдфорда (см. ниже), и зачастую именно такие источники, наряду с различными документами официального характера, оказались наиболее полезны при написании работы.

В американских колониях Англии сформировалось несколько уникальных литературных жанров. В первую очередь необходимо упомянуть о «Хрониках», “Narratives”. В отличие от также распространённых в описываемый период дневников, хроники не состоят из датированных записей, а представляют собой единое повествование. Хроники, как правило, посвящены конкретному событию или нескольким событиям, и часто их авторами были непосредственные участники этих событий. Создавались хроники чаще всего вскоре после описываемых происшествий. Документальные в основе своей, хроники не ограничиваются сухим описанием событий — целью их авторов была литературная обработка истории. Речь идёт не о намеренном искажении фактов, а о стремлении авторов хроник придать своим произведениям увлекательность и живость. Позволим себе процитировать известного исследователя Новой Англии Сэмюэля Элиота Мориса: «Даже самые первые колониальные историки, такие как Брэдфорд и Беверли, <...> сознательно приносили элемент искусства в свои работы»⁵. Впрочем, в том, что касается фактической стороны тех или иных событий авторы хроник чаще всего придерживались истины. Хроники хороши в качестве источника благодаря подробности и последовательности изложения. В то же время, они не могут претендовать на полную достоверность, особенно в том, что касается обычаев, поведения и мотивов индейцев. Хотя описания жизни индейцев, причём не только «бытовые», встречаются в них достаточно часто, вряд ли можно ждать от богобоязненных пуритан объективности в отношении последователей «дьявольского идолопоклонничества». С другой стороны, в том, что касается восприятия индейцев

⁵ Friedel F. Harvard Guide to American History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. P. 3.

и связанных с ними событий колонистами, сложно представить источник более достоверный.

Наиболее важными из «хроник» являются два, пожалуй, наиболее уважаемых и известных источника по ранней американской истории — журнал Джона Уинтропа⁶, одного из основателей Массачусетса, и «История поселения в Плимуте»⁷ Уильяма Брэдфорда. Оба сочинения представляют собой до некоторой степени обработанные дневники. Главная особенность журнала Уинтропа, «Истории...» Брэдфорда и других произведений такого рода⁸ — цель их составления. Обычные дневники писались — и пишутся — для самого автора, и вообще не рассчитаны на публикацию. Даже если автор и предполагает возможность публикации дневника, он всё равно ограничивается описанием событий своей жизни. Уинтроп и Брэдфорд подходили к составлению дневников несколько по-другому. Осознавая важность своей миссии в Новом Свете — создать общество, живущее по законам Божиим, первое в своём роде государство истинно верующих — они считали своим долгом перед будущими поколениями как можно подробней описать становление колоний. Уинтроп и Брэдфорд, видимо, не просто допускали возможность издания своих дневников, они были абсолютно в ней уверены, и писали свои «журналы» именно в расчёте на будущую публикацию. Их записи отличаются подробностью, чаще всего фактически точны, и затрагивают все аспекты жизни колоний, в том числе, естественно, и взаимоотношения с индейцами. Конечно, они не рассматривают вопросов отношений с индейцами также подробно, как работы Мэйсона и Хаббарда. Зато труды Брэдфорда и Уинтропа лучше описывают место отношений с индейцами в общей картине мировосприятия колонистов и позволяют лучше проследить связи этих взаимоотношений с другими элементами их образа жизни. Особенно важен для нас труд Брэдфорда. «История...» Брэдфорда оказала заметное влияние на

⁶ Winthrop J. The journal of John Winthrop, 1630-1649. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

⁷ Bradford W. History of Plymouth Plantation. Boston: Little, Brown, and Co., 1856.

⁸ К примеру «История Новой Англии» уже знакомого нам Уильяма Хаббарда: Hubbard W. A General History of New England: From the Discovery to MDCLXXX. Boston, 1848.

американскую историографию. Пожалуй, в первую очередь Брэдфорда отличает от других современных ему авторов стиль изложения — ясный, склонный описывать колонизацию несколько пессимистично, и скрупулезный в цитировании документов и писем. Традицию Брэдфорда продолжали другие новоанглийские авторы, в том числе секретарь Брэдфорда Натаниэль Мортон и пуританский интеллектуал Коттон Мезер. Кроме того, «История» Брэдфорда представляет собой в некотором роде автобиографию. Жизнь Брэдфорда неразрывно связана с историей колоний Новой Англии, так что автор описывает события с уникальной точки зрения не просто свидетеля, а участника событий, зачастую определявшего их развитие.

Брэдфорд с детства воспитывался в семье лидера общины пилигримов в Англии и Голландии Уильяма Брюстера. Сложно сказать, с какого момента Брэдфорд начал принимать активное участие в жизни общины, но к моменту прибытия в Америку он был одним из лидеров колонистов, и после смерти первого губернатора Плимута, Джона Карвера, заменил его — и оставался губернатором больше 30 лет.

Свою «Историю...» Брэдфорд закончил в начале 1650-х, но опубликована она была значительно позже. Секретарь Брэдфорда Натаниэль Мортон использовал рукопись своего начальника при написании «Летописи Новой Англии» в 1669 году — хотя его труд и не сводится к простому плагиату, многие ключевые пассажи откровенно заимствованы у Брэдфорда.

Преподобный Томас Принс в 1736 г. при написании «Хронологической истории Новой Англии» почти без изменений перенес в свою работу более десяти страниц из хроники пилигримов. Позднее, в 1767 г. губернатор Бостона Томас Хатчинсон активно использовал ее для своей «Истории Массачусетса».

Во время Войны за Независимость рукопись пропала и была снова обнаружена только в 1850-х — обнаружение её дало мощный толчок изучению колониальной истории, и с тех пор «История...» Брэдфорда остаётся одним из ключевых источников при изучении Новой Англии XVII в.

Помимо стиля изложения, уникально и содержание труда Брэдфорда. В эпоху первых энциклопедий, когда принято было писать всеобъемлющие «междисциплинарные» трактаты, Брэдфорд пишет то, что сегодня назвали бы микроисторией — подробное описание истории и быта отдельно взятой небольшой общины, одновременно вписывая её в контекст и «большой» мирской истории и сакральной, библейской.

Манера изложения фактов в «Истории поселения» намеренно аскетична и лишена многих характерных черт барочной литературы того времени. В отличие от произведений Джона Смита, повествование ведется от третьего лица. Притом Брэдфорд не только не упоминает о том, что он сам является участником событий, но даже опускает некоторые события личного характера, такие как смерть первой жены или его собственная пышная свадьба с участием как большинства колонистов, так и соседей — индейцев.

Впрочем, на труд Брэдфорда неизбежно повлияли его религиозные взгляды. Для Брэдфорда и его собратьев-сепаратистов, основное содержание истории — сакральное, любое событие трактуется в первую очередь в терминах Божественного вмешательства и противоречия греха и праведности, и имеет значение в основном в смысле раскрытия моральных качеств личности или общины. Из-за этого Брэдфорд описывает большинство событий пусть и подробно, но схематично, а моральные рассуждения пространны и изобилуют деталями. Моральное и религиозное содержание эпизода важнее фактического. Несколько «разбавляют» текст Брэдфорда многочисленные письма и документы, в том числе договоры с индейцами, которые он приводит обычно без купюр.

Существуют и хроники, посвященные отношениям с индейцами, в первую очередь индейским войнам. Наиболее важны для нас две из них. «Хроника индейских войн в Новой Англии»⁹, составленная Уильямом Хаббардом¹⁰, и впервые

⁹ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. Stockbridge, Mass.: Heman Willard, 1803.

опубликованная в 1677 г. — общая работа, охватывающая длительный промежуток времени, значительная часть её посвящена войне короля Филиппа. В том, что касается Пекотской войны, «Хроника индейских войн» несколько отличается от других подобных произведений, поскольку описывает события, произошедшие за несколько десятилетий до составления хроники. Участником этих событий Хаббард, безусловно, не был, поскольку был ещё слишком молод — а значит, при написании части работы, посвящённой этому конфликту, опирался в основном на чужие свидетельства. «Краткая история Пекотской войны»¹¹ Джона Мэйсона¹², напротив, ограничивается описанием Пекотской войны. Эта работа особенно важна для нас, поскольку Мэйсон был не просто «летописцем», но непосредственным участником событий, одним из командиров колонистов во время Пекотской войны. Хотя прямого отношения к исторической ценности «Краткой истории...» это не имеет, приходится признать, что литературный талант Мэйсона значительно уступает таланту Хаббарда. Также следует упомянуть несколько более позднюю работу «История войны короля Филиппа»¹³ преподобных Инкриза и Коттона Мэзеров, известных религиозных деятелей и писателей XVII — начала XVIII века, открывающую нам не столько собственно события интересующего нас периода, сколько восприятие их следующим поколением колонистов.

При изучении «хроник» отчётливо прослеживается тенденция, сохраняющаяся в какой-то мере и по сей день — преуменьшение значения Пекотской войны. Конечно, о Пекотской войне не забывали полностью, но большинство исследователей гораздо больше внимания уделяют войне короля Филиппа и её последствиям. Даже в «Хронике индейских войн в Новой Англии» всему периоду от прибытия колонистов в Америку до Пекотской войны, самой Пекотской войне и межвоенному периоду

¹⁰ Уильям Хаббард (Willam Hubbard) (1621-1704) — новоанглийский священник и историк. Помимо «Хроники индейских войн» также написал по заказу правительства колоний «Историю Новой Англии».

¹¹ Mason J. A Brief History of the Pequot War (1736). Bedford, Mass.: Applewood Books, 2009.

¹² Джон Мэйсон (John Mason) (1600-1672) — английский офицер, перебравшийся в Новый Свет в 1632. Во время Пекотской войны командовал ополчением Коннектикута. После войны отвечал за подготовку ополчений всех колоний.

¹³ Mather I. Mather C. The Histiory of King Philip's War by the rev. Increase Mather, D.D. And History of the same war by rev. Cotton Mather, D.D. Albany, NY., 1862. Впервые опубликовано в 1676 г., сразу по окончании войны.

отведено примерно 60 страниц из 400, весь остальной текст касается только войны Короля Филиппа. В записях Брэдфорда Пекотской войне уделено заметно меньше внимания чем, скажем, прибытию новых поселенцев из Англии или даже последовавшему за войной «заговору наррагансеттов». Источник, посвящённый исключительно Пекотской войне, «Краткая история Пекотской войны»¹⁴, бесценен как свидетельство участника событий, но даже по сравнению с другими источниками того же периода, переполнен ненавистью к «дикарям» и праведной пуританской яростью, так что свидетельства Мэйсона приходится использовать с большой осторожностью. «История Пекотской войны»¹⁵, обработанные записи ещё одного участника событий, Лиона Гарднера — совсем короткий труд, чуть более сорока страниц, опубликованный в 1833 году, более чем через два века после написания, гораздо менее информативен, чем мемуары Мэйсона или «История Плимута». Война короля Филиппа по сравнению с Пекотской войной не только лучше исследована, но и лучше освещена в источниках. Правда, ни Брэдфорд, ни Уинтроп, естественно, не оставили своих свидетельств о войне, поскольку уже умерли. Но «Хроника» Хаббарда предоставляет достаточно подробное освещение событий, а «История войны короля Филиппа»¹⁶ Мэзеров — источник, возможно, самый близкий по времени издания к собственно событиям войны. Помимо этих, упоминавшихся выше, сочинений, назовём ещё несколько, сыгравших заметную роль в написании данной работы. В первую очередь речь идёт об «Истории войны Филиппа, обычно называемой Великой Индейской войной 1675 и 1676...»¹⁷ Бенджамина Чёрча. Капитан колониального ополчения (во время войны короля Филиппа, позже — полковник) Чёрч, известен, возможно, в первую очередь как основатель «рейнджеров», американского аналога егерей европейских армий. Как

¹⁴ Mason J. A Brief History of the Pequot War. Bedford, Mass.: Applewood Books, 2009.

¹⁵ Ibid. Pp. 113-149.

¹⁶ Mather I., Mather C. Op.Cit.

¹⁷ Church B. The History of Philip's War: Commonly Called the Great Indian War, of 1675 and 1676: also, of the French and Indian Wars at the Eastward, in 1689, 1690, 1692, 1696, and 1704. Exeter, New-Hampshire: J. & B. Williams, 1829.

историк и литератор, Чёрч не слишком талантлив, и его сочинения не отличаются ни стилем, ни точностью изложения. Следует заметить, что «История войны Филиппа» строго говоря, не вполне его сочинение — хотя и изданная при жизни Чёрча, «История войны Филиппа» была составлена его сыном, Томасом Чёрчем, на основе записок отца и под его надзором. И, хотя во вступлении к первому изданию Чёрч-старший пишет, что ознакомился с сочинением и «не нашёл в нём ошибок»¹⁸, это обстоятельство может до некоторой степени поставить под сомнение достоверность «Истории войны Филиппа». Подобные соображения высказывает Джил Лепор в опубликованной в 2005 году в журнале «The New Yorker»¹⁹. Хотя ни издание, ни статья не являются в строгом смысле научными, Джил Лепор — выдающийся учёный и прекрасный специалист по ранней истории Америки, и высказанные ей соображения, безусловно, заслуживают внимания. Она указывает на очевидно «героический» образ Чёрча в произведении его сына — с чем согласен и автор критикуемого ей произведения «Мэйфлауэр: история отваги, сообщества и войны»²⁰ Натаниель Филбрик²¹. Чёрч в «Истории войны Филиппа» предстаёт не только храбрым воином и мудрым полководцем, но и «голосом разума», миротворцем, старающимся смирить жестокость своих союзников, индейцев и колонистов. Безусловно, Чёрч старается показать себя в наилучшем свете — как и любой автор любых мемуаров, особенно военных. Надо сказать, что претензии Чёрча на звание пусть не выдающегося, но достойного полководца, видимо, не так уж необоснованны — в конце концов, он действительно командовал колонистами и в войну короля Филиппа, и в войну короля Вильгельма, и в войну королевы Анны — и каждый раз с немалым успехом. Что касается преувеличенной, если не откровенно выдуманной с точки зрения Лепоре «гуманности» Чёрча, приходится задаться

¹⁸ Church B. The History of Philip's War: Commonly Called the Great Indian War, of 1675 and 1676: also, of the French and Indian Wars at the Eastward, in 1689, 1690, 1692, 1696, and 1704. P. X.

¹⁹ Lepore J. Plymouth Rocked: Of Pilgrims, Puritans, and Professors // The New Yorker. April 24, 2006. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2006/04/24/plymouth-rocked> (accessed: 10.05.2016).

²⁰ Philbrick N. Mayflower: A Story of Courage, Community, and War. New York: Viking, 2007.

²¹ Ibid. P. 3.

вопросом — с чего бы Чёрчу выставлять себя «гуманистом» в отношении индейцев? И не только союзников, но и противников? Пусть даже «История» и была издана в начале 18 века, отношение к индейцам как к «кровожадным дикарям» никуда не делось за прошедшие с окончания войны короля Филиппа 40 лет. Более того, последующие конфликты с участием индейцев²² только подогрели его. В конце концов, Джон Мэйсон, автор «Краткой истории Пекотской войны», совершенно не скрывал своей радости по поводу уничтожения мирного индейского населения и никоим образом не пытался показаться «гуманистом». А его от Чёрча отделяет не столь уж длительный промежуток времени — резонно даже предположить, что возможно встречались, ну или, по меньшей мере, маленький Чёрч слушал в детстве рассказы о героическом капитане Мэйсоне. Помимо этих, довольно субъективных, соображений, вряд ли кровожадный фанатик, каким выглядит Чёрч в описании Лепор, стал бы заимствовать что-либо у индейцев, учиться у них — кстати, ни один из командиров Пекотской войны этого не делал, хотя возможность была. Чёрч же, как отмечает Джон Гренье²³, заимствовал тактику и навыки ведения войны у индейцев — и войска под его управлением действительно начали сражаться «как индейцы», что отмечает отнюдь не только сам Чёрч²⁴. Кроме того, возможно Чёрч и преувеличивал свои дипломатические способности — но те племена, которые он уговорил присоединиться к англичанам, действительно к ним присоединились — что также отмечает не только сам Чёрч. Несмотря на высказанные Лепор соображения, на наш взгляд, «История войны Филиппа...» всё же заслуживает доверия — как и любой источник, до определённого предела.

В последние десятилетия XVII в. начал приобретать популярность специфический тип «хроник» — «хроники пленения» (“narratives of captivity”).

²² В конце 17 — начале 18 вв.: война короля Вильгельма (1688-1697), война королевы Анны (1708-1713), Тускарорская война (1711-1715), война Даммера (1722-25).

²³ Grenier J. *The First Way of War: American War Making on the Frontier*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 2005. P. 35.

²⁴ *Ibid.* Pp. 33-34. Заметки Чёрча стали основой тактики, используемой рейнджерами до сих пор.

Рассказы европейцев, попавших в плен к «дикарям», пользовались большой популярностью в Англии и Америке уже давно. Первые рассказы такого рода, истории англичан, попавших в плен к берберийским пиратам, появились ещё в конце XVI века. После того как англичане прибыли в Новый Свет, индейцы заменили пиратов в роли «кровожадных дикарей». Одна из самых известных работ такого рода — «Рассказ о похищении и освобождении госпожи Мэри Роулендсон»²⁵. Мэри Роулендсон и четверо её детей попали в плен к индейцам во время войны короля Филиппа и провели с индейцами почти три месяца. Изданная в 1682 году книга Роулендсон заслужила широкую популярность как в колониях, так и в Англии, и до сих пор считается «первым и самым известным рассказом о пленении индейцами в Новой Англии»²⁶. Ещё один важный эпизод такого рода — история Джона Смита, описанная в «Общей истории Виргинии»²⁷. Формально история Смита не является отдельным сочинением, но не упомянуть о столь известном эпизоде, повлиявшем даже на современную американскую культуру, было бы странно. Рассказы пленников индейцев, безусловно, важны для понимания отношений индейцев и европейцев, но в хронологические и географические рамки нашего исследования вписываются лишь немногие из них. Первое свидетельство европейца, побывавшего в плену именно у Вудлендских индейцев (жителей региона, к которому относятся Новая Англия и Юго-восток Канады) — письмо французского иезуита Исаака Жога (канонизирован в 1930 г.), было опубликовано в 1655 г.²⁸. В Новой Англии первой опубликованной работой такого рода была книга Мэри Роулендсон.

²⁵ Rowlandson M.W., Harrington T. A Narrative of the captivity, Sufferings, and Removes, of Mrs. Mary Rowlandson who was Taken Prisoner by the Indians at the Destruction of Lancaster in 1675. Boston: Thomas & John Fleet, 1856. Переиздавалась неоднократно, как отдельно так и в составе различных сборников. См. например: 1) A True History of the Captivity of Mrs. Mary Rowlandson // Colonial American Travel Narratives. New York: Penguin Books, 1994. 2) Held Captive by Indians: Selected Narratives, 1642-1836. Knoxville, Tennessee: The University of Tennessee Press, 1994.

²⁶ Held Captive by Indians: Selected Narratives, 1642-1836. Knoxville, Tennessee: The University of Tennessee Press, 1994. P. 11.

²⁷ Например: Smith J. The General History of Virginia. Bedford, Mass.: Applewood Books, 2006.

²⁸ Held Captive by Indians: Selected Narratives, 1642-1836. Knoxville, Tennessee: The University of Tennessee Press, 1994. P. 42.

Важная часть культурного наследия Новой Англии XVII века — теологические сочинения. Зачастую «чистая» теология в таких сочинениях смешивается с размышлениями о государственном и общественном строе. Именно так построен, например, труд «Христианское государство...»²⁹ Джона Элиота. «Христианское государство...» и другие работы Элиота являются неоценимым источником сведений о христианизации индейцев, миссионерской деятельности колонистов и жизни обращённых индейцев. И эти сочинения, и сама личность Элиота, безусловно, заслуживают самого пристального внимания.

Элиот начал активную миссионерскую деятельность среди индейцев в Новой Англии одним из первых. Он же первым прочитал проповедь на индейском языке (алгонкинском), в 1646 г., а позже перевёл Библию на язык индейцев. Начав проповедовать в середине 1640-х гг., Элиот продолжал свою деятельность практически до самой смерти в 1690 г. Элиот оставил после себя множество сочинений (и целую армию биографов), но нас будут интересовать в первую очередь два из них. Первое — «Краткий рассказ о прогрессе в распространении Слова Божьего в Новой Англии в год 1670»³⁰. «Краткий рассказ...» действительно короток — два с небольшим десятка страниц. Но, несмотря на название, отчёт Элиота вовсе не ограничивается 1670-м. Элиот фактически описывает состояние миссионерской деятельности среди индейцев после двадцати с лишним лет работы, включая (что для нас особенно важно) подробное описание «молитвенных городков» — специальных поселений для принявших христианство индейцев. Лаконичный, но фактически точный, лишённый «лирических отступлений», рассказ, несмотря на небольшой объём, даёт нам потрясающий объём фактических данных. Второе важное сочинение Элиота — «Христианское государство, или Гражданская политика восходящего царства Иисуса Христа». Первая книга, написанная

²⁹ Eliot J. The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ. London, 1659

³⁰ Eliot J. A Brief Narrative of the Progress of the Gospel amongst the Indians in New England, in the Year 1670. London, 1671.

американцем, и первая же книга, запрещённая администрацией колоний, после восшествия Карла II на престол — сочинение, мягко говоря, неоднозначное. В общих чертах Элиот предлагает установить в Англии и — со временем — по всему миру, систему правления, непосредственно основанную на Священном Писании. Эту систему Элиот и его соратники опробовали в тех самых «молитвенных поселениях» индейцев.

Среди соратников Элиота нужно выделить Дэниела Гукина — не будучи сам проповедником, Гукин был одним из ближайших друзей и соратников Элиота. Он был первым Суперинтендантом Индейцев, и в этом качестве много путешествовал по индейским поселениям, часто вместе с Элиотом. Он написал несколько книг — «Историю Новой Англии», к сожалению, утраченную, «Историю индейцев в Новой Англии» (законченный в 1674, труд был опубликован только в 1792). Но для нас наиболее важная его работа «Дела и страдания индейцев-христиан»³¹. Позже Гукин командовал ополчением Массачусетса, и всеми средствами пытался остановить наступление английского правительства на «вольности» колонистов, но дальнейшая его деятельности к нашей теме непосредственного отношения не имеет. «Дела и страдания...» — одно из немногих произведений, описывающих жизнь индейцев-христиан, в том числе и во время войны короля Филиппа. Учитывая, что во время этой войны положение «молящихся индейцев» радикально изменилось, важность сочинения Гукина для нашей работы сложно переоценить.

Ещё одна группа источников, представляющая для нас определённый интерес — опубликованные в Англии пропагандистские сочинения. Публикуемые будущими колонистами или их братьями по вере, оставшимися на родине, эти памфлеты использовались для пропаганды идей колонизации Нового Света среди английских протестантов. Во многих из них так или иначе возникает тема христианизации

³¹ Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings of the Christian Indians in New England in the Years 1675, 1676, 1677. // Transactions and Collections of the American Antiquarian Society, II, 1836.

индейцев. Одна из таких работ — «Жалоба поселенца»³² Джона Уайта³³, известного пропагандиста колонизации. Из сочинений такого рода, созданных колонистами, наибольший интерес представляют «Первые плоды Новой Англии»³⁴ и «Добрые вести из Новой Англии»³⁵. Рассмотрение именно этих памфлетов позволит судить о том, как изменился литературный, пропагандистский образ индейцев за пусть не очень продолжительный, но весьма насыщенный событиями промежуток времени. «Добрые вести...» написаны в начале 1620-х гг., на самой заре развития новоанглийских колоний. «Первые плоды...» — в 1640-х, уже после того, как колонии окрепли, стали многочисленны, пережили первый вооруженный конфликт с коренным населением, впервые столкнулись с пренебрежением метрополии.

Отчасти родственны пропагандистским сочинениям географические описания, также носившие отчасти пропагандистский характер. Пропагандистские памфлеты в красках расписывали благочестие колонистов, свободу от преследований на религиозной почве и вообще богоугодность колониального предприятия, уделяя относительно немного внимания особенностям природы и хозяйства колоний. Географические же описания составлялись, как правило, до непосредственного основания колоний, поэтому не затрагивали вопросов быта, зато авторы их изо всех сил превозносили достоинства климата и почвы Америки, богатство её лесов и прибрежных вод. Находилось в них место и «дикарям» — почти всегда дружественным и только и ждущими возможности поторговать с англичанами. Одна из первых работ такого рода — «Описание Новой Англии»³⁶ Джона Смита, вышедшее в 1614 г. Солдат, путешественник и авантюрист, Смит участвовал в разнообразных торговых и военных предприятиях в Европе и Англии, а в Новом

³² White J. The planters' plea: or, The grounds of plantations examined, and usual objections answered, together with a manifestation of the causes moving such as have lately undertaken a plantation in New England, for the satisfaction of those that question the lawfulness of the action (1630). New York: Theatrum Orbis Terrarum, 1968.

³³ Джон Уайт (John White) (1575-1648) — английский пастор, сочувствовавший пуританам и много сделавший для продвижения идеи колонизации Нового Света.

³⁴ New England's First Fruits: with divers other special matters concerning that country. New York: Joseph Sabin, 1865.

³⁵ Winslow E. Good News from New-England. Cambridge, Mass.: University of Massachusetts Press, 2014.

³⁶ Smith J. A Description of New England. Boston: William Veazie, 1865.

Свете стал одним из лидеров Джеймстауна, первого поселения в Виргинии. Кроме того, Смит написал ряд памфлетов и автобиографию, благодаря которым он в основном и известен сегодня. «Описание Новой Англии» было написано по результатам экспедиции 1614 г. Тогда же при участии Смита была составлена одна из первых подробных карт Новой Англии, которой, возможно пользовались основатели Нового Плимута.

«Описание Новой Англии» — своеобразный гимн Новому Свету. Новая Англия в нем предстает «лучшим местом для здоровья людей и плодородия растений: почва, которая способна дать любые злаки, фрукты или семена <...>, умеренный климат и самая чистая вода <...> в недрах много железа для судостроительства и вряд ли алхимик может вам сказать больше, чем знаю я».

Смит стремился разрушить существовавшие в Англии представления, согласно которым Новая Англия — негостеприимное, холодное и вообще непригодное для жизни место. Новая Англия Смита — плодородный регион, в котором храбрым и трудолюбивым поселенцам предоставляется возможность осуществить все свои мечты.

Определенную значимость для нашей работы имеет также работа Смита «Общая история Виргинии, Новой Англии и Сомерских островов»³⁷. На основе в основном своих предыдущих трудов Смит описывает начало освоения Северной Америки. Помимо собственных наблюдений, Смит приводит обширные цитаты из памфлетов пилигримов — причем описывает происходящее как участник событий, а вот упомянуть оригинальных авторов «забывает».

Особняком среди претендующих на некоторую «научность» «географических» сочинений стоит труд Роджера Уильямса³⁸ «Ключ к языку Америки»³⁹, относящийся

³⁷ Travels and Works of Captain John Smith. Vol. 3. / ed. by E. Arber. Edinburgh: J. Grant, 1910.

³⁸ Уильямс, Роджер (Williams, Roger) (1603-1683) — новоанглийский миссионер, теолог и общественный деятель. Известен как один из самых передовых мыслителей своего времени, выступавший, в частности, за свободу вероисповедания, гуманное отношение к индейцам.

³⁹ Williams R. A key into the language of America. Bedford, Mass.: Applewood Books, 1997.

скорее к этнографии, и подходящий куда ближе к стандартам научного сочинения, чем любой подобный текст XVII в. «Ключ к языку Америки» включал не только словарь (скорее «разговорник»), но и ряд наблюдений этнографического характера, на удивление лишённых предвзятости — Уильямс не пытается выставить индейцев чудовищными дьяволопоклонниками, но избегает и другой крайности, свойственной некоторым современным исследователям — не закрывает глаза на некоторые не слишком лицеприятные аспекты жизни индейцев. В частности, на жестокость, часто проявляемую индейцами по отношению к противникам — как колонистам, так и другим индейцам.

Со временем, в XVIII и XIX веках, гораздо больше американских исследователей обратят внимание на язык индейцев и их образ жизни. К сожалению, к тому времени жизнь многих индейских племён, особенно в Новой Англии изменится до неузнаваемости — в первую очередь, «благодаря» колонистам.

Некоторые аспекты отношений с индейцами регламентировались законодательством колоний. В 1641 в Лондоне вышел составленный Джоном Коттоном⁴⁰ «Краткий свод законов Новой Англии»⁴¹. Одна из статей посвящена торговле оружием с индейцами — к ней мы ещё вернёмся. В 1672 году издаётся сборник «Законы колонии Массачусетс»⁴², а в 1673 «Законы Коннектикута»⁴³. В обоих этих сводах законов есть статьи, касающиеся индейцев — в том числе, запрещалось продавать индейцам алкоголь. Впрочем, эти законы относятся к периоду на несколько десятилетий позже рассматриваемого нами, и обращаться к ним в работе мы не станем.

⁴⁰ Коттон, Джон (Cotton, John) (1585-1652) — новоанглийский пастор и богослов, один из наиболее видных религиозных и политических деятелей Массачусетса.

⁴¹ Cotton J. An abstract Of The Laws Of New England As They Are Now Established. London, 1641.

⁴² The Colonial Laws of Massachusetts: Reprinted from the edition of 1672, with the supplements through 1686. Boston: Rockwell and Churchill, 1887.

⁴³ The Book of the General Laws for the People Within the Jurisdiction of Connecticut. Hartford, 1673.

Нельзя не упомянуть также сборник “Dawnland Encounters — Indians and Europeans in Northern New England” под редакцией Колина Гордона Кэллоуэя⁴⁴. Кэллоуэй собрал в одном издании чуть ли ни все доступные документы, фрагменты писем, дневниковые записи, имеющие отношение к индейцам севера Новой Англии (в основном абенакам) XVII — XVIII веков. Хотя сборник представляет собой скорее учебное издание, многие из включенных в него материалов — например, документы на землю, полученные индейцами или записи из метрических книг индейских поселений — до публикации в сборнике были доступны только в оригиналах, хранящихся, естественно, в США.

Важным источником при написании работы стали также английские и голландские карты XVII века, доступные на сайтах Иллинойского Университета в Урбане-Шампейн и Университета Мэна⁴⁵. Составление карт было для европейцев важной составляющей процесса установления колониального господства. Составление карты утверждало это господство в глазах как самих колонистов, так и других европейцев. Зачастую, карты становились инструментом политической конкуренции — так, например, голландские картографы долго отказывались признавать английские названия, тем самым не вызывая открытого конфликта, но очевидно показывая, что отказываются признавать власть англичан над определенными территориями. Даже расстояние оказывается инструментом политики — Бермуды, к примеру, на некоторых картах «оказывались» вблизи английских владений, хотя фактически они были куда ближе к территории испанцев⁴⁶. Но, без сомнения, важнейшим инструментом «политической картографии» было название. Давая название географическим объектам, регионам и поселениям колонисты определяли и демонстрировали своё отношение к

⁴⁴ Dawnland Encounters / Ed. by C.G. Calloway. Hanover; London: University Press of New England, 1991.

⁴⁵ Коллекция Иллинойского Университета в Урбане-Шампейн: The Plymouth Colony Archive Project: Maps of New England and Plymouth // University of Illinois at Urbana-Champaign [official site]. URL: <http://www.histarch.illinois.edu/plymouth/plymaps.html> (28.05.2016); Коллекция университета Мэна: Osher Map Library. URL: <http://oshermaps.org/> (28.05.2016).

⁴⁶ Bach R.A. Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640. New York: Palgrave, 2000. P. 99.

метрополии, к соседям-колонистам и к коренному населению. Дж.Н.Дж. Кларк пишет: «называние как аспект составления карты стало основой визуального измерения владения: вербальная конструкция, с помощью которой культура проецирует себя на землю; переименовывая стирает одну историю и создает другую, закрепляет её в пространстве карты и самой территории». В той же статье автор отмечает значимость даже, казалось бы, совершенно утилитарных аспектов составления карты, таких как выбор шрифта и соотношение кеглей при наборе легенды карты⁴⁷. Ребекка Бах отмечает, что «и в Ирландии, и в Виргинии, английские колонисты использовали карты как инструмент завоевания, и коренное население воспринимало их именно так»⁴⁸.

Подводя итог анализу доступных источников, приходится признать, что главной проблемой является их односторонность. Нам доступны многочисленные хроники, мемуары, памфлеты, даже источники официального характера, но все они касаются в первую очередь колонистов. Взгляд индейцев приходится реконструировать с большой осторожностью, постоянно учитывая предвзятость источников и часто обращаясь к этнологическим данным. Несмотря на эти ограничения, обилие и разнообразие источников позволяют достаточно подробно и объективно рассмотреть взаимоотношения английских колоний XVIIв. с индейцами Новой Англии и решить поставленные в работе задачи.

⁴⁷ Clarke G.N.G. Taking Possession: The cartouche as Cultural Text in Eighteenth Century American Maps // *Word & Image*, Vol.4, #2 (1988). Pp. 455-74.

⁴⁸ Bach R.A. *Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640*. New York: Palgrave, 2000. P. 85.

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

Несмотря на обилие доступных источников, в историографии тема взаимоотношений с индейцами долгое время не рассматривалась специально. Конфликты с индейцами упоминались лишь мимоходом в общем контексте колониальной истории, а культурные и экономические аспекты взаимоотношений вовсе не рассматривались.

Именно в общем контексте колониальной истории отношения с индейцами рассматриваются обычно в отечественной историографии. основополагающими работами отечественной историографии колониальной истории можно назвать в первую очередь труды Е.В. Тарле и Л.Ю. Слезкина. Работа Тарле «Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств»⁴⁹ 1965 г. стала одной из первых отечественных работ, посвященных данной тематике. Л.Ю. Слезкин создал цикл работ, посвященных ранней истории Америки — «У истоков американской истории» (в цикл входят работы «Виргиния, Новый Плимут. 1606-1642»⁵⁰ и «Массачусетс, Мэриленд. 1630-1642»⁵¹). В них автор на основе скрупулезного анализа источников дает общее представление о жизни английских колоний в Новом Свете. Интересна также монография Слезкина «Легенда, утопия, быль в ранней американской истории»⁵², в которой автор рассматривает ключевые эпизоды колониальной истории, ставшие основой последующего «мифотворчества» американцев. Методологически работы советских историков по большей части остаются марксистскими, колониальная история в них предстаёт в первую очередь как история буржуазного, раннекапиталистического общества.

Из современных отечественных работ наибольший интерес для нас представляют монографии Ю.Г. Акимова. В работе «От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале

⁴⁹ Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. М.: Наука, 1965

⁵⁰ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. 1606-1642. М.: Наука, 1978.

⁵¹ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд. 1630-1642. М.: Наука, 1980.

⁵² Слезкин Л.Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М.: Наука, 1981.

XVIII в.» автор подробно рассматривает особенности английской колониальной политики, во многом повлиявшие и на формирование специфических институтов колоний Новой Англии — в первую очередь речь идёт о слабом контроле колоний со стороны королевской власти и «неорганизованности» английской колониальной политики⁵³. Значительный интерес представляет другая работа автора, «Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций»⁵⁴, в которой немало внимания уделено сравнению взаимоотношений с коренным населением в практике английской и российской колонизации.

Проблемы пуританской идеологии, в том числе отношения пуритан-колонистов Новой Англии к самому процессу колонизации, подробно рассмотрены в работах И.Ю. Хрулевой. В монографии «Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке»⁵⁵ автор рассматривает зарождение самой идеи пуританской колонизации, особенности её реализации и трансформации, неизбежно постигшие пуританскую идеологию при реальном переселении в Новый Свет. Особое внимание автор уделяет роли религиозных представлений пуритан в формировании их взглядов на построение «богоугодного» общества и развитию пуританской идеологии в условиях Нового Света — которое со временем привело к формированию в Новой Англии своеобразной пуританской ортодоксии, вопреки декларируемым изначально принципам «Града на Холме». В целом в отечественной историографии проблемы ранней истории колониальной Америки, в частности отношений с индейцами, остаются относительно слабо изучены. Хотя существующие отечественные работы написаны на высоком уровне, с использованием последних достижений исторической методологии, общее их число не велико, и спектр охваченных ими проблем относительно узок.

⁵³ Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

⁵⁴ Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.

⁵⁵ Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М.: Путь, 2002.

В зарубежной историографии индейцы долго оставались «прерогативой» этнографов, этнологов, антропологов и археологов. Их труды, часто описательные или посвященные очень узким «внутренним» проблемам, тем не менее, полезны и даже необходимы и историками, поскольку без представлений о мировоззрении, религии, хозяйственных практиках индейцев невозможно сколько-нибудь точно анализировать их поведение и мотивации. Одна из лучших этнографических работ по Новой Англии — монография Говарда Рассела «Индийская Новая Англия до «Мэйфлауэра»». Изданная первый раз полвека назад, «Индийская Новая Англия...», в некоторых аспектах, безусловно, устарела. Представления Рассела о политическом устройстве индейского общества сегодня кажутся весьма странными, кроме того, он практически не уделяет внимания духовной культуре и религии индейцев, приводя лишь «по случаю» несколько легенд. Но подробнейшее описание быта и хозяйственной жизни индейцев остается, пожалуй, лучшим из ему подобных и на сегодняшний день. Проблемы религии и особенностей общественного строя индейцев Новой Англии подробно рассматривает Кэтлин Брэгдон в работе «Коренное население южной Новой Англии, 1500-1650»⁵⁶. Ещё одна антропологическая (и отчасти пересекающая барьер между этнологией и этноисторией) работа, представляющая для нас большой интерес — «Понятие племени» Мортон Фрида⁵⁷, автор которой деконструирует традиционное понимание племени как организационной единицы индейского общества (такое его понимание свойственно, например, Расселлу) и показывает всю неустойчивость, текучесть и непостоянство индейских социальных структур, и, шире — необходимости отхода от оценки индейского общества в привычных европейской культуре терминах.

⁵⁶ Bragdon K.J. Native People of Southern New England, 1500-1650. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1996.

⁵⁷ Fried M.H. The Notion of Tribe. Menlo Park, California: Cummings Publishing Company, 1975.

Лишь в последние несколько десятилетий начали появляться собственно исторические работы, посвященные специально индейцам Новой Англии и взаимоотношениям с ними. Количество таких работ неуклонно растет, сюжеты англо-индейских взаимоотношений в них рассматриваются с самых разных точек зрения, но в большинстве из них прослеживаются две тенденции, в некоторой степени свойственные всей историографии колониального периода.

Важная особенность американской историографии, в том числе историографии колониального периода — «секционизм», иначе говоря изучение не страны в целом, а отдельного штата или группы штатов. Секционизм, на наш взгляд, нельзя назвать «исторической школой», более того, авторы, исследующие историю одного и того же района, могут придерживаться разных, зачастую диаметрально противоположных взглядов на предмет исследования. Тем не менее, вслед за авторами «Описания Американской истории»⁵⁸, мы всё же остановимся на секционизме как обособленном явлении. В первую очередь потому, что многие исследования, касающиеся колониального периода, в том числе и с темами, достаточно близкими к нашей, посвящены совершенно определённой «секции» — Новой Англии. Как отмечают Майкл Краус и Дэвид Джойс «Традиции <секционизма> в Новой Англии восходят к колониальным временам»⁵⁹. Множество исследований пуританизма и пуритан рассматривают именно новоанглийских пуритан. История Новой Англии в историографии в значительной мере обособлена от истории других регионов.

Ещё одна тенденция, касающаяся именно изучения взаимоотношений с индейцами, «унаследованная» историками от авторов колониального периода — относительно большая «популярность» войны короля Филиппа по сравнению с другими аспектами и событиями англо-индейских взаимоотношений в XVII в. Тенденция эта в значительной мере сохраняется и по сей день. Не следует считать, что Пекотская война была полностью забыта исследователями, но по сравнению с

⁵⁸ Kraus M., Joyce D.D. The Writing of American History. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1990.

⁵⁹ Kraus M., Joyce D.D. The Writing of American History. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1990. P.272.

обширнейшей историографией войны короля Филиппа, Пекотской войне уделялось и уделяется заметно меньше внимания. В принципе это понятно — война короля Филиппа была гораздо более масштабным конфликтом, и последствия её сложно переоценить. С другой стороны, Пекотская война, как мы надеемся показать, стала переломным моментом во взаимоотношениях индейцев и колонистов и, несмотря на относительно небольшие масштабы конфликта, также заслуживает самого пристального внимания.

В последние годы была опубликована лишь одна значительная работа, посвящённая Пекотской войне — «Пекотская война» Альфреда Кейва⁶⁰, 1996 года, в то время как о войне короля Филиппа написано несколько значительных монографий. Исследователи, занятые в основном другими проблемами — например, историей американской церкви — обращаясь к «индейским» сюжетам лишь по необходимости, отмечают значимость войны короля Филиппа для всей истории Новой Англии, но редко упоминают о Пекотской войне и, как правило, вовсе не затрагивают англо-индейских взаимоотношений до войны.

Эти две тенденции — «обособленность» Новой Англии и преувеличенная роль войны короля Филиппа в широком смысле определяют специфику всех работ, касающихся нашей темы. Они появились ещё в самых первых псевдо- и около-научных трудах, которые сегодня используются в качестве источников, и сохраняют своё значение по сей день — как своего рода фон, почти неизбежно присутствующий в работах особенно американских историков, вне зависимости от их взглядов на те или иные проблемы и принадлежности к той или иной исторической школе. В целом же исследование взаимоотношений с индейцами и колониальная историография существуют в общем русле развития исторической науки, и авторы их на протяжении двадцатого века склонялись к использованию

⁶⁰ Cave A.A. The Pequot War. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1996.

методологии подходов, разработанных в более широком историческом контексте, наиболее важные из которых мы рассмотрим ниже.

В конце XIX — начале XX века в американской историографии доминировало прогрессистское течение. Ключевая идея прогрессистского подхода — исторический процесс как непрерывное движение к состоянию большей свободы. Колониальный период американской истории в этом контексте воспринимался как «темное», отсталое время.

Историки этой школы сосредоточились в первую очередь на изучении экономических и социальных конфликтов в истории США. Несколько позже, в 1920-30х гг., по мере развития методологии, историки-прогрессисты всё больше отходили от чисто «описательной» истории, уделяя больше внимания теоретическому осмыслению истории. Обращаясь к проблемам колониальной истории прогрессисты активно критиковали апологетическую концепцию американской истории, представление о развитии американского общества как идеально демократического на всём протяжении его истории.

Некоторые из последователей данной школы уделяли значительное внимание связи американской истории с европейской, с глобальным процессом исторического развития, но, пожалуй лишь А. Шлезингер-старший полностью отошёл в своей работе «Политическая и социальная история Соединенных Штатов»⁶¹ отошёл от идеи американской исключительности. Даже рассматривая войну за независимость, прогрессисты часто акцентировали внимание на внутривнутриполитических преобразованиях в будущих США, и считали её скорее внутренней революцией, имеющей лишь опосредованное отношение к истории английского колониализма и противоречиям с Англией.

В рамках прогрессистской школы часто рассматривались проблемы интеллектуальной истории. Примером такой работы может служить труд Вернона

⁶¹Schlesinger A.M. Political and Social History of the United States, 1829-1925. New York: Macmillan, 1931.

Паррингтона «Основные течения Американской мысли», первый том которого озаглавлен «Система взглядов колониального периода (1620-1800 гг.)»⁶². Паррингтон подробно рассматривает религиозные взгляды колонистов как составляющую часть идеологии, и приходит к выводу, что успеху развитие колоний обязано распространению более демократичной версии протестантской идеологии, проводником которой в колониях стал Роджер Уильямс, более ортодоксальное же течение, ставшее основой например ранней идеологии Массачусетса зашла в тупик и постепенно потеряла всякое значение.

К прогрессистской историографии можно отнести и работы Фредерика Тернера, укрепившие концепцию исключительности и оказавшие значительное влияние как на американскую историографию, так и на массовое сознание. Речь идёт в первую очередь о «Значимости фронта для американской истории»⁶³. Согласно Тёрнеру, идея фронта — то есть идея жизни «на краю христианского мира», представление о постоянно существующей возможности отправиться дальше, расширить границы цивилизации — оказала решающее влияние на формирование американского менталитета, национального характера, и, в конечном счёте — американцев как нации, а следовательно, и на весь ход американской истории. Эта концепция важна для нас по двум причинам — во-первых, хотя сам Тёрнер не уделял особого внимания колониальному периоду, впоследствии некоторые исследователи «примеряли» идею фронта к ранней американской истории, в том числе и к истории Новой Англии⁶⁴. Во-вторых, хотя сам по себе тезис Тёрнера и вообще концепция фронта неоднократно подвергались и до сих пор подвергаются

⁶² Parrington V.L. *Main Currents in American Thought: The Colonial Mind*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1927.

⁶³ Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History* // *The Frontier in American History*. Chicago: Henry Holt, 1920.

⁶⁴ См., например: Vaughan A.T. *New England Frontier: Puritans and Indians, 1620-1675*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1995. Macalister T. *New England Frontier: The Prescott Garrison — 1692*. Haverford, Pennsylvania: Infinity Publishing, 2008. Doan D. *Indian Stream Republic: Settling a New England frontier, 1785-1842*. Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997. Carrol P.N. *Puritanism and the Wilderness: the Intellectual Significance of the New England Frontier, 1629-1700*. New York: Columbia University Press, 1969.

критике⁶⁵, влияние его на американскую историографию двадцатого века, особенно первой его половины, неоспоримо. Тёрнер стал одним из главных апологетов идеи исключительности — для него фронтир был совершенно особым, сугубо американским явлением. И многие исследователи, занимающиеся разными периодами американской истории и разными её аспектами, вслед за Тёрнером искали причины «особенности» предмета их исследований. Не миновала эта тенденция и историю колониального периода. Помимо уже упомянутых исследований «новоанглийского фронта», нельзя не сказать о работе Перри Миллера «Духовная культура Новой Англии XVII века»⁶⁶. Миллер, метод которого близок к интеллектуальной истории и истории идей, воспринимает историю колониальной Новой Англии в первую очередь как историю пуританизма. Позволим себе процитировать эссе Дэниела Роджерса из сборника «Придуманные истории: интерпретация прошлого американскими историками»: «Для Миллера и его последователей сепаратистский утопизм Новой Англии был ключом к национальному характеру и культуре. «Град на холме» Джона Уинтропа, символ надежды для мира, судьбы которого он избежал, был для них не абстрактной надеждой на будущее <...> он и был Америкой»⁶⁷. Таким образом, работа Миллера, одно из основополагающих исследований пуританизма и вообще колониальной истории, стала ещё и одним из важнейших трудов для сторонников исключительности американской истории. Идея, выросшая из прогрессистской историографии стала важным элементом интеллектуальной истории Америки. Позитивистская в основе своей и достаточно консервативная как в методологии, так и в выборе объектов исследования (которыми в большинстве случаев становились несколько ключевых «сюжетов» — начало существования колоний, война за

⁶⁵ См., например: Wade R.C. *The Urban Frontier: the Rise of Western cities, 1790-1830*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959. Limerick P.N. *The Legacy of Conquest: the Unbroken Past of the American West*. New York: Norton, 1988.

⁶⁶ Miller P. *The New England Mind: The Seventeenth Century*. New York: Macmillan, 1939.

⁶⁷ *Imagined Histories: American Historians Interpret the Past* / Ed. by A. Molho, G.S. Wood. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1998. P. 27.

независимость, гражданская война), прогрессистская историография во многом сдала свои позиции в послевоенный период, уступив место интеллектуальной, социальной истории и другим новым подходам, но некоторые из идей прогрессистов продолжали существовать в рамках этих новых школ.

Традиция интеллектуальной истории, выдающимся представителем которой был Миллер, развивалась. Одной из центральных фигур интеллектуальной истории стал Дэниель Бурстин. Его работа «Американцы: Колониальный опыт»⁶⁸, первая часть трёхтомного сочинения, обобщала опыт общественной и политической мысли колониальной Америки. Бурстин отмечает важную роль пуританизма в жизни колоний, а специфические особенности этой деноминации, в первую очередь свойственную пуританской теологии «практичность» считает залогом успеха пуританских колоний. Важное место в интеллектуальной школе занимает Эдмунд Морган. В работе «Видимые Святые. История Пуританской идеи»⁶⁹ автор рассматривает специфику церковной организации пуритан и сепаратистов. В методологии Моргана присутствует отчетливый элемент социальной истории или даже социологии — церковь рассматривается именно как социальный институт, теологические же аспекты новоанглийского пуританизма оказываются важны лишь в связи с социальными.

Элементы междисциплинарного подхода находятся и в монографии Питера Кэрролла «Пуританизм и дебри. Интеллектуальное значение границ Новой Англии»⁷⁰. Автор подходит к проблеме пуританизма в Новом Свете почти психологически, центральная тема его исследования — влияние Нового Света и самого факта переселения туда на мировосприятие колонистов, отличия пуританских идей, перенесенных в новые условия от чисто европейского их варианта.

⁶⁸ Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. М.: Прогресс, 1993.

⁶⁹ Morgan E.S. Visible Saints. The History of a Puritan Idea. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1965.

⁷⁰ Carrol P.N. Puritanism and the Wilderness: the Intellectual Significance of the New England Frontier, 1629-1700. New York: Columbia University Press, 1969.

Если сторонники прогрессистского подхода по большей части придерживались идеи исключительности, обособленности американской истории, то историки, принадлежавшие ко второй значительной научной школе, возникшей почти одновременно с прогрессисткой, исходили из прямо противоположной предпосылки. «Имперская» школа⁷¹ возникла в конце XIX века, опередив Тёрнера, Миллера, Бирда⁷² и других апологетов «американского пути». Сторонники её колониальной истории стремились вписать историю Америки в общий контекст истории Британской Империи и европейских колоний в целом. Видные представители этой школы, такие как Чарлз Эндрюс и Эдвард Чаннинг даже в войне за независимость США видели лишь эпизод, пусть и достаточно важный, в развитии британской колониальной системы. Именно в трактовке войны за независимость они сильнее всего расходились с прогрессистами.

Среди представителей имперской школы можно выделить Генри Осгуда. В своем фундаментальном труде «Американские колонии в XVII в.»⁷³ Осгуд предположил, что залогом успешности английской колонизации были не предприимчивость первых колонистов, в том числе пилигримов Плимута, и их спонсоров, а совокупность факторов, касающихся в первую очередь Англии — царящие в обществе настроения и совместные усилия пропагандистов, политиков, придворных, торговцев и моряков, а основой политических институтов колоний стали в первую очередь акционерные компании. Работы Осгуда и его последователей, например Дж.Т. Адамса⁷⁴ вопреки американской традиции практически полностью игнорировали религию как фактор формирования колониального общества, и активно выступали против идеи американской исключительности.

⁷¹ Kraus M., Joyce D.D. *The Writing of American History*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1990. P. 210.

⁷² Чарльз Бирд (Charles A. Beard) (1874-1948) — американский историк-прогрессист. Его работы оказали решающее влияние на американскую историографию начала двадцатого века. Первая и наиболее широко известная его работа — «Экономическая интерпретация конституции Соединённых Штатов» (1913).

⁷³ Osgood. H.L. *The American Colonies in Seventeenth Century*. Vols 1-3. New York: Columbia University Press, 1904-1907.

⁷⁴ Adams J.T. *The Founding of New England*. Boston: Atlantic Monthly Press, 1921.

Как и прогрессистская историография, «имперская» школа со временем утратила популярность, но её основные идеи — неразрывность связи американской и европейской истории, существование Америки в более широком историческом контексте, общность исторического развития — «воскресли» с появлением атлантической истории.

Последователи этого направления рассматривают историю колониальной Америки как часть сложной системы, которую представлял собой бассейн Атлантического океана во время активной европейской колонизации. Хронологические рамки, которых обычно придерживаются исследователи, работающие в русле «Атлантической истории» — с 1492 года до начала девятнадцатого века. Тематика исследований этой школы — трансатлантическая работоторговля, миграции и переселения, различные методы колонизации, столкновения культур и «циркуляция идей». Особенность атлантической истории не столько в предмете изучения, он достаточно близок «имперской» историографии, но скорее в методологии — представители этого направления часто обращаются к ранее не рассмотренной проблематике, близкой к проблематике новой социальной истории.

Первые работы, которые можно отнести к атлантической истории, появились ещё в 1950-х гг., в первую очередь следует назвать труд Роберта Палмера «Эпоха демократической революции»⁷⁵. Работа Палмера оказалась в некотором смысле преждевременной — хотя у Палмера нашлись сторонники, атлантическая история как самостоятельное направление в историографии начала оформляться лишь через несколько десятилетий, в 1980-х гг., в первую очередь усилиями гарвардского профессора Бернарда Бейлина. Бейлин организовал первый семинар, посвященный Атлантической истории. Особое внимание он уделял социальной истории и демографии. В 2005 году вышла работа, ставшая своеобразным итогом многолетней

⁷⁵ Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1959.

деятельности Бейлина, «Атлантическая история: концепция и очертания»⁷⁶, в которой автор рассматривает содержание этого нового историографического подхода, границы его применимости, и уделяет особое внимание процессам культурных взаимодействия в атлантическом мире, которые традиционная историография, в том числе «имперская школа», игнорировала или рассматривала без вписывания их в какой-либо более широкий контекст.

Колониальная история Америки для последователей «атлантической истории», как и для представителей имперской школы, представляется лишь частью большой системы. Одной из важнейших работ в рамках «Атлантической истории» является сборник статей «Британский Атлантический Мир: 1500-1800»⁷⁷ под редакцией Дэвида Армитэджа и Майкла Брэдика. Отметим также работу Алдена Вона «Через Атлантику: Американские индейцы в Англии, 1500-1776»⁷⁸, которая описывает несколько случаев, когда американские индейцы попадали в Англию. Данное исследование, на наш взгляд, как нельзя лучше показывает широту возможной тематики «Атлантической истории» и даёт представление о ранее не исследованных, или исследованных недостаточно, аспектах колониальной истории. Именно «трансатлантический» подход к истории колониального периода в данный момент можно считать наиболее «популярным», а некогда столь распространённую идею «особенности» американской истории зачастую считают «живучим мифом»⁷⁹.

Говоря о современной историографии колониального периода необходимо упомянуть работу Алана Тэйлора «Американские колонии»⁸⁰. С некоторой натяжкой «Американские колонии» можно отнести к «Атлантической истории», хотя автор уделяет гораздо больше внимания непосредственно колониям, чем их взаимоотношениям с метрополией. Тэйлор рассматривает историю английских,

⁷⁶ Bailyn B. *Atlantic History: Concept and Contours*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.

⁷⁷ *The British Atlantic World, 1500-1800* / Ed. by D. Armitage, M.J. Braddick. Cambridge; New York: Palgrave, 2000.

⁷⁸ Vaughan A.T. *Transatlantic Encounters: American Indians in Britain, 1500-1776*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

⁷⁹ Yerxa D.A. *Recent themes in early American history: Historians in Conversation*. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 2008. P. 10.

⁸⁰ Taylor A. *American colonies*. New York: Penguin Books, 2002.

голландских, испанских, французских, шведских колоний в Северной Америке, и даже уделяет некоторое внимание русской колонизации Аляски. Хронологически Тэйлор выходит за традиционные рамки колониального периода (1776 год, Война за независимость), его исследование затрагивает период до середины XIX века. Основная идея работы Тэйлора — превращение США из колонии в колониальную державу и продолжение колонизации, «организационным центром» которой становится Атлантическое побережье Америки. К атлантической истории можно отнести и работу Дэвида Кресси «Переселение: миграция и связь между Англией и Новой Англией в семнадцатом веке»⁸¹. Автор включает «стремление к распространению Слова Божьего» в общую схему мотивов, которыми руководствовались будущие колонисты, принимая решение покинуть Европу.

Среди работа историков-атлантистов есть и посвященные непосредственно отношениям с коренным населением Америки. Стоит отметить, например, труд Кристины Бросс⁸², опубликованной в 2004 году и посвящённой в основном христианизации индейцев и миссионерской деятельности. В первой главе Бросс обращает внимание на очень интересный на наш взгляд вопрос, до этого, насколько нам известно, слабо освещённый в литературе — восприятие отношений с индейцами жителями метрополии. Согласно Бросс, возможная христианизация индейцев была одним из важнейших инструментов в руках лидеров пуритан, которые искали поддержки идее колонизации Америки. К вопросу христианизации индейцев мы ещё вернёмся, Бросс же рассматривает в первую очередь реакцию на отдельные проходящие из колоний известия о связанных с индейцами происшествиях. К примеру, подробно рассматривается реакция английских протестантов на публикацию «Первых плодов Новой Англии». Хотя сама Бросс уделяет этой проблеме не так уж много внимания, приведённых ей фактов хватает,

⁸¹ Cressy D. *Coming Over: Migration and Communication Between England and New England in the Seventeenth Century*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1987.

⁸² Bross K. *Dry Bones and Indian Sermons: Praying Indians in Colonial America*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2004.

чтобы понять, что вопрос взаимоотношений с индейцами был для Англии достаточно важен. Подход Бросс позволяет на примере отношений с индейцами рассмотреть механизм взаимодействия колоний и метрополии. Образ индейцев и, шире, образ колоний, связанные с ним страхи и надежды, и колониальная трансформация общества метрополии подробно рассмотрены также в работе Ребекки Энн Бах «Колониальные трансформации: культурное развитие нового атлантического мира: 1580-1640»⁸³.

Одной из особенностей атлантической истории, как мы отмечали, стало обращение к тематике, от которой была весьма далека предшествующая, имперская школа. Во многих работах этого направления затрагивается проблематика, близкая новой социальной истории. Вирджиния ДеДжон Андерсон в работе «Генеалогия Новой Англии: «Великий исход» и общественные процессы в XVII веке»⁸⁴ продолжает традицию социального, почти социологического, анализа миграции в Новый Свет, а периодически — при описании, например, набора необходимых для жизни вещей, которые старались забрать из Англии колонисты, сближается с историей повседневности.

На пересечении интеллектуальной и атлантической истории написана работа Патриции Сид «Церемонии владения в Европейском завоевании Нового Света, 1492-1640»⁸⁵, в которой подробно проанализированы механизмы установления колониального господства и легитимизации колоний разных Европейских держав, в том числе Англии. Автор уделяет внимание как собственно механизмам установления колониального господства, так и процессу их формирования во взаимодействии европейских колониальных держав, и роли коренного населения Африки и Америки.

⁸³ Bach R.A. Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640. New York: Palgrave, 2000.

⁸⁴ DeJohn Anderson V. New England's Generation. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

⁸⁵ Seed P. Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492-1640. Cambridge, Cambridge University Press, 1995.

Пересекается атлантическая история и с экономической, и с историей окружающей среды, например в работе Ника Банкера «Бежать из Вавилона: Пилигримы Мэйфлауэра и их мир»⁸⁶. Автор связывает переселение пилигримов в Новый Свет с экономическими и политическими процессами по обе стороны Атлантики — от торговли пушниной до королевской религиозной политики накануне английской гражданской войны.

Важные изменения в трактовке колониальной истории начались в начале 1960-х, с появлением новой социальной истории. Новая тематика — гендерные исследования, «чёрная» история, изучение урбанизации — начала активно разрабатываться в контексте колониальной истории. Среди гендерных исследований можно выделить работу Аннет Колодни «Земля до неё: миф и реальность американских фронтиров 1630-1860»⁸⁷, посвящённую женщинам, попадавшим в плен к индейцам на протяжении XVII-XIX веков. Особенный интерес представляют описанные автором случаи, когда пленные женщины не просто «приспосабливались» к жизни среди индейцев, но и по собственной воле предпочитали остаться «в плену» — что свидетельствует о значительных различиях в отношении к женщинам между белыми и индейцами.

Среди исследователей, работающих в рамках упомянутой относительно новой тематики, на наш взгляд стоит отметить Гэри Нэша. Его исследования посвящены вопросам межрасовых отношений в колониальной Америке, а также истории городов. Среди его работ можно особо отметить монографию «Раса и Революция»⁸⁸, посвящённую наиболее ранним проектам отмены рабства, а также жизни свободного чёрного населения в период войны за независимость. Несомненно, внимания заслуживает «Красные, белые и чёрные»⁸⁹ — работа Нэша, посвящённая

⁸⁶ Bunker N. Making Haste from Babylon: The Mayflower Pilgrims and Their World: A New History. New York: Random House, 2010.

⁸⁷ Kolodny A. The Land Before Her: Fantasy and Experience of American Frontiers, 1630-1800. Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press, 1984.

⁸⁸ Nash G.B. Race and Revolution. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1990.

⁸⁹ Nash G.B. Red, White and Black: the Peoples of Early America. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice-Hall, 1982.

взаимоотношениям трёх рас, населявших американские колонии. Часть работы посвящена трансатлантической работорговле, что некоторым образом позволяет отнести её также и к «Атлантической истории». Тоже касается и составленного им совместно с Дэвидом Свитом сборника биографических эссе «Борьба и Выживание в колониальной Америке»⁹⁰. В сборник включены биографии простых жителей Северной и Латинской Америки. Таким образом, сборник объединяет тематику и методологию «Атлантической истории» и микроистории. Работа Нэша «Тяготы городов: северные морские порты и истоки Американской Революции»⁹¹ посвящена влиянию экономического развития крупных американских городов, таких как Бостон, Нью-Йорк и Филадельфия, а также их социальной структуры, на американскую революцию. Нэш — один из наиболее выдающихся исследователей колониальной истории Америки, работающих в русле социальной истории. Многие вопросы, которые он рассматривает в своих исследованиях (например, положение свободного чёрного населения и отношение к рабству во времена войны за независимость) до него не исследовались вовсе.

Проблемам социальной истории посвящена и работа Барри Леви «Рожденный в городке: политическая экономия Новой Англии от её основания до Революции»⁹². Автор пытается доказать — на наш взгляд, вполне успешно — что многие из механизмов социального контроля, существовавших в Англии, были успешно перенесены в пуританские колонии, и, несмотря на изменение «расстановки сил» в колониальном обществе в пользу рабочих и мастеровых, представление об индивидуализме, якобы свойственном «покорителям дикого Нового Света» неверно — освоение Новой Англии осуществлялось за счет коллективных механизмов, сформировавшихся в Англии.

⁹⁰ Nash G.B., Sweet D.G. *Struggle and Survival in Colonial America*. Berkley, California: University of California Press, 1981.

⁹¹ Nash G.B. *The Urban Crucible: the Northern Seaports and the Origins of the American Revolution*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.

⁹² Levy B. *Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.

Сборник «После войны короля Филиппа»⁹³ под редакцией Колина Гордона Кэллоуэя, посвященный индейцам в Новой Англии после войны Короля Филиппа — когда они словно бы «пропали» из большинства источников, и исследователи начисто забыли о них — включает разнообразные статьи, но в целом сборник, безусловно, близок социальной истории, и включает элементы истории повседневности, микроистории, этноистории и истории идей. Большой интерес представляет написанное самим Кэллоуэем вступление, которое не только прекрасно характеризует «пробел», существующий в американской историографии, когда речь заходит об индейцах Новой Англии в XVIII-XIX вв. — пробел, который только начинает заполняться — но и представляет лаконичный, достаточно полный обзор историографии индейцев в Новой Англии, от больших монографий (многие из которых упоминались выше), до небольших узкоспециализированных статей.

Ярко показывает разнообразие новых подходов к изучению колониального периода работа Марты Финч «Бунтующее тело: телесность в ранней Новой Англии»⁹⁴. В концепции Финч центральным элементом мировоззрения колонистов становится двойственность тела, и логически вытекающая из неё двойственность представлений о дисциплине и воспитании. Финч предполагает, что религиозная община подсознательно воспринималась колонистами-пуританами как коллективное тело, которое поддается воспитанию, наказанию и дисциплине также как и индивидуальное. А тело реальное, в свою очередь приобретает символическое значение, анализ которого позволяет объяснить особенности хозяйства и политики колоний.

Практически любая современная работа, посвященная взаимоотношениям с индейцами, в той или иной степени оказывается этноисторией. Этноистория изучает самостоятельно развитие и взаимодействие различных этнических групп, как

⁹³ After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England / ed. by C.G. Calloway. Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997.

⁹⁴ Finch M.L. Dissenting Bodies: Corporealities in Early New England. New York: Columbia University Press, 2010.

существующих, так и исчезнувших. Одна из основных проблем, изучаемых этноисторией — актуальная также и для современной антропологии проблема столкновения и взаимодействия «письменной» и «устной» культур. Изучение несуществующей ныне (или изменившейся до неузнаваемости) общности на основе заведомо тенденциозных, намеренно необъективных источников, созданных другой культурой, активное использование антропологических и этнологических концепция и идей⁹⁵, а также привлечение материалов смежных дисциплин (лингвистики, археологии, даже генетики) — основа этноисторического метода. Изучение коренного населения Новой Англии — не оставившего письменных источников, и на сегодняшний день бесповоротно изменившегося в результате взаимодействия с европейской культурой — не может не быть этноисторией, просто в силу специфики источниковой базы. Любое рассмотрение истории ранней Новой Англии, не представляющее индейцев как некий исключительно внешний фактор, по необходимости использует методы этноистории.

Этноистория начала формироваться в 1960-е гг., отчасти на волне развития всевозможных новых подходов в исторической науке, отчасти под воздействием внешних факторов, не имеющих прямого отношения к исторической науке — работы первых этноисториков часто создавались в активном взаимодействии с Коммиссией по рассмотрению требований индейцев (Indian Claims Commission), созданной для решения земельных споров между федеральным правительством и различными группами индейцев. Пик деятельности Комиссии пришёлся на конец 1960 — начало 1970-х гг.⁹⁶ В 1966 г. в рамках деятельности Комиссии было создано Американское Этноисторическое Общество. В связи с такой практической направленностью данной исторической школы, сложно назвать одну или несколько работ, положивших ей начало, или узкую группу исследователей, ставших

⁹⁵ Fenton W. N. Field Work, Museum Studies, and Ethnohistorical Research // *Ethnohistory*. #13, 1966. P. 75; Axtell J. *Ethnohistory: An Historian's Viewpoint* // *Ethnohistory*, #26, 1979. Pp. 3-4.

⁹⁶ Harkin M. *Ethnohistory's Ethnohistory: Creating a Discipline from the Ground Up* // *Social Science History*, #34, 2010. Pp.113-128.

«основателями» нового направления. Методология этноистории формировалась постепенно на материале множества узких, практических, зачастую сиюминутно практических, работ.

Несколько позже начали появляться большие работы, в которых использовалась отточенная сотрудничеством с комиссией методология. Среди этноисториков, в отличие от представителей других школ, отношения с индейцами, в том числе в Новой Англии, стали одной из самых «популярных» тем, хотя к материалу XVII в. и они обращались достаточно редко. Важнейшим представителем этноистории Новой Англии можно назвать Джеймса Акстела, чьи работы заложили основы как этноисторической методологии и проблематики в целом, так и современного «исторического» изучения индейцев Новой Англии. Его «Вторжение изнутри: столкновение культур в колониальной Северной Америке»⁹⁷ остаётся важнейшей работой данной тематики.

Среди последователей Акстела наиболее выдающимся можно считать Нила Салисбери. В его работах, в первую очередь в «Маниту и Провидение»⁹⁸ рассматриваются фундаментальные противоречия в мировосприятии индейцев и европейцев и взаимно неверные интерпретации основополагающих концепций двух культур, зачастую не выраженных вербально. Салисбери старается показать взаимодействие с европейцами в первую очередь с точки зрения индейцев и в свойственной их культуре «терминах», зачастую демонстрируя непривычные и неочевидные мотивации известных событий колониального периода, в том числе «индейских войн» и отношений индейцев с миссионерами. К этноистории можно отнести и работы Фрэнсиса Дженнингса, подробно рассмотревшего историю

⁹⁷ Axtell J. *The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America*. Oxford: Oxford University Press, 1986. См. также другие работы автора: *The Indian Peoples of Eastern America: A Documentary History of the Sixes*. Oxford: Oxford University Press, 1981. *The European and the Indian: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America*. Oxford: Oxford University Press, 1982. *After Columbus: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America*. Oxford: Oxford University Press, 1988. *Beyond 1492: Encounters in Colonial North America*. Oxford: Oxford University Press, 1992. *The Indians' New South: Cultural Change in the Colonial Southeast*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1997. *Natives and Newcomers: The Cultural Origins of North America*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

⁹⁸ Salisbury N. *Manitou and Providence: Indians, Europeans, and the Making of New England, 1500-1643*. New York: Oxford University Press USA, 1984.

ирокезов⁹⁹. Дженнингс также известен работой «Вторжение в Америку: индейцы, колониализм и риторика завоевания»¹⁰⁰ в которой подробно рассмотрены идеологические основы английской колонизации Нового Света. «Вторжение в Америку...», при всех своих достоинствах, очень тенденциозная работа, непримиримо критичная в отношении колонистов, которых автор обвиняет чуть ли не в целенаправленном геноциде коренного населения — хотя применительно к истории XVII в. такие обвинения выглядят весьма натянуто.

Важный вклад в этноисторию индейцев Новой Англии внесли Альден Вон и Дэниел Рихтер работой «Преодолевая культурные барьеры: индейцы и поселенцы Новой Англии»¹⁰¹. Авторы рассматривают процесс перехода индивида из одной культуры в другую, полного или частичного добровольного принятия образа жизни и ценностей другого общества. Вон и Рихтер уделяют больше внимания колонистам, добровольно покидавшим европейские поселения и ушедшим жить к индейцам, хотя указывают и на обратные случаи. Мы надеемся показать, что обратный процесс также шёл достаточно активно и имел большое значение для истории Новой Англии.

Как уже говорилось, элементы этноистории можно найти в подавляющем большинстве работ, посвященных взаимоотношениям с индейцами в Новой Англии XVIIв., даже в тех, проблематика которых в целом выходит за этноисторические рамки. Так, авторы наиболее значительных работ, посвященных Пекотской войне, Альфред Кейв и вышеупомянутый Альден Вон, стараются проанализировать мотивацию участвовавших в войне индейцев, как союзников, так и противников колонистов. Правда, в силу того что однозначно интерпретировать намерения индейцев на основе письменных источников крайне непросто, историки приходят к диаметрально противоположным выводам о причинах войны и «виновниках»

⁹⁹ Jennings F. *Empire of Fortune: Crowns, Colonies and Tribes in the Seven Years' War in America*. New York: Norton, 1988.
Jennings F. *The Ambiguous Iroquois Empire: the Covenant Chain confederation of Indian Tribes with English Colonies from Its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744*. New York: Norton, 1984.

¹⁰⁰ Jennings F. *The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest*. Chapel Hill, New York: Norton, 1976.

¹⁰¹ Vaughan A.T., Richter D.K. *Crossing the Cultural Divide: Indians and New Englanders, 1605-1765* // *Proceedings of the American Antiquarian Society*, 90 (1980).

конфликта. Кейв, в отличие от многих предыдущих исследователей, называет причинами конфликта, в первую очередь, территориальный конфликт и противоречия между разными группами индейцев. Лучше всего, его взгляд на характер войны и причины конфликта иллюстрирует короткий, но ёмкий пассаж из заключения к его работе: «На самом деле Пекотская война была чрезмерно разросшейся мелочной сварой из-за земли, торговли и дани между пекотами, мохеганами, наррагансеттами, голландскими торговцами и пуританами-англичанами»¹⁰². Вон же, напротив, отрицает территориальную подоплёку конфликта: «война велась не для того, чтобы захватить земли пекотов»¹⁰³. Кроме того, Вон возлагает «вину» за начало войны исключительно на англичан, в то время как Кейв считает, что политика индейских вождей, интриговавших против чрезмерно усилившихся пекотов, сыграла не меньшую роль¹⁰⁴. Работа Вона также открыла продолжительную дискуссию о характере взаимоотношений с индейцами в XVII веке. Вон считает, что первые годы взаимоотношений были исключительно мирными, и ни одна из сторон не искала конфликта. Главным оппонентом Вона стал уже упомянутый Фрэнсис Дженнингс, считающей, что пуритане с самого момента прибытия в колонии фактически планировали геноцид индейцев, и полное уничтожение коренного населения¹⁰⁵.

Элемент этноистории присутствует и в одной из наиболее интересных работ последних лет, посвященных войне короля Филиппа. Необычную интерпретацию этого конфликта предложил Дж. Дрэйк в книге «Война короля Филиппа: Гражданская война в Новой Англии, 1675-1676»¹⁰⁶. Традиционно война короля Филиппа интерпретировалась как неотъемлемая часть американской истории — истории американского народа, и иногда называлась «одной из кровавейших войн в

¹⁰² Cave A.A. The Pequot War. P. 178.

¹⁰³ Vaughan A.T. New England Frontier: Puritans and Indians, 1620-1675. P. 152.

¹⁰⁴ Ibid. P. 135.; Cave A.A. The Pequot War. P.177.

¹⁰⁵ Позиции сторон в этом споре описаны в работах Vaughan A.T. New England Frontier: Puritans and Indians, 1620-1675. и Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest соответственно.

¹⁰⁶ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1999.

американской истории», наравне с Гражданской и Вьетнамской. Дрэйк настаивает, что войну короля Филиппа нельзя, строго говоря, воспринимать как часть той же истории, что и упомянутые конфликты. В его интерпретации, общество XVII века — общество колонистов и индейцев, представляет собой отдельную структуру, и его история не является историей современной Америки. Войну короля Филиппа он рассматривает как гражданскую войну в этом обществе, и сравнивает её не с американской гражданской войной, а с Бобровыми Войнами¹⁰⁷ и восстанием Пуэбло¹⁰⁸. Нам такое разделение истории колоний и истории Америки кажется весьма продуктивным и совершенно оправданным подходом. Кроме того, Дрэйк отрицает неизбежность победы англичан — в более ранних работах победа англичан никогда не подвергалась сомнению, что, если вдуматься довольно странно. В конце концов, из источников вполне очевидно, что поначалу индейцы не просто успешно сопротивлялись, а побеждали, и после первых шести месяцев войны угроза поражения колонистов была вполне реальной.

Хотя Дрэйк, возможно, и зашёл дальше других исследователей, благодаря развитию и популяризации этноистории, в последние годы история отношений с индейцами все реже рассматривается как история войн, и всё больше исследователей склонны уделять внимание проблемам сотрудничества и культурного взаимодействия с индейцами. Работу Дрэйка можно считать наиболее полным и ярким выражением этой тенденции, но ни в коей мере не единственным.

Несмотря на обилие существующей историографии, история колониальной Америки, в том числе отношений с коренным населением, остаётся «популярной» среди исследователей. Благодаря развитию в последние десятилетия новых подходов — таких как атлантическая история, этноистория или гендерная история —

¹⁰⁷ Бобровые Войны — серия конфликтов между ирокезами (конфедерация племён, в тот момент поддерживаемая голландцами и, до некоторой степени, англичанами) и алгонкинами (получавшими помощь от французов), занявшая большую часть XVII в. Большая часть «сражений» Бобровых Войн происходила в регионе Великих Озёр (совр. штаты Иллинойс, Индиана, Мичиган, Миннесота, Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания, Висконсин и Канадской провинции Онтарио).

¹⁰⁸ Восстание индейцев Пуэбло против испанцев в 1680 г., в Санта-Фе-Де-Нуэво-Мехико (совр. территории Техаса, Оклахомы, Канзаса и Колорадо).

становится очевидно, что многие аспекты истории колониальной Америки до сих пор изучены недостаточно. Проблемы развития национальной идеологии, межрасовых отношений, роли женщин и — в том числе — отношений с коренным населением, их места в истории колоний — лишь недавно попали в поле зрения исследователей. В истории колониальной Новой Англии остаётся немало вопросов, требующих ответа.

ГЛАВА I. АНГЛИЧАНЕ В НОВОМ СВЕТЕ, ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ИНДЕЙЦАМИ (1620-1637 гг.)

К моменту прибытия первых колонистов в Новый Плимут, европейское освоение Америки уже шло полным ходом. Французские поселения в Канаде, английская колония в Виргинии, и испанские колонии в Южной Америке, существовали уже многие годы¹⁰⁹. Но для пассажиров «Мэйфлауэра» Америка была мрачной, негостеприимной «пустошью» (wilderness)¹¹⁰. Их ждали суровый климат, тяжкие испытания и опасные соседи — по крайней мере, сами пилигримы были в этом уверены. Наибольший страх вызывали именно соседи. Избранные самим Господом «святые»¹¹¹ не сомневались, что он не оставит их в трудный час, и не боялись труда. Но вот кровожадные дикари, хоть и подвластные Господу, всё же вызывали у них безотчётное беспокойство.

Уильям Брэдфорд¹¹² и его соратники ждали, что на новом месте им придётся соседствовать с не знающими никакой культуры, предельно далекими от цивилизации людьми-животными — столь же опасными и не заслуживающими доверия, как дикие звери. Эти дикари не имели представления ни о слове божьем, ни о надлежащей организации общества, ни о том, как правильно вести хозяйство. Землю они, видимо, вообще не обрабатывали, перебиваясь охотой, а то и вовсе каннибализмом. Только особое расположение Всевышнего и готовность защищаться

¹⁰⁹ Первые французские экспедиции на территорию нынешней Канады начались ещё в XVIв., в начале XVIIв. были основаны первые поселения в Акадии, а в 1608 — Квебек (город). Первое поселение на карибах, Санто-Доминго, было основано в 1496, а в 1501 возникли первые постоянные поселения на континенте. Таким образом, Англия, начавшая заселение Нового Света с основания Виргинии в 1607 (если не считать неудачного эксперимента Уолтера Рэйли с колонией Роанок) «отстала» и от Франции и почти на век от Испании и Португалии.

¹¹⁰ Wilderness, пустошь вообще было важным понятием для пилигримов, сравнивающих себя с народом Израиля в пустыне. См. к примеру: Bradford Op. Cit. Pp.78-79; Winthrop Op. Cit. P. 416.

¹¹¹ Пилигримы, будучи убежденными кальвинистами, называли себя «святými». См. к примеру: Bradford, Op.Cit. Pp. 2,3.

¹¹² Один из лидеров пилигримов. Впервые став губернатором Плимута в 1621, Брэдфорд избирался на этот пост пять раз и был одним из наиболее влиятельных политических деятелей в колониях. Кроме того, «журнал», History of Plymouth Plantation, является одним из важнейших источников по ранней истории колониальной Новой Англии.

могли позволить колониям пережить такое соседство¹¹³.

Естественно, к реальности представления Брэдфорда сотоварищи не имели практически никакого отношения. Не территории Северной Америки, в регионе, объединяющем северо-восток современных США и юго-восток Канады, который вскоре назовут Новой Англией, люди жили на протяжении нескольких тысячелетий¹¹⁴. К моменту встречи с европейцами индейцы Новой Англии, как и других регионов Америки, создали богатую и разнообразную культуру. Помимо развитой системы хозяйства — значительно более развитой, чем считали европейцы-современники, да и многие последующие исследователи — индейское общество обладало сложным политическим устройством, разобраться в котором европейцам было весьма непросто. От способов возделывания земли до форм собственности и базовых представлений о человеческом поведении, индейское общество и общество колонистов отличались практически во всем. Отличались настолько, что европейцы зачастую просто не видели тех или иных социальных механизмов, существующих в индейском обществе, но не встречавшихся в Европе. А те, что видели, интерпретировали через призму своих представлений совершенно неверно, что приводило к многочисленным недоразумениям. Индейцы, в свою очередь, далеко не сразу, с большим трудом начали разбираться в тонкостях отношений между европейцами.

Хотя предвзятость по отношению к индейцам была неотъемлемой частью культуры колоний, первые поселенцы смогли установить с индейцами относительно мирное и в целом взаимовыгодное сосуществование. Попытки понять своих новых соседей и наладить взаимодействие с ними были неизбежно окрашены культурными предрассудками колонистов — и оттого редко были успешны — но попытки эти имели место. Индейцы, в свою очередь, пытались наладить отношения с

¹¹³ Bradford Op.Cit. Pp. 24, 78.

¹¹⁴ Russell H.S. *Indian New England Before the Mayflower*. Lebanon, New Hampshire: University Press of New England, 1980. P.3; Подробнее см., к примеру: *Prehistoric Man in the New World* / ed. by J.D. Jennings. Chicago, University of Chicago Press, 1964.

колонистами и выработать некую взаимоприемлемую схему отношений. Переход к отношениям колонизаторы-аборигены произошел несколько позже, когда и колонии, и метрополия, и в какой-то степени сами индейцы изменились.

ИНДЕЙЦЫ НОВОЙ АНГЛИИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Прежде чем приступать к рассмотрению взаимоотношений английских колонистов с индейцами, следует составить общее представление об участниках этих взаимоотношений. И в источниках, и в историографии индейцы и их общество часто представлены неверно. Их авторы, как первые колонисты XVII века, так и ученые первой половины XX века (а некоторые и позже), допускали и допускают одну и ту же ошибку — они пытаются описать общество индейцев терминами общества европейского. Коренные жители Новой Англии оказываются в чем-то похожи на германские племена, расселившиеся за тысячелетие до прихода европейцев в Новый Свет по территории бывшей Римской империи¹¹⁵. Они, к примеру, живут племенами, каждым из которых управляет самовластный правитель-вождь.

Уже с этого момента начинаются заблуждения. Сложности вызывает даже интерпретация самого понятия «племя». Оно традиционно используется в историографии, в том числе и отечественной, будем им пользоваться и мы. Как обобщающий и упрощающий изложение термин «племя» вполне подходит, но точность его вызывает большие сомнения. «Племя» подразумевает некое политическое единство. Говорить о таком единстве в случае индейцев Новой Англии неосторожно. В силу присущих ему форм хозяйствования, индейское общество такого единства не подразумевало. К сложностям, связанным с использованием этого понятие и с идентификацией различных племен мы вернемся чуть позже, для начала же следует кратко охарактеризовать образ жизни и культуру индейцев Новой Англии.

Территория Новой Англии, а также Юго-Восток нынешней Канады представляли

¹¹⁵ См., к примеру: Russell H.S. *Indian New England Before the Mayflower*. Lebanon, New Hampshire: University Press of New England, 1980.

собой до прихода европейцев один регион, являющийся, в свою очередь частью большой этнографической «области», включающей значительную часть нынешних США и большую часть Канады — Северо-Западного Вудленда¹¹⁶. Впрочем, для какого бы то ни было анализа Вудленд — область слишком широкая. Хотя антропологи находят некоторые общие черты, объединяющие всё население этого громадного региона, на практике культуры Вудленда значительно различались языком, обычаями и образом жизни, так что имеет смысл Вудленд как несколько регионов меньшего размера, одним из которых и оказывается Новая Англия — включая и часть нынешней Канады.

Индейцев Новой Англии объединяли, в первую очередь, язык и образ жизни. В регионе были распространены языки, принадлежащие к двум семьям — алгонкинской и ирокезской, причем алгонкинских языков было значительно больше. Ирокезская языковая семья, господствующая в районе Великих Озер, в Новой Англии была представлена лишь несколькими группами, и те, вероятно, обосновались в Новой Англии относительно недавно. Алгонкинские же племена¹¹⁷ пришли в Новую Англию, по всей видимости, порядка 9-10 тысяч лет назад¹¹⁸. В алгонкинскую семью входит множество языков¹¹⁹ — в Новой Англии было распространено не меньше десятка — но все они достаточно похожи, и коммуникация между разными группами происходила без особых затруднений. Ирокезские языки значительно отличаются от алгонкинских, что, вероятно, сыграло свою роль в развитии многочисленных конфликтов между алгонкинами и ирокезами.

¹¹⁶ В доколумбовой Северной Америке выделяют обычно несколько «культурных областей» — субарктическую, равнинную и т.д. Одной из таких областей является Вудленд, делящийся на Северо-Западный и Юго-Западный. Северо-Западный Вудленд, к которому относят и Новую Англию, объединяет атлантическое побережье нынешних США и Канады от северной Каролины на юге до залива Святого Лаврентия на севере, а также районы Среднего Запада США, регион Великих озер, долину реки Святого Лаврентия и юг провинции Онтарио.

¹¹⁷ В зарубежной историографии жителей Новой Англии часто обобщенно называют просто Algonquians или Eastern Algonquians (алгонкинами). Речь идёт именно о принадлежности к языковой семье, а не к племени алгонкинов, относительно небольшом и политически не слишком влиятельном.

¹¹⁸ Russell Op. Cit. P. 3; Wiley G.R. An Introduction to American Archaeology, I: North and Middle America. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1966. Pp. 50-51; Jennings J.D. Prehistory of North America. New York: McGraw-Hill, 1968. Pp. 12,125.

¹¹⁹ В Новой Англии были распространены преимущественно языки восточной ветви алгонкинской языковой семьи — микмак, абенаки, массачусет-нарагансетт, поухатан, мохикан и др.

Среди народов Северной Америки, и Новой Англии в том числе, было широко распространено сельское хозяйство, хотя в отличие от преимущественно сельскохозяйственной Европы, в Северной Америке охота оставалась важными элементом хозяйственной жизни. Главными сельскохозяйственными культурами в Новой Англии, как и в других регионах Северной Америки, были кукуруза, бобы и тыква (сквош)¹²⁰. Несмотря на отсутствие металлических сельскохозяйственных орудий, земледелие у индейцев было достаточно эффективно и стабильно приносило высокие (по европейским стандартам того времени) урожаи. Этому способствовал как «выбор» достаточно неприхотливых, но продуктивных культур, так и использование специальных хозяйственных приемов, позволяющих увеличить урожай. Речь идет об использовании эффективных для своего времени удобрений (в том числе и изготовленных на основе продуктов рыболовства)¹²¹, и о совместном выращивании всех трех основных культур. На расчищенной (иногда подсечно-огневым способом) площадке высаживались ряды кукурузы, между которыми сеялись бобы и тыква. Бобовые растения «оплетали» высокие и быстро растущие стебли кукурузы, что обеспечивало им лучший рост и большую урожайность. Они же обогащали почву азотом, способствующим росту кукурузы, а тыква предотвращала распространение сорняков. Происхождение этого «метода» точно неизвестно, но он был распространен практически у всех земледельческих культур Северной Америки и действительно позволял добиться высоких урожаев при минимальных усилиях и с использованием лишь самых простых орудий¹²². Помимо земледелия, источником растительной пищи служило «развитое собирательство». Ягодные кусты и плодовые деревья не выращивались специально, но о них

¹²⁰ Russell Op.Cit. Pp. 147-150; Histories of Maize. / ed. by J.E. Staller, R.H. Tykot, B.F. Benz. Walnut Creek, California: Left Coast Press, 2009.

¹²¹ Morton T. New English Canaan. Scituate, Mass.: Digital Scanning, 2011. P. 86. Подробнее см. Russell Op.Cit. P. 166;

¹²² В историографии принято традиционное название этой системы — three sisters mound system (метод «трех сестер»). Подробнее см. например Mt. Pleasant J. The Science behind the Three Sisters Mound System // Histories of Maize. Pp. 529-537.

заботились, как и о культурных растениях, иногда даже огораживали и удобряли¹²³. Продукты собирательства не только разнообразили рацион, но и использовались в хозяйстве — к примеру, в качестве красителей¹²⁴.

Тем не менее, сельское хозяйство обеспечивало лишь часть потребностей индейцев. Даже в урожайные годы продукты земледелия и собирательства составляли немногим больше половины всего рациона¹²⁵. В значительной мере пропитание обеспечивала охота.

Англичане, впервые встретившись с индейцами, посчитали их народом чрезвычайно ленивым, и с осуждением писали об индейцах-мужчинах, которые целыми днями развлекаются охотой и рыбной ловлей, пока их женщины трудятся в поле¹²⁶. Колонисты верно заметили, что сельским хозяйством у индейцев Новой Англии занимались женщины, но их оценка индейских мужчин совершенно несправедлива. В Англии к XVII в. охота действительно стала, по большей части, развлечением, как и индивидуальное рыболовство. У индейцев же охота даже в самые лучшие, самые урожайные годы обеспечивала порядка 40 процентов рациона. Кроме того, охота была важным источником множества ценных ресурсов — шкур и меха, из которых делались и одежда, и (иногда) временные жилища, и многие предметы быта (мешки, сосуды, фляги, ремни и т. д.), а также кости, из которой изготавливались наконечники для стрел и иглы (которыми не только шили, но и скрепляли отдельные шкуры или листы коры при строительстве или изготовлении лодок), и костного мозга (необходимого для выделки кожи)¹²⁷. Практически все части добычи, а не только мясо, как часто бывало в Европе, находили применение в хозяйстве. Охотиться приходилось даже в урожайные годы, и от успешности охоты

¹²³ Russell Op.cit. Pp. 126-127.

¹²⁴ Ibid. Pp. 60, 68-71.

¹²⁵ Ibid. Pp. 72-184; Snow D.R. *Archaeology of New England*. Cambridge: Academic Press, 1980. Pp. 25-100; Cronon W. *Changes in the Land*. New York: Hill & Wang, 1983. Pp. 34-53.

¹²⁶ Levitt C. *Voyage into New England (1628)*. Mass. Hist. Society Coll, 3rd ser., 3. P. 178; Higginson F. *New England's Plantation*. Mass. Hist. Society Proceedings, 62; P. 316; Wood W. *New England's Prospects*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1977. P. 113; Gookin D. *Historical Collections...* Mass. Hist. Society Coll, 1st ser., 1. P. 149.

¹²⁷ Russell Op.Cit. Pp. 72-184; Snow Op.Cit. Pp. 25-100.

напрямую зависело даже не благополучие группы, а её выживание. Охота требовала физической подготовки, разнообразных навыков и знаний. Охотничья вылазка могла затянуться на много дней, а то и недель — недель непрерывной тяжелой физической работы, зачастую в тяжелых климатических условиях (Новая Англия всё-таки регион далеко не тропический, особенно осенью и зимой) и почти всегда опасной. Индейцы-мужчины, которых англичане встречали в поселениях и принимали за ленивых «трутней», проводящих время в праздности, пока женщины трудятся, на самом деле отдыхали, вернувшись после многодневной охоты — и вскоре им предстояла следующая вылазка, и так на протяжении всего охотничьего сезона, занимавшего большую часть года.

Ещё одна форма хозяйствования, малоизвестная в Европе, но распространенная у индейцев Северной Америки — расчистка и уход за охотничьими угодьями. Уже первые колонисты, прибывшие в Новую Англию, замечали, что здешние леса поразительно «чистые», почти лишены подлеска и в некоторых районах и вовсе больше напоминают ухоженные парки, чем дикие дебри¹²⁸. Колонисты, впрочем, посчитали это особенностью местной природы. Англичане также отмечали богатство Новой Англии дичью, и также считали его результатом удачного стечения обстоятельств. На самом деле это изобилие — а дичи в Новой Англии и правда было куда больше «положенного» в таком климате — объяснялось долгим и кропотливым трудом. Охотничьи угодья регулярно очищались от подлеска, который выжигался, при этом сохранялись деревья, а следующей весной пробивалась молодая поросль, привлекающая оленей и других животных, становившихся добычей охотников¹²⁹. Сама методика такой «очистки» леса, развивалась, вероятно, на протяжении веков и требовала не только практических навыков, но и большого запаса знаний, и довольно глубокого понимания взаимодействия различных компонентов экосистемы.

¹²⁸ The Voyage of John de Verazzano along the Coast of North America. New York Hist. Soc, Collections, 2nd series, 1 (1841). Pp. 57-67; Morton T. Manners and Customs of the Indians // Old South Leaflet, vol. 4, no. 87. Boston, 1897. P. 17.; Sieur Samuel de Champlain. Voyages. Boston: Prince Society, 1878. P.63.

¹²⁹ Ibid. Pp. 121-122, 125.

Рыболовство было важной частью хозяйственной жизни племен, живущих на побережье. Рыба и морепродукты пользовались большой популярностью, и некоторые прибрежные группы активно обменивали моллюсков и рыбу на кукурузу, мясо, шкуры и ремесленные изделия¹³⁰. Группы, живущие далеко от моря часто перемещались на лето поближе к побережью с целью торговли. Такие «вылазки» к морю и встречи с приморскими племенами становились настоящим событием — крупными сборищами, где помимо обмена устраивались танцы, игры, и прочие развлечения¹³¹. Так налаживались не только экономические, но и культурные контакты между разными племенами. Помимо морского промысла, распространено было и индивидуальное рыболовство — большинство племен селились по берегам рек или озер, и при наличии свободного времени многие индейцы — и мужчины, и женщины — рыбачили, жизни, хотя она и позволяла изредка разнообразить семейный стол.

Естественно не все племена одинаково активно занимались всеми тремя видами хозяйственной деятельности. Помимо уже упомянутых «специализированных» групп рыболовов, можно назвать одну общую тенденцию — по мере продвижения на север, важность земледелия постепенно падает, а охоты — напротив, растет. На юге Новой Англии (и южнее, например, в Виргинии) некоторые племена занимались в основном земледелием, и лишь изредка — охотой. На севере же были племена, живущие исключительно охотой. Существование такой специализации стимулировало развитие обмена и торговли, так что между отдельными группами возникла сложная система экономических, культурных и личных связей.

Надо отметить, что при всех несомненных трудностях жизни в довольно суровом климате Новой Англии, образ жизни индейцев в целом действительно был менее напряженным, чем англичан. Хотя хозяйственная деятельность требовала больших усилий, в индейском обществе не было непроизводительных элементов — даже

¹³⁰ Ibid. P. 111.

¹³¹ Ibid; Forbes A. Other Indian Events of New England. Boston: State Street Trust Company, 1941.

представители власти, сахемы¹³² и шаманы, участвовали в хозяйственной деятельности наравне со своими «подданными». Торговля была в основном меновой, и на обмен редко шли товары, без которых группа не могла выжить. Учитывая хорошо развитую неформальную систему взаимопомощи, при всех неизбежных трудностях хозяйственная деятельность индейцев оставляла достаточно свободного времени для досуга — который обычно проводился в общении с семьей, соседями или представителями других групп, совмещенном с ремесленной деятельностью — изготовлением посуды, инструментов, украшений и т. п. Общение это помимо отдыха выполняло ряд важных функций, в первую очередь способствовало быстрому и эффективному распространению новостей даже на значительные расстояния. Кроме того, большинство групп могли себе позволить хотя бы раз в год устроить торговую «вылазку», досуговая и социальная функции которой были едва ли не важнее экономической¹³³. И во время таких вылазок, и на протяжении всего года довольно часто устраивались праздники, длящиеся иногда по несколько дней, сопровождаемые танцами и спортивными играми, которые были чрезвычайно популярны — в индейский аналог футбола (или скорее лакросса) играли иногда целыми поселениями, по несколько десятков человек с каждой стороны, и матч мог продолжаться целый день¹³⁴.

Впрочем, для нашей темы важна не столько хозяйственная жизнь индейцев, которую мы охарактеризовали лишь в самых общих чертах, сколько их общественное устройство. Индейцы жили в основном небольшими группами, по несколько семей¹³⁵. Такая группа, не являясь в полном смысле кочевой, перемещалась в пределах определенной, довольно большой территории. Участки

¹³² Правителей индейцев по-русски обычно называют «вождями», но это не совсем корректно. Поскольку функции и социальное положение индейского правителя сильно отличались от таковых у «европейского» военного вождя, корректней использовать собственно индейский термин «сахем». Он же используется и в зарубежной историографии.

¹³³ Russell Op.Cit. P. 111.

¹³⁴ Ibidem

¹³⁵ См., к примеру: Houses and House life of American Aboriginies // Contributions to North American Ethnology, vol. 4. Pp. 7-11; Volo J.M., Volo D.D. Family Life in Native America. London: Greenwood Press, 2007. P. 23; Cave A. Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia. Oxford: Praeger, 2011. P. 13.

возделываемой земли — их у каждой семьи было несколько — могли быть расположены на значительном расстоянии друг от друга. Кроме того периодически совершались упомянутые «вылазки» к морю — или, если море было слишком далеко, в одно из многочисленных мест встреч и торговли¹³⁶. Общая тенденция падения важности земледелия по мере продвижения на север отразилась и на образе жизни — северные племена, живущие исключительно охотой, иногда вели полностью кочевой образ жизни. На юге же существовали довольно крупные поселения, где часть года жили десятки, если не сотни семей¹³⁷.

Так или иначе, небольшие, относительно независимые группы семей составляли основу алгонкинского общества. Объясняется это, на наш взгляд, особенностями хозяйственной жизни. Сельскохозяйственные техники индейцев позволяли повысить эффективность земледелия, но в отсутствие металлических инструментов расчистка земли под сельскохозяйственные нужды, даже подсечно-огневая, была делом крайне трудоемким и требующим времени. Расчистка участка, урожай с которого мог бы прокормить большую группу, требовала бы столько времени, что вырастить урожай в том же сезоне было бы уже невозможно. Более того, в расчистке должны были бы участвовать и мужчины-охотники, так что и охота на какое-то время остановилась бы. Индейцы вынуждены были ограничиться возделыванием от природы «чистых» участков — в лесистой Новой Англии немногочисленных — или расчисткой небольших площадей. Урожай, выращенный на, скажем, пяти-шести разрозненных небольших полянах, заросших в основном кустарником (который вычищали или выжигали женщины, пока мужчины охотились) не мог прокормить большое поселение, но был вполне достаточен для комфортного существования нескольких семей.

¹³⁶ Russell Op.Cit. Pp. 165-185.

¹³⁷ О владениях например виргинского «короля» Поухатана — почти 200 деревень, многие с населением в сотни человек, см. подробнее: Cave A. Lethal Encounters... P. 29. В Новой Англии же самым крупным из упоминаемых в источниках поселений кажется пекотский форт на реке Мистик, в котором - на момент войны и видимо укрываясь от англичан - было порядка 600-700 человек. (Cave A. The Pequot War. P.151).

Похожая ситуация возникала и с охотой. Охотники, как бы выносливы и умелы они не были, могли «обработать» за сезон ограниченную территорию. Если бы на этой ограниченной площади охотились одновременно несколько десятков, а то и сотен, достаточно эффективных добытчиков, довольно быстро добычи бы не осталось. Так что и с точки зрения охоты небольшая группа была идеальным вариантом. Несколько семей — достаточно, чтоб в случае неурожая или неудачной охоты выжить за счет взаимопомощи, но не так много, чтоб возникла ожесточенная конкуренция за ограниченные ресурсы.

Крупные племена объединяли множество таких групп. Впрочем, характер этого объединения не вполне очевиден. Принадлежность группы к племени определялась, в первую очередь, языком и обычаями — экономические же связи могли быть гораздо сильнее с представителями других племен, например, у земледельцев с рыбаками. Учитывая близость большинства алгонкинских языков и схожесть традиций, «большое» племя оказывалось довольно смутным понятием даже для самих индейцев. Структура власти и степень политического единства у индейцев долго оставались спорным вопросом. Часто индейское общество описывалось как жёсткая структура, в которой вожди-сахемы обладали практически абсолютной властью¹³⁸. Первые колонисты, а вслед за ними и многие историки, считали сахемов «королями», и власть их монархической. Впрочем, в последние десятилетия такое понимание власти у индейцев было поставлено под вопрос. Некоторые историки и антропологи предполагали и предполагают, что сама концепция “chiefdom” — не более чем удобная для исследователей эвристическая конструкция, другие же и вовсе предлагают от неё полностью отказаться¹³⁹. Даже признавая оправданность

¹³⁸ См. к примеру: The Complete Works of Captain John Smith, II. P. 27; Strachey The History of Travelle into Virginia Britania Pp. 51-52.; Власть сахемов описывалась как «абсолютная» и во многих исследовательских работах, вплоть до последнего времени. См. к примеру: Russell. Op.Cit. P. 19.

¹³⁹ Beck R.A. Consolidation and Hierarchy: Chiefdom Variability in the Mississippian Southeast // American Antiquity, Vol. 68, No. 4 (Oct., 2003). Pp. 641-661; О необходимости полностью отказаться от этой терминологии см., к примеру: Hodder I. Theoretical Archaeology: A Reactionary View // Symbolic and Structural Archaeology. Cambridge University Press: Cambridge, 1982. Pp1-16. Подробнее о неточности понятия племени в целом см. Fried M.H. The Notion of Tribe. Menlo Park, California: Cummings Publishing Company, 1975.

использования понятий «племя» и «вождь» в целом, следует помнить, что к Новой Англии эти понятия применимы лишь ограниченно. Явно определенной иерархии власти, свойственной «настоящим» племенам, у народов Новой Англии не наблюдалось. Как уже говорилось, «племя» оказывается довольно условным понятием. В отличие от европейских государств и даже государств доколумбовой Южной Америки, у индейских племен не было ни юридически закрепленных границ, ни династий, единственное, что позволяет во многих случаях отделить одно племя от другого — их самоопределение. Проблема в том, что в пересказе колонистов не всегда очевидно, как именно самоидентифицировались их собеседники. Колонисты называли «племенем» чуть ли не любую встреченную группу индейцев, зачастую используя в качестве названия такого «племени» географические детали — так, под названием «индейцев реки» («river Indians») были известны представители разных групп, не объединенных даже общим языком¹⁴⁰. Тот факт, что авторы первых источников записывали сложнопроизносимые для англоговорящих колонистов индейские имена и названия на слух, лишь увеличивает путаницу в «традиционном» распределении племен. Усугубляет ситуацию и тот факт, что колонисты зачастую «успевали» встретиться с одним и тем же племенем несколько раз, в результате одна и та же группа индейцев оказывалась известна сразу под двумя наименованиями — иногда не имеющими ничего общего с «племенем», частью которого они себя считали. А иногда группа индейцев «записывалась» сразу в два племени, одно относительно небольшое, и другое — крупное, объединяющее несколько «племен» поменьше. Отношения между участниками такого союза и вообще формы его существования колонистов мало заботили — «племя» и есть «племя». Даже в довольно важных случаях племенная принадлежность конкретной группы индейцев часто оставалась англичанам неясна — как в случае с индейцами Блок Айленд, названными исключительно

¹⁴⁰ Soulsbey M.G. Connecticut Indian Ethnohistory: a look at Five Tribes. MA thesis, University of Connecticut, 1981. Pp. 4-9.

«географически», с конфликта с которыми началась Пекотская война. Довольно очевидно, что они были союзниками пекотов, но помимо этого обозначаются исключительно как «Block Island»¹⁴¹.

<i>Термин Уильямса</i>	<i>Индейцы / Indians</i>	<i>Восточные индейцы / Eastern Indians</i>			<i>Маква / Maquas</i>	
Вероятное соответствие	Абенаки реки Сент-Фрэнсис	Ковассук	Пеннаук	Пигвакет	Могавки	Гуроны
Альтернативные наименования XVIII в.	Арсикантегук, Алсикантегук, Канадские индейцы	Кохасс, Кус, Кохассиак, Коэс	Пеннаук, Пеннок, Опенанго	Пеквакет, Пекваки	Каugnaвага, Канаваке	«французские могавки»
Современная языковая классификация	Алгонкины, в основном Западные Абенаки	Алгонкины, в основном Западные Абенаки	Алгонкины, в основном Западные Абенаки	Алгонкины, в основном Западные Абенаки	Ирокезы	Ирокезы, гуроны
Территория	Бассейн реки Сент-Фрэнсис	Долина реки Коннектикут	Долина реки Мерримак	Долина реки Сако, Уайт-Маунтинс	Долина реки св. Лаврентия	Квебек
Основные поселения	Оданак	Ковасс (Ньюбери, Вермонт)	Пеннаук (Конкорд, Нью-Гемпшир)	Пигвакет (Фрейбург, Мэн)	Канаваке, Ла-Монтань, Канестаке	Лоретт

Табл.1. Названия некоторых индейских «племен» северной Новой Англии в том виде, в котором их использует Джон Уильямс, автор «*The Redeemed Captive*», известного «*captivity narrative*» начала XVIII в., и их вероятные соответствия по представлениям современных исследователей. (Источник: Calloway C.G. *The Western Abenakis of Vermont, 1600-1800*. 1990. pp.8-9)

Кажется, что в большинстве случаев представление о принадлежности к племени, как некоторой политической единице, было индейцам если не чуждо, то, по крайней мере, не имело большого значения. Сам образ жизни индейцев не предполагал политического, протогосударственного единства, на которое вроде бы указывает термин «племя». Даже если у «племени» и был верховный сахем, власть его ограничивалась не только обычаями, не только зависимостью от личного авторитета и поддержки «старейшин», но и чисто практическими соображениями — большую часть времени сахем не имел даже связи с подчиненным ему племенем, что

¹⁴¹ Bradford W. *History of Plymouth Plantation*. Boston, 1856. P. 353.

делало практическое управление повседневной жизнью подданных затруднительным. Политическое единство племени во многих случаях оказывается иллюзией.

Показателен в этом смысле процесс образования новых групп. В Новой Англии XVII века мы сталкиваемся с этим процессом неоднократно. В первую очередь, стоит вспомнить мохеган, будущих союзников англичан — изначально то ли часть племени пекотов, то ли их «вассалов»¹⁴². Но для нас интересней события межвоенного периода. После Пекотской войны началась постепенная, и со временем всё более активная, миграция индейцев из «английской» Новой Англии на север, на территорию нынешней Канады, тогда занятой французами. В Канаде уже существовали «миссионерские» поселения для индейцев, вокруг которых формировались сообщества индейцев-христиан, всегда готовые принять «беженцев»¹⁴³. Кроме того, в Канаде хватало незанятых земель, которым не угрожало распространение английских колоний. Сформировавшиеся в Канаде группы воспринимались самими индейцами наравне со «старыми» племенами. И сами члены этих групп, похоже, не придавали своим «старым» племенным обозначениям большого значения — один и тот же человек, недавно бывший в Новой Англии «сахемом пеннакук» в Канаде оказывается «сахемом пигвакет»¹⁴⁴. Тоже происходит зачастую и в самой Новой Англии, с индейцами, переходящими с одной территории на другую. Похоже, что вопреки убеждению колонистов — и массовой культуры — принадлежность к племени была понятием скорее географическим, а своей принадлежности к «племени» индейцы обычно не осознавали и не придавали ей особого значения.

Если верить европейцам, индейские племена вообще переживали «раскол», чуть

¹⁴² Термин «вассал» здесь применим лишь в самом общем смысле, скорее для удобства изложения. Отношения между группами индейцев, естественно, мало напоминали европейский вассалитет.

¹⁴³ After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England. / ed. by C.G. Calloway Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997. Pp. 37, 48-49.

¹⁴⁴ Ibid. Pp. 45-46.

ли не каждый раз, когда им приходилось решать сколько-нибудь важный вопрос. Европейцы, кажется, не всегда сразу это понимали — к примеру, автор источника вполне мог описать заключение союза с тем или иным племенем, и очень удивлялся потом, когда оказывалось, что часть племени условий этого договора не соблюдает¹⁴⁵. Когда случались вооруженные конфликты — что между разными племенами, что с колонистами — практически не было случаев, чтобы всё племя выступило «единым фронтом». Даже в войне короля Филиппа далеко не все вампаноаг вообще участвовали в конфликте, более того — некоторые из них воевали на стороне колонистов¹⁴⁶. Так же было и с наррагансеттами, формально в войне поначалу не участвовавшими — многие из них выступили против англичан, а их сахемы утверждали, что не имеют власти над этим людьми¹⁴⁷. Англичане объясняли такое поведение индейцев либо слабостью сахемов, либо, чаще, вероломностью индейцев, не желающих соблюдать договоры, подписанные их же правителями¹⁴⁸. Но, учитывая особенности индейского общества, кажется более разумным предположить, что договоры эти вовсе не воспринимались как обязательные всем племенем. Хотя англичане почти всегда называют «верховного сахема» или «короля» какого-либо племени, практически все договоры подписывает со стороны индейцев не только он, но и множество более мелких сахемов¹⁴⁹. С точки зрения англичан, это делалось для придания веса и значительности туземному царьку, на деле же каждый из этих сахемов присоединялся к договору самостоятельно, отвечая лишь за свою небольшую группу, и не присоединившиеся к договору не считали себя им

¹⁴⁵ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. Stockbridge, Mass.: Nichols, 1803. Pp. 57, 53.

¹⁴⁶ Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 1. New York: Russell & Russell, 1967. P.576; Подробнее. см.: Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1999. Pp.97-99; Church B. The history of Philip's war: Commonly Called the Great Indian War, of 1675 and 1676. Also, of the French and Indian wars at the eastward, in 1689, 1690, 1692, 1696, and 1704. Exeter, New Hampshire: J.&B. Williams, 1829. Pp. 90-92,121.

¹⁴⁷ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P.98. Roger Williams to John Winthrop, Jr., June 27, 1675 // The Correspondence of Roger Williams. Providence: Rhode Island Historical society, vol.2. P. 698.

¹⁴⁸ Hubbard W. Op.Cit. P. 123. Pulsipher J.H. Massacre at Hurtleberry Hill: Christian Indians and English Authority in Metacom's War // William and Mary Quarterly, 3d ser., 53 (July 1996). Pp. 459-86; Saltonstall, N. The Present State of New-England with Respect to the Indian War [1675] // Narratives of the Indian Wars 1675-1699. New York: Scribner's, 1913. Pp. 47-48.

¹⁴⁹ Bradford W. History of Plymouth Plantation. Boston, 1856. Pp. 94, 431, 440.

связанными. Каждая группа обладала высокой степенью автономности, а учитывая простоту перехода из группы в группу (семья или индивид могли «переселиться» в любой момент, законных способов удержать их у себя не было, а в новую группу принимали обычно с радостью, лишняя охотничья или хозяйская — большая ценность), почти так же независимы были и отдельные семьи. Похожие выводы можно сделать и из изучения индейских войн. Индейцы практически не вели долговременных войн, и не устраивали масштабных кровопролитных сражений. Война состояла из серии отдельных коротких набегов и засад, осуществляемых обычно силами одной или нескольких семейных групп, имеющих вполне конкретные претензии к тем, на кого они нападали — будь то соображения экономические или месть за родственников¹⁵⁰. Даже в войнах с колонистами, как мы уже отмечали, племена редко объединялись. Заметно отличаются лишь ирокезы, представляющие собой куда более монолитную группу, гораздо больше напоминающую протогосударство¹⁵¹, или даже ранее государство, чем разрозненные племена Новой Англии.

Племя в том виде, как его представляли себе англичане и многие позднейшие историки, как политическое, государственное или протогосударственное объединение, не существовало. Оно представляло собой общность культурную и географическую — и скорее важно второе, поскольку культурно практически все индейцы Новой Англии были довольно близки. Разница быта и обычаев зависела в первую очередь от территории, которую занимало конкретное «племя» и объяснялась во многом чисто хозяйственными соображениями. Естественно, быт охотников севера Новой Англии и Канады, и охотников-земледельцев отличался, соответственно отличалась и культура — несмотря на общность языка. Но в одной географической области культурные различия между племенами были минимальны. В рамках канадских поселений представители самых разных племен объединялись достаточно свободно. Переселяясь на новое место индейцы не считали себя

¹⁵⁰ Russell Op.Cit. Pp. 187-88.

¹⁵¹ Volo J.M., Volo D.D. Family Life in Native America. London: Greenwood Press, 2007. Pp. 30-34.

«чужаками», живущими в другом племени — они спокойно принимали новое наименование и, похоже, не испытывали никакой тоски по «родному» племени¹⁵². Кажется, что принадлежность к племени вообще была для них понятием сугубо утилитарным. Члены одного племени были не гражданами одного государства, как это казалось поначалу колонистам, и не подданными одного вождя, как казалось первым историографам, а скорее земляками. Хотя и это не вполне точно. Индейское общество настолько отличалось от привычного нам, что все «наши», европейские термины могут использоваться лишь условно и плохо отражают сущность чуждых европейской культуре и истории понятий и отношений.

Примечательно, что во всех наших источниках — как бы искажены они не были — где приводятся записанные, пусть и неточно, слова индейцев, а не интерпретация их колонистами — практически невозможно встретить самоопределения индейцев как членов племени. Индейцы не говорили про себя «я вампаноаг» или «я наррагансетт». И вероятно не мыслили себя таковыми — важна была принадлежность к конкретной группе и связи с другими такими же группами.

Всё вышесказанное не значит, конечно, что от термина «племя» можно вовсе отказаться — хотя бы и из чисто практических соображений, уж слишком давно он используется. Да и лучшего способа как-то обозначить гибкую, подвижную и непостоянную общность индейцев, живущих на определенной территории и обладающих общим диалектом и традициями, нам пока не встречалось. Мы будем употреблять термин «племя», в первую очередь для удобства обозначения населения тех или иных территорий, но об ограниченности самого понятия следует помнить и, если, к примеру, источник утверждает, что «вампаноаг поддержали Филиппа», а страницей позже «те из вампаноаг, которые поддержали англичан» — никакого противоречия тут нет, просто термин «вампаноаг» — термин не столько индейский, сколько английский, и общность, им обозначаемая, если и существовала, то совсем

¹⁵² After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England / ed. by C.G. Calloway. Hanover, New Hampshire, 1997. P. 43.

не в том виде, как представлялось автору источника.

Рассмотрим некоторые наиболее важные «племена» Новой Англии. Не имея возможности в рамках данной работы провести глубокий и подробный анализ взаимоотношений всех племён интересующего нас региона, остановимся на нескольких наиболее крупных объединениях, некоторые из которых были названы выше. В первую очередь, следует обратить внимание на вампаноаг. Это объединение племён, обитавшее на территории современных штатов Массачусетс и Род-Айленд, стало первым и на какое-то время главным союзником англичан — к нему принадлежал и первый их «благодетель» Скуанто, и Массасойт — один из первых сахемов, установивших дипломатические отношения с колонистами¹⁵³. Численность конфедерации вампаноаг к 1600 году составляла примерно 12000 человек¹⁵⁴. В политическом отношении прибытие колонистов совпало с чрезвычайно неудачным для вампаноаг периодом — эпидемия 1619-20 гг. (в источниках говорится о чуме¹⁵⁵, однако современным представлениям это была оспа¹⁵⁶) ударила по всем племенам Вудленда, но вампаноаг пришлось, видимо, хуже всего, и хотя полностью своих позиций в регионе они не утратили, положение их сильно пошатнулось. Этим, как нам кажется, и объясняется их готовность сотрудничать с англичанами — вампаноаг необходим был сильный союзник, способный поддержать их, пока они не оправятся от последствий чумы.

Другое важное для нас племя — наррагансетт. Обитавшее на берегах Наррагансеттского Залива, это племя также принадлежало к алгонкинской языковой группе. Наррагансеттов практически не затронула эпидемия 1619-20. До неё наррагансетты не были самым значительным племенем, после неё они стали

¹⁵³ См. Bradford, Op.Cit., P.94;

¹⁵⁴ Russell, Op.Cit., P. 24; Chase H.E. Notes on the Wampanoag Indians // Smithsonian Institution Annual Reports, (1883), pp. 878-907.

¹⁵⁵ Bradford, Op.cit., pp.94, 95, 113

¹⁵⁶ Russell Op.Cit. P. 14.

практически сильнейшим и самым многочисленным¹⁵⁷.

Естественно, они рассчитывали воспользоваться ситуацией, и прибытие колонистов, которые могли существенно изменить расстановку сил в регионе, не вызывало у них особого восторга. Впрочем, колонисты, ещё не обустроившиеся на новом месте, были отнюдь не главной их проблемой.

Важнейшее для нашей темы племя — пекоты. Долгое время господствовала теория, возникшая ещё в XVII веке, согласно которой пекоты не были аборигенами Новой Англии, а пришли по долине реки Гудзон в начале XVI века.¹⁵⁸ Так это или нет, мы судить не беремся, но почти все свидетельства современников сходятся на том, что остальные индейцы воспринимали пекотов враждебно и на союз с ними шли весьма неохотно. Ключевую роль в первом крупном конфликте с колонистами пекоты сыграли по трём причинам — во-первых, они населяли долину реки Коннектикут, на которую англичане имели определённые виды. Во-вторых, пекоты, как и наррагансетты, почти не затронутые чумой начал XVII века, были многочисленны. Хотя новая эпидемия, 1633 г., как раз перед началом Пекотской войны, их все же коснулась, сократив численность племени по некоторым оценкам до 3000 человек (против 16000 в 1600 году)¹⁵⁹. Остальные племена Вудленда в то время находились в ещё худшем положении, а наррагансетты, которых миновала и эта эпидемия, просто были слишком малочисленны, чтобы противостоять пекотам в одиночку.

Важными силами в регионе были также принадлежащие к алгонкинской языковой группе племена мохеган и могикан (в русскоязычной литературе, особенно научно-популярной, их иногда путают из-за схожих названий). Оба эти племена, хоть и пострадавшие от эпидемий сохраняли значительное влияние и не собирались

¹⁵⁷ Russell Op.Cit. P. 13; Knowles J.D. Memoir of Roger Williams. Boston: Lincoln, Edmands & Co, 1834. P. 19. Winthrop J. The History of New England from 1630 to 1649. Boston: Phelps and Farnham, 1825, vol.1. Pp. 47, 194; De Forest J.W. History of the Indians of Connecticut. Hartford: Wm. Jas, Hamersley, 1851. Pp. 69, 92.

¹⁵⁸ Swanton J.R. The Indian tribes of North America. Baltimore, Maryland: Genealogical Pub. Co., 2003. P. 33.

¹⁵⁹ Cook S.F. The Significance of Disease in the Extinction of the New England Indians // Human Biology 45 (1973): Pp. 485-508; Speiro A.E., Spiess B.D. New England Pandemic of 1616-1622: Cause and Archaeological Implication // Man in the Northeast, 35 (1987). Pp. 71-83.

мириться с усилением пекотов и наррагансеттов. Между двумя этими племенами существовала вражда, тянувшаяся неопределённое, но, судя по всему, весьма продолжительное время. Прекратилась она, когда оба племени вступили в союз с англичанами. Возможно, причиной тому был их страх перед англичанами, но на наш взгляд более правдоподобно выглядит версия о стремлении избавиться от общих врагов посредством англичан. Нельзя исключать также, что вожди обоих племён стремились к прекращению вражды на протяжении некоторого времени, но сложный дипломатический этикет индейцев, требовал наличия посредника при переговорах, причём решающую роль играло «общественное положение» такого посредника — таковым должен быть достаточно сильный сахем (губернаторы колоний в дипломатических отношениях с индейцами считались «почётными сахемами»), причём его племя не должно было враждовать ни с одним из участников переговоров¹⁶⁰. Англичане идеально подходили на роль посредников. Заключение союза с колонистами преследовало три главные цели — противостояние общим врагам, пекотам в первую очередь, установление мирных отношений с англичанами с целью обеспечения собственной безопасности и прекращение вражды, которое, несомненно, было выгодно обоим племенам.

Племя абенаки было распространено, в основном, на территории современной Канады, но отдельные группы жили и в Новой Англии. Благодаря этому абенаки находились в необычном положении. Как и остальным племенам Новой Англии, им приходилось иметь дело с колонистами, но, в отличие от большинства своих соседей, абенаки могли без особых усилий уйти на север, в Канаду, где большая часть их племени наладила к тому моменту достаточно продуктивные добрососедские отношения с французами¹⁶¹.

Несмотря на различия в обычаях и традициях, система управления у «племена»

¹⁶⁰ Подробнее см.: Midtrod T.A. *The Memory of All Ancient Customs: Native American Diplomacy in the Colonial Hudson Valley*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2012. Pp. 53-54.

¹⁶¹ См. подробнее Calloway C.G. *The Western Abenakis of Vermont, 1600-1800: War, Migration, and the Survival of an Indian People*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1994.

Новой Англии была более-менее одинаковой. Сахем, даже если позиция его передавалась по наследству — что случалось не всегда — не был, конечно, абсолютным правителем. Его власть напрямую зависела от авторитета и поддержки как более «мелких» сахемов и сагаморов¹⁶², «управляющих» отдельными группами, так и просто уважаемых членов племени. Когда речь заходит о том, что такая-то группа подчинялась такому-то сахему и/или платила ему дань, речь идет не о некоей постоянной и нерушимой иерархии с ясно выраженными «ступенями». В силу тех или иных причин сахем или сагамор конкретной группы мог признать свою зависимость от другого сахема — что, впрочем, не слишком сказывалось на повседневной жизни его группы, члены которой вовсе не чувствовали себя «завоеванными» или угнетенными, и даже платить ему дань, но в свою очередь такой «вассал» мог оказывать давление, зачастую довольно сильное, на сахема-лидера. Мог он и сменить «вышестоящего» сахема, перейдя к другому, и такие переходы вовсе не обязательно предполагали конфликт¹⁶³. Племя как политическая структура формировалось из таких отдельных «договорных» отношений, условия каждого их договоров во многом зависели от конкретных ситуаций, и описать общую схему иерархии племени практически невозможно, настолько изменчивой и непостоянной она была. Поэтому и в отношениях с колонистами говорить о едином племени, принимающем то или иное решение бывает затруднительно. Группа сахемов, обладающих рядом общих интересов, заставляющих их, например, напасть на колонии, не была строго иерархичной, а само решение о нападении принималось не одним верховным правителем, а собственно всеми участвующими сахемами,

¹⁶² В источниках правители индейцев называются чаще всего сахемами, но иногда употребляется также термин «сагамор». Точная разница между двумя «должностями» не очевидна, если она вообще существовала. Иногда предполагают, что сагамор — позиция на уровень ниже сахема, «малый вождь», иногда — что оба термина обозначали одно и то же понятие в разных алгонкинских диалектах.

¹⁶³ Cave A. *Pequot War*. P. 37; Подробнее об относительности понятия племени и политической «разобщенности» индейцев Новой Англии см., к примеру: Salisbury N. *Manitou and Providence: Indians, Europeans, and the Making of New England, 1500-1643*. Pp. 41-49; Wallace A.F.C. *Political Organization and Land Tenure among the Northeastern Indians, 1600-1830* // *Southwestern Journal of Anthropology*, 13 (1957). Pp. 301-21; Fogelson R.D. *The Context of American Indian Political History: An Overview and a Critique* // *The Struggle for Political Autonomy: Papers and Comments from the Second Newberry Library Conference on Themes in American Indian History*. Chicago, 1989. Pp. 14-18; Fried M.H. *The Myth of the Tribe* // *Natural History*, 84 (1974). Pp. 12-20.

интересам которых такое нападение отвечало. Те же, кому такое нападение было невыгодно, в нем и не участвовали — что вовсе не означало «раскола» племени или даже нарушения устоявшейся иерархии. Поскольку полномочия сахема определялись традицией, власть его во многом зависела от личного авторитета, прямо приказывать своим подданным он мог лишь в очень ограниченных пределах. Особенно это верно для племен, живших на севере региона. Если в густонаселенной оседлыми племенами Виргинии «король»¹⁶⁴ Поухатан действительно мог «приказывать», не считаясь с желаниями подданных¹⁶⁵, среди кочевых племен нынешней Канады такое сложно представить, в том числе и с чисто технической точки зрения — на группу, не желающую участвовать в подобном мероприятии, сахему, помимо убеждения, попросту нечем было воздействовать. Впрочем, такова была ситуация на момент прибытия европейцев — одним из последствий колонизации стала постепенная консолидация племен и формирование более четко организованной структуры, но этот процесс всё-таки начался далеко не сразу, и в случае Новой Англии, где уже к концу семнадцатого века индейцы были практически полностью подчинены англичанам, приобрел довольно специфические формы.

Важной особенностью индейской политической культуры, отличающей её от европейской, было активное участие женщин в политической жизни племени. В отличие от Европы, где правили почти исключительно мужчины, среди индейцев было немало сахемов-женщин. Мы ещё вернемся к отношениям полов в индейском обществе, но, по крайней мере применительно к политическим институтам, отношения эти представляются совершенно равноправными. По всей Новой Англии, да и вообще в Северной Америки, женщины занимали в индейском обществе важные политические «посты». И речь идет не об уникальных единичных случаях, а о распространенной практике. К сожалению на основе наших источников сложно

¹⁶⁴ Strachey W. A True Repertory...; Thomas West, Lord Delaware A Short Relation Made by the Lord De-La Warre to the Lords and Members of the Council of Virginia // Jamestown Narratives. New York: RoundHouse, 1998. Pp. 436-437, 527-532.

¹⁶⁵ The Jamestown Voyages, vol .I. London: Hakluyt Society, 1969. P. 145.

точно подсчитать какой процент индейских «правителей» они составляли, но по крайней мере можно сказать, что женщина-сахем не вызывала никакого удивления ни у самих индейцев, ни даже у колонистов, проживших несколько лет в Новом Свете¹⁶⁶. Тот факт, что тот или иной сахем, оказывается, женщина, упоминается мимоходом, как нечто само собой разумеющееся¹⁶⁷.

Такова была ситуация у алгонкинских народов, а также у племен, говорящих на ирокезских языках, но не принадлежащих к собственно Лиге Ирокезов. Политическое устройство Лиги было значительно стабильнее, иерархичнее и вообще ближе к традиционным представлениям о племени и племенном союзе.

Между племенами, союзами и отдельными группами индейцев Новой Англии существовали сложные и запутанные «международные» отношения — то сходясь, то расходясь, превращаясь из врагов в союзников за весьма непродолжительное время, образуя долгосрочные союзы, или начиная долгую вражду, индейцы вели насыщенную «политическую» жизнь. Вряд ли европейцы смогли сходу разобраться во всех хитросплетениях индейской политики. Индейцы нередко пользовались замешательством колонистов и стремились использовать их в качестве союзников в межплеменной вражде. Возможно, самый яркий пример такого рода описан в «Хронике индейских войн в Новой Англии» — наррагансетты отказываются принять сторону пекотов в грядущей войне, поскольку считают, что выгоды, которые они получают от сотрудничества с англичанами, перевешивают возможную угрозу, исходящую от них.¹⁶⁸

Воспринимать сотрудничающих с европейцами индейцев как стремящихся «выкупить» себе место при новых хозяевах земли несколько неверно. Скорее, англичане выступают в роли орудия индейских вождей для решения своих

¹⁶⁶ О роли женщин в индейском обществе см. Russell H.S. *Indian New England Before the Mayflower*. P. 97.

¹⁶⁷ См. к примеру: Hubbard W. *A Narrative of the Indian Wars in New England*. Pp. 237, 221, 232, 135, 23. Mather I., Mather C. *The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather And History of the same War by rev. Cotton Mather*. New York, 1862. P. 170.

¹⁶⁸ Hubbard W. *A Narrative of the Indian Wars in New England*. P. 30.

противоречий. Как мы заметим позже, даже в крупных конфликтах союзники англичан не просто защищают своё благополучие и «выслуживаются», а преследуют свои цели. Момент, когда индейцы начнут ставить противостояние колонистам выше своих междоусобиц, настанет, если вообще настанет, значительно позже.

Колонисты, впрочем, тоже не стеснялись использовать межплеменные конфликты в своих целях. Там же находим описание заключения договора между колонистами и вождями наррагансеттов. Договор сильно ограничивал свободу «внешней политики» индейцев. Для заключения его англичане, возможно, воспользовались тем, что сахемы наррагансеттов не слишком хорошо понимали английский язык и не могли прочитать весь текст договора. Однако, пояснений о том, что согласно договору, враждебные наррагансеттам племена оказываются сильно ущемлены, едва ли не ставятся на грань уничтожения, хватило для того, чтобы индейцы с радостью приняли все условия.¹⁶⁹

Наличие подобных межплеменных конфликтов заставляет нас обратить внимание на союзников англичан среди индейцев и на отличие более поздних индейских войн от Пекотской и короля Филиппа. Да, одной из главных причин обеих этих войн был территориальный конфликт. Но это ещё не была война «на уничтожение». Вытеснение индейцев с их земель уже началось, но пока что англичане не стремились захватить все доступные земли. Образно выражаясь, и колонисты и индейские союзы племён были фигурами почти что одной величины. И индейцы-союзники колонистов были не бессильными обитателями резерваций, ожидающими милости от государства, а полноправными союзниками.

Возможные причины заключения подобных союзов мы рассмотрим ниже, а пока ограничимся перечислением дружественных и враждебных англичанам племён, чтобы обозначить наших «фигурантов» среди всего множества индейских племён. Последовательными союзниками англичан были могикане, могавки и мохеганы. Во

¹⁶⁹ Ibid. P. 32.

время Пекотской войны их также поддерживали наррагансетты. Другие племена, поддерживавшие нейтралитет во время Пекотской войны, во время войны короля Филиппа выступили против англичан: вампаноаг, покумтук, массачусет, нипмак, наррагансетт, абенаки.

Европейцы, и англичане в том числе, плохо понимали политическое устройство индейского общества, и даже научившись использовать внутренние противоречия между индейцами в своих целях, так видимо и не осознали его фундаментальных отличий от европейской политической системы. Не понимали они и других аспектов жизни индейцев. Заметные затруднения вызывали у них представления индейцев о собственности на землю. Историков долго занимал один, казалось бы довольно простой вопрос — существовала ли у индейцев частная собственность? Однозначно на него ответить не могли и первые колонисты. Понятия о собственности на землю различались даже среди европейцев. Разные представления о происхождении собственности на землю зачастую приводили к конфликтам между колониями. Для англичан основой собственности на землю было умение и возможность её обрабатывать¹⁷⁰. Кто землю возделывает, тот ей и владеет. Этот принцип, установившийся ещё в средние века, действовал и в самой Англии, и, тем более, в колониях¹⁷¹. Другой важной составляющей английских представлений о «правильной» собственности на землю было установление видимых границ, постройка изгородей и ясное разделение участков¹⁷². Французы же больше внимания уделяли формальным механизмам владения землей¹⁷³. Когда французское правительство объявляло «своим» участок земли в Канаде, а английские колонисты обнаруживали там огромное незаселенное пространство, в центре которого стояло небольшое поселение-фактория или миссия с несколькими монахами, конфликт был

¹⁷⁰ См. Seed P. Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492-1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 16-41.

¹⁷¹ Ibid. P. 19.

¹⁷² Ibidem

¹⁷³ Ibid, Pp. 41-69.

практически неизбежен. Чаще всего такие конфликты заканчивались мирным путем, хотя во время «больших» европейских войн, колонисты не забывали о своих интересах и старались добиваться четкого определения границ в колониях, или хотя бы отвоевывать «незаконное» занятые территории¹⁷⁴. Если даже внутриевропейские различия в обычаях и законах мешали восприятию собственности на землю, о взаимопонимании с индейцами по земельному вопросу и речи идти не могло. Тем более, что формы владения землей у индейцев были довольно специфическими. Обрабатываемая земля находилась в собственности племени, но отдельным семьям выделялись участки для обработки, которые обычно не отчуждались¹⁷⁵. Сложней обстояла ситуация с охотничьими угодьями. Границы охотничьих угодий каждой группы определялись довольно четко, но, несмотря на то, что все охотники одной группы охотились обычно вместе, выделялись всё же своего рода индивидуальные участки. Та же модель используется индейцами в Канаде до сих пор: когда группа охотников отправляется за добычей, каждый из её членов ведет группу на «своем» участке, он же проверяет на этом участке капканы и ловушки для птиц, и он же зачастую имеет право выбрать себе лучшие части добычи. По мере продвижения по охотничьей тропе, ведущие меняются. Определить такую форму владения как частную или общественную собственность в строгом смысле слова не представляется возможным. Вопреки расхожему мнению спекуляция землей — попытки выкупить землю и индейцев за бесценок, обманув «наивных дикарей» — в XVII веке практически не встречалась, по крайней мере в Новой Англии и Канаде. Землю у индейцев покупали, но старались давать за неё честную, хотя бы в представлении самих колонистов, цену. Конфликты возникали либо из-за того, что индейцы не всегда считали заплаченную цену справедливой, либо из-за того, что в

¹⁷⁴ Ibid, Pp. 6, 171. Peckham H. H. The Colonial Wars, 1689-1762. Chicago, University of Chicago Press, 1964; Jennings F. The Ambiguous Iroquois Empire : the Covenant Chain confederation of Indian Tribes with English Colonies from Its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York: Norton, 1984. P. 170.

¹⁷⁵ Russell Op.Cit. Pp. 21, 51; Flannery R. An Analysis of Coastal Algonquian Culture. Washington: Catholic University Collections. 1939. Vol. 9. P. 77. Sullivan J. The History of the Penobscot Indians // Massachusetts Historical Society, (1804). P. 213.

силу особенностей индейского землевладения колонисты не всегда понимали, кому, собственно, должны платить и кто «отвечает» за интересующий их участок. Довольно часто конфликты возникали также из-за того, что колонисты, особенно англичане, просто не воспринимали индейские земли как занятые — в конце концов, если землю не обрабатывают, она свободна, а большая часть земли Новой Англии согласно английским представлениям не обрабатывалась. Так что случаев «незаконного» заселения охотничьих угодий хватало, а вот возделанные земли честно выкупались, и не всегда дешево. Были и отдельные попытки совместить две системы хозяйствования на одной территории — мы ещё вернемся к ним, когда будем говорить о выстраивании союзов между индейцами и колонистами.

Пожалуй, сильнее всего от привычных европейцам отличались религиозные представления индейцев. Глубина этих различий была неочевидна поначалу многим исследователям, не говоря уж о колонистах — в частности, в ранней историографии можно встретить попытки приписать индейцам прамотеизм, хотя позже большинство исследователей от них отказались¹⁷⁶. Многие исследователи отмечали, что в языках индейцев присутствуют термины, обозначающие «единого бога». В действительности, этими терминами обозначали все необычное, все, что казалось индейцам сверхъестественным. Исследователь религии дакота Дж. Уолкер писал, например, что «в старом языке дакота понятие вакан-танка представляло собой два слова и обозначало целый класс духов, а через это всех духов, т. е. оно обозначало все божественное и никогда не было обозначением единого Бога»¹⁷⁷. Правда, после деятельности среди этих индейцев христианских миссионеров они стали применять свои древние термины для обозначения христианского бога. Об этом писал еще в конце прошлого столетия миссионер Дж. Дорсей. «На языке понка, — писал он, — ваконда означает “сверхъестественное” или “имеющее силу” и применяется это

¹⁷⁶ Walker J.R. *The Sun Dance and Other Ceremonies of the Oglala Division of the Teton Dakota*. New York: Lakota Books, 1917. P. 57; Dorsey J.O. *A Study of Siouan Cults*. New York: Lakota Books, 1894. P. 366.

¹⁷⁷ Walker J.R. *The Sun Dance and Other Ceremonies of the Oglala Division of the Teton Dakota*. P. 57.

слово во многих смыслах. Теперь оно используется для обозначения монотеистического бога»¹⁷⁸.

Впрочем, Уолкер недооценил глубину различий между европейским и индейским религиозным сознанием. Для индейцев «всё божественное» не отличалось от «всего сущего». Индейские верования представляли собой не религию, как её понимали англичане XVII века, а скорее способ восприятия окружающего мира. В первую очередь мир индейцев не был иерархичен. В Европейских религиях — не только в христианстве, с древнейших времен — практически всегда существовала базовая иерархия, основными ступенями которой были божественное, человеческое и природное. Христианство добавило в эту систему ещё одну, «низшую» ступень — дьявольское. Индейцы в европейском сознании с самого начала были вписаны в существующую иерархию — в роли «природного», либо «дьявольского». В религии индейцев — насколько тут вообще применимо понятие религии — такой иерархии не было. Человек, животные, растения, неодушевленные предметы в равной степени наделялись «духом», и «дух» человека принципиально не отличался от «духа» камня или животного.

Индейцы и англичане разделяли, на первый взгляд, некоторые общие религиозные представления. И тем, и другим было свойственно «магическое мировосприятие, в котором силы, действующие на мироздание, не подчинялись обычным законам причины и следствия»¹⁷⁹. И те и другие были склонны приписывать событиям повседневной жизни сверхъестественные причины. Но сходство это кажущееся. В мировоззрении индейцев не было места ни всемогущему создателю, ни дьяволу в христианском понимании. Индейские злые духи, редко влияли на повседневную жизнь, относясь скорее к сфере мифологии, чем к повседневной религиозности и шаманским ритуалам — для англичан же постоянное присутствие

¹⁷⁸ Dorsey J.O. A Study of Siouan Cults. P. 366.

¹⁷⁹ Cave A.A. The Pequot War. P. 26.

Дьявола было столь же очевидно, как и постоянное присутствие Всевышнего¹⁸⁰.

Благополучие и даже само выживание группы индейцев зависело от поддержания добрых отношений с духами окружающего мира, отвечающими за урожай, обилие добычи и т. п. Ритуалы, согласно мифологическим представлениям полученные всё от тех же духов, были на удивление гибкими и часто индивидуализировались шаманами¹⁸¹.

Центральной концепцией индейской религиозности, незнакомой европейцам — впервые описанной, хотя и неточно, Роджером Уильямсом — было маниту. Уильямс, правда, считал, что в концепции маниту, которое он определял как «благодать»¹⁸², проявилось интуитивное понимание идеи христианского Бога, «источника всей благодати». На самом деле маниту индейцев не было «благодатью», исходящей от какого-либо божества, и вообще не имело единого источника. Эта сверхъестественная сила — тот самый «дух», пронизывающий всё живое и многое из неживой природы, и многие продукты ремесла. Так что как попытки Уильямса считать маниту благодатью, так и свойственная большинству пуритан уверенность в том, что источником силы шаманов был дьявол, одинаково неверны. Не вполне понятно, стоит ли называть её сверхъестественной — для европейцев события и явления естественные и чудесные ясно различались, и последние были необычны. Маниту же было явлением естественным, пусть и внушающим уважение или даже религиозный трепет. Четкое разделение на священное, чудесное и обыденное было индейцам незнакомо. Также чужды им были и концепции божественного провидения, первородного греха и избранности «святых», которым суждено спастись. Все эти различия были важны, но настоящим камнем преткновения стало Священное Писание — вернее, пуританское его понимание. Если католические

¹⁸⁰ См. подробнее к примеру: Bowden H.W. *American Indians and Christian Missions: Studies in Cultural Conflict*. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 119; Hall D.D. *Worlds of Wonder, Days of Judgment*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. P. 238.

¹⁸¹ Bowden Op.Cit. P. 105.

¹⁸² Williams R. *A Key into the Language of America*. P. 126.

миссионеры готовы были пересказывать библию, приспособивая её к индейской культуре, одним из столпов пуританского вероучения была непогрешимость и неизменность Слова Божьего в форме Священного Писания. Разные интерпретации текста Писания допускались, отклонение же от него — ни в коем случае. Индейцам, религиозные функции у которых выполнял шаман, как правило «отвечающий» за небольшую группу и являющийся её органической частью, была чужда сама идея неизменной догмы. Шаман был индивидуален и находился в постоянном диалоге с окружающими сверхъестественными силами. Его личный религиозный опыт, высоко индивидуализированный даже в том, что касается ритуальных действий, определял религиозный опыт всей группы, отношения её с сверхъестественным миром¹⁸³. Индейцы не понимали догмы, а пуритане не понимали, как может существовать религия — по крайней мере, религия «настоящая» — без догмы.

Ещё один аспект общественной жизни, в котором опыт индейцев и колонистов совершенно не пересекались — отношения полов. Мы уже говорили о существовании многочисленных женщин — сахемов. Из этого не следует, впрочем, что общество индейцев было совершенно эгалитарным. Между полами существовало довольно жесткое разделение труда. Женщины занимались сельским хозяйством, собирательством и частью ремесел — например, гончарным, мужчины — охотой и ремеслами. Но в условиях индейского хозяйства производительная деятельность полов была одинаково важна, и отнимала столько времени и усилий, что мужчины и женщины оказывались во взаимозависимом положении, при котором оба пола обладали примерно равным влиянием и политической «силой». Касалось это и вопросов семейной и личной жизни. Женщины были вольны самостоятельно выбирать себе постоянных или временных партнеров и менять их по своему усмотрению¹⁸⁴. Домашнее насилие существовало, но было явлением крайне редким и

¹⁸³ Bowden H.W. Op.Cit. P. 105; Cave A. The Pequot War. P. 27.

¹⁸⁴ Russell H.S. Op.Cit. Pp. 51,92,97.

осуждалось, сексуальное же насилие было практически неизвестно¹⁸⁵. Женщины имели такой же доступ к позициям власти — сахемов, сагаморов, советников, шаманов, и к занятиям торговлей, как и мужчины. Только до охоты и войны женщины допускались крайне редко, в совсем уж исключительных случаях. Хотя приемы охоты на мелкую дичь, которую можно поймать не отходя от дома или по дороге к распаханному полю — белок, например — женщины изучали, как и рыболовство. Неудивительно, что и в XVII веке, и позже находились женщины — колонистки и американки — сбегавшие к индейцам или предпочитающие не возвращаться из индейского плена, будучи захваченными¹⁸⁶.

Заметно отличалось и отношение к детям. В Англии на тот момент существовала довольно суровая система воспитания, требовавшая от детей безоговорочного послушания и раннего начала трудовой деятельности. Распространена была и практика отправления детей в раннем возрасте в ученичество и на воспитание в другие семьи — делалось это иногда самим родителями, а иногда властями. Впрочем, даже «принудительное» переселение детей редко встречало сопротивление родителей и часто воспринималось как благо — бедной семье не приходилось кормить лишний рот, а ребенок обучался ремеслу и получал надлежащее воспитание. Англичане искренне верили, что такая система обеспечивала воспитание достойных христиан и трудолюбивых, полезных членов общества¹⁸⁷.

Отношение индейцев к детям было совершенно другим. Хотя раннее начало трудовой деятельности поощрялось, как правило, происходило оно в сопровождении родителей и не требовало отрыва от семьи — мальчики начинали охотиться вместе с отцом и другими родственниками, девочки — работать в поле вместе с матерью. Дети часто выполняли простые и не требующие больших усилий задачи —

¹⁸⁵ Russell H.S. Op.Cit. P. 97; Lahontan L.A. New Voyages to North America. New York: B. Franklin, 1970. P. 453.

¹⁸⁶ Особенно «популярна» история Мэри Джеймисон, захваченной индейцами сенека в подростковом возрасте и решившей остаться среди них. См. Seaver J.E. The Life of Mary Jemison. Scituate, Mass.: Digital Scanning, 2001. Известны и другие случаи. Подробнее см., к примеру: Ulrich L.T. Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England, 1650-1750. New York: Random House, 1991. Pp. 202-215.

¹⁸⁷ Levy B. Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution. Pp. 45,239.

собираательство, например. Пока мать работала в поле (обычно это занимало несколько часов в первой половине дня), дочь отправлялась собирать ягоды или ловить рыбу, а сыновья помогали с разделкой туш и другими сопровождающими охоту задачами¹⁸⁸. У детей оставалось, даже в подростковом возрасте, достаточно много свободного времени — непомерно много, в представлении англичан — которое тратилось на игры и общение со сверстниками. Кроме того, англичан возмущало, как откровенно индейцы балуют детей — и материальными подарками, и уделяя им «неподобающее» внимание, и слишком явно и часто демонстрируя эмоциональную привязанность¹⁸⁹.

Последнее, на что следует обратить внимание — представления индейцев о европейцах. В отличие от пилигримов, основавших в 1620 Новый Плимут, которые не знали об индейцах практически ничего, индейцы с европейцами уже встречались. Отдельные экспедиции, как английские, так и других европейских государств, посещали Новую Англию неоднократно, и зачастую торговали с индейцами. Помимо мирной торговли случались и случаи захвата пленных. Некоторые из индейцев, в том числе первый встреченный колонистами, Тискуантум (Скуанто), побывали в Европе — Тискуантум даже неоднократно¹⁹⁰. Племена, живущие севернее, встречались с английскими рыбаками на Ньюфаундленде, а в Канаде уже существовали французские поселения и миссии. Конечно, далеко не все племена встречались с европейцами, но учитывая оживленную торговлю между племенами и достаточно регулярные «сборы» — например вышеописанные вылазки к морю — информация распространялась довольно быстро. Индейцы знали, что у европейцев есть полезные товары, например, железные инструменты и огнестрельное оружие, которые они готовы обменивать на меха. Многие племена, соседствующие с французами, уже

¹⁸⁸ Russell Op.Cit. Pp. 104-111.

¹⁸⁹ Russell Op.Cit. Pp. 103, 114. См. также: Levy B. Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution. Philadelphia.

¹⁹⁰ Bradford Op.cit. Pp. 93-96; Gorges F. A Briefe Relation of the Discovery and Plantation of New England (1622) / Mass. Hist. Soc. Coll., IX (1823), 3; Mann C. 1491: New Revelations of the Americas Before Columbus. New York: Random House, 2005; Kinnicut L.N. Plymouth Settlement and Tisquantum // Mass. Hist. Soc. Proc. XLVII. Pp. 103-18.

оценили выгоду торговли с европейцами. Так что первые поселенцы в Новой Англии были встречены пусть и осторожно, но всё же гостеприимно. Индейцы вампаноаг помогли колонистам пережить первую тяжелую зиму, познакомили с выращиванием кукурузы, помогли наладить контакты с другими племенами¹⁹¹. Вероятно, ими все же руководил не чистый гуманизм, а как раз надежда на получении выгод от торговли с европейцами и соответственно конкурентного преимущества в борьбе с политическими противниками. Так или иначе, уже к началу английской колонизации Новой Англии, у индейцев сформировался определенный набор представлений о европейцах. Далеко не сразу индейцы поняли насколько отличаются поселенцы Нового Плимута от знакомых им — и то в основном по слухам — французов или английских рыбаков. Индейцам незнакомы пока были европейцы, собирающиеся поселиться в Новом Свете на постоянной основе. Не встречались они и с фанатично религиозными протестантами, для которых соображения религиозные зачастую оказывались важнее экономических и политических — в том числе и в отношениях с индейцами.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОЛОНИСТОВ О НОВОМ СВЕТЕ ДО ОСНОВАНИЯ КОЛОНИЙ

Мы не будем подробно рассматривать быт и культуру колонистов Новой Англии, этим темам посвящено огромное количество работ как зарубежных, так и отечественных¹⁹². Отметим лишь несколько важных особенностей Плимута и Массачусетса, отличающие их от других английских колоний.

В метрополии отношение к колониям было двояким. С одной стороны, создание колоний приносило зачастую огромные прибыли и способствовало укреплению престижа страны. С другой — колонии представляли собой несомненную опасность. Кто знает, в конце концов, что может произойти с англичанами, попавшими в чужие

¹⁹¹ Bradford Op.Cit. Pp. 94, 95, 100, 103.

¹⁹² См. к примеру: Miller P. The New England Mind. New York: Macmillan, 1939. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. М.: Наука, 1980. Bunker N. Making Haste From Babylon. The Mayflower Pilgrims and their world: A New History. London: Random House, 2011.

земли, окруженными враждебными дикарями, и лишенными надзора церкви и общества? Наибольший страх вызывали возможное разрушение традиционного социального порядка и «одичание» колонистов. Ходили слухи — в целом оправданные — что в колониях творятся жуткие непотребства. Колонисты без надзора церкви и власти спиваются, предаются разврату, и что хуже всего, ведут себя «не по чину» — простолюдины одеваются и ведут себя как джентльмены, нарушают законы, не уважают власти и так далее¹⁹³. Простолюдины, желающие в колониях «подняться» по социальной, лестнице подвергались насмешкам, в первую очередь, со стороны авторов многочисленных пьес и масок¹⁹⁴. Вообще театр, как популярный, так и придворный, был важным инструментом формирования отношения к колониям — как к самой идее, так и к колонистам и к коренному населению. Если надменные мастеровые, возомнившие себя невесть кем, подвергались насмешкам, то «одичавшие» англичане, отказывавшиеся от привычного образа жизни и уходившие жить к «дикарям», будь то индейцы или ирландцы, жестоко осуждались и — если их удавалось поймать — карались, зачастую смертной казнью¹⁹⁵. Сама идея существования народов, живущих вне рамок цивилизованности вызывала сильный, почти иррациональный страх. Очень немногим из европейцев индейцы казались всего лишь народом, лишенным некоторых «технических» достижений европейской цивилизации, и способным понять и принять идеи европейцев при небольшой помощи миссионеров. У большинства же индейцы вызывали не сочувствие, а страх. Дикарь — не только индеец, но и ирландец, и африканец — олицетворял собой все темные стороны человеческой природы — жестокость, распущенность, лень, беззаконность. Английские пуритане во многом самоопределялись через контраст с «Другим», представляющим собой антитезы пуританским ценностям и идеям. В

¹⁹³ Bach R.A. Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640. New York.: Palgrave, 2000. P. 10; The Records of the Virginia Company of London. Vol. III / ed. by S.M. Kingsbury. Washington: United States Government Printing Office, 1933. Pp. 221, 666; The Records of the Virginia Company of London. Vol. IV / ed. by S.M. Kingsbury. Washington: United States Government Printing Office, 1933. P.29.

¹⁹⁴ См. подробное обсуждение «Eastward Hoe», «The Memorable Maske», «A Virginia Maske» в Bach R.A. Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640.

¹⁹⁵ Cave A.A. Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia. P. 75.

Европе были католики и симпатизирующие им — яркий пример деградации христианского общества, лишённого милости божьей. В Америке же «Другим» были индейцы, «худшие из язычников», лишённые даже намека на цивилизованность в английском понимании. «Другой», индеец словно показывал богоизбранному народу Англии предыдущее, природно-дьявольское дохристианское состояние, из которого они так давно вышли, и в которое могли вернуться, поддавшись соблазнам, неизбежно возникающим в колониях

Распространение английской цивилизованности было важной частью колониальной миссии, одной из основных задач колоний — по крайней мере официально. И индейцы, осознанно или нет, угрожали этой задаче. Как отмечал Бернارد Шихан, и в Англии, и в колониях было широко распространено мнение, что «близость к дикарям\дикости» угрожала «потерей цивилизованности и даже самой души»¹⁹⁶. Этот страх разделяли и пуритане, и англикане. В 1622 г. симпатизирующий пуританам Джон Бринсли писал, что соседство с индейцами приведет к «отпадению от Господа», а колонисты, не сдерживаемые привычными рамками, станут «совершенными дикарями»¹⁹⁷. Ему вторил и англиканин Ричард Эбёрн, который призывал начать колонизацию Ньюфаундленда именно потому, что немногочисленность коренного населения сильно снизит опасность «порчи языка и крови»¹⁹⁸.

Страхи «потери цивилизованности» усугублялись и самой социальной структурой колоний. В колонии уезжали прежде всего те, кому в Англии места не находилось — молодые, бедные и не имеющие профессии или каких-либо полезных навыков мужчины¹⁹⁹. Женщин было гораздо меньше, а обеспеченных или облечённых властью граждан совсем немного. Общество Виргинии или Барбадоса

¹⁹⁶ Sheehan B. *Savagism and Civility*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 48.

¹⁹⁷ Цит. по: Cave A.A. *The Pequot War*. Amherst, Massachusetts, 1996. P. 18.

¹⁹⁸ Eburne R. *A Plain Pathway to Plantations (1629)*. Ithaca, NY, 1962. P. 137

¹⁹⁹ Подробнее о социальной структуре колоний см. De John Anderson V. *New England's Generation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. Pp. 14-41.

представляло собой словно бы квинтэссенцию самых беспокойных частей общества метрополии.

Население Новой Англии формировалось по-другому. Отцы-пилигримы, а позже пуритане Массачусетса принадлежали в основном к давно сложившимся конгрегациям, которыми руководили общепризнанные лидеры, как духовные, так и мирские²⁰⁰. Кроме того, при подготовке к «исходу» и во время путешествия колонисты уделили немало внимания вопросам организации власти, так что о свойственной другим колониям слабо контролируемой анархии речи не шло. Но и сами поселенцы отличались от «рабочей молодежи» Виргинии и других колоний. Пилигримы переселялись не ради материальной выгоды, они руководствовались в первую очередь религиозными мотивами²⁰¹. Они искали религиозной свободы, но с бытовой точки зрения большинство населения Новой Англии были вполне состоявшимися людьми — из Англии они ехали или из Голландии. Большинство владели тем или иным ремеслом (пусть и не всегда полезным на ранних стадиях существования колонии). Многие владели и имуществом — домами, мастерскими, землей, инструментами. Конечно, большинству пришлось продать или сдать в аренду свое имущество в Европе, чтобы оплатить дорогу до Новой Англии и все необходимое для путешествия, но тем не менее — поселенцы Новой Англии относились, говоря современным языком, к среднему классу и привыкли к соответствующему, достаточно спокойному и размеренному образу жизни. Если в других колониях собрались представители отдельных наименее привилегированных групп английского общества, в Новой Англии «срез» общества был гораздо более сбалансированным. Социальная структура небольшого английского городка перенеслась в Новый Свет с минимальными потерями. Конечно, колониальная

²⁰⁰ Среди них можно назвать пастора Джона Робинсона, Уильяма Брюстера, Уильяма Брэдфорда, Джона Уинтропа и других. Подробнее см.: DeJohn Anderson V. *New England's Generation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

²⁰¹ DeJohn Anderson V. *New England's Generation*. Pp. 100, 128; Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М.: Путь, 2002. С. 58.

трансформация не миновала и Новой Англии, но базовая структура английского общества поначалу оставалась неизменной²⁰².

Несмотря на все различия, в одном колонисты Новой Англии были похожи на своих собратьев из Виргинии и других колоний — отношение к коренному населению Америки во всех английских колониях было практически одинаковым.

Отцы-пилигримы, а позже пуритане, тщательно подготовились к переселению в Новый Свет. Они разузнали всё, что могли о климате и природе Новой Англии. Они знали, где расположены удобные гавани, с кем из соседей-европейцев нужно наладить торговлю, как можно скорее, какие из местных товаров заинтересуют купцов из метрополии и как их добывать. Кажется, единственное, что не слишком занимало будущих колонистов — индейцы. Что может показаться странным — в конце концов, информации о них в Европе хватало. Сейчас мы, конечно, знаем, что информация эта была зачастую катастрофически неточной, а интерпретация индейской культуры первыми европейскими исследователями не имела почти ничего общего с реальностью, но всё же информации как таковой хватало. В работах Хаклюйта и легендарного — в том смысле что большинство его походов являются плодом коллективного воображения — Джона Смита немало внимания уделялось коренному населению Америки²⁰³. Усилиями основателей колоний и их союзников уже начинала формироваться «колониальная» литература — пропагандистские тексты, направленные, в первую очередь на получение, дополнительного финансирования²⁰⁴. В этих пропагандистских памфлетах уже формировался некоторый усредненный образ индейца в целом.

Практически постоянно индейцы обозначаются как «бедные», «несчастные»,

²⁰² Подробнее см. DeJohn Anderson V. *New England's Generation*. Pp. 32-34.

²⁰³ *Travels and Works of Captain John Smith*. Vol. 3. Edinburgh, 1910. Smith J. *A Description of New England*. London, 1616. Hakluyt R. *Virginia richly valued...* Ann Arbor, Mass.: UMI, 1966.

²⁰⁴ Нас будут из них особенно интересовать связанные непосредственно с ранней Новой Англией, а именно: *New England's First Fruits: with divers other special matters concerning that country*. New York: Joseph Sabin, 1865.; Winslow E. *Good News from New-England*. Cambridge, Mass.: University of Massachusetts Press, 2014.; Winthrop J. *Reasons to be Considered for the Intended Plantation in New England (1629)* // *The Puritans in America: A narrative anthology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. P. 73.

«страдающие»²⁰⁵. Причём зачастую речь идёт не только о духовных страданиях несчастных, лишённых Божьей милости, но и о вполне мирской хозяйственной несостоятельности индейцев. В представлениях того времени «неумение» индейцев обрабатывать землю, полукочевой образ жизни — фактически синонимы бедственного положения²⁰⁶. Именно так образ жизни индейцев и воспринимался в Англии. Сами же колонисты от такого представления об индейцах избавились довольно быстро. Во-первых, земледелием индейцы занимались. В конце концов, именно индейцы познакомили англичан с выращиванием кукурузы, которая и помогла колониям выжить в первые, особенно тяжёлые годы. Да и заявления о «бедности» индейцев выглядят не слишком разумными — сами колонисты неоднократно получали от индейцев «гуманитарную помощь». Более того, известны случаи, когда неспособные вырастить урожай, голодающие «процветающие колонисты» воровали урожай у индейцев — к справедливому возмущению последних, и при активном неодобрении более благополучных товарищей²⁰⁷. Так что представление о несчастных оголодавших индейцах, если и существовало среди колонистов вообще, вряд ли «продержалось» дольше года после прибытия в Новый Свет. Но в литературе, направленной в Англию, индейцы так и оставались несчастными даже через несколько десятилетий после основания колоний. При этом каждое бедствие, поражавшее индейцев, расписывалось в красках, периоды же процветания не упоминались вовсе, да и бедствия самих колонистов (зачастую те же самые, что у индейцев, потому что климатические условия одинаковы для всех) тактично замалчивались²⁰⁸.

Многие сочинения, описывающие жизнь колоний, полны упоминаний об

²⁰⁵ New England's First Fruits. Pp. 5, 16, 17, 19, 42. Good News from New-England. P. 3.

²⁰⁶ Good News from New-England. Pp. 15, 21; New England's First Fruits: with divers other special matters concerning that country. Pp. 18, 43.

²⁰⁷ Good News from New-England. P. 16.

²⁰⁸ Пожалуй, лучший пример такого красочного описания бедствия индейцев можно встретить у Уинтропа, Подробно (и чуть ли не с восторгом) описывающего поразившую индейцев чуму: Winthrop J. Reasons to be Considered for the Intended Plantation in New England (1629) // The Puritans in America: A narrative anthology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. P. 73.

индейцах, стремящихся — без всякого давления — перенять те или иные черты образа жизни англичан. Поначалу они «проявляют интерес к вере англичан» и «находят её хорошей»²⁰⁹, позже — так проникаются любовью к англичанам, что во всем стремятся им подражать²¹⁰. Даже в письмах и дневниках появляются фигуры «хороших» индейцев — помощников колонистов. Естественно, каждый такой случай преподносится как триумф миссионерской политики колоний. В «Первых Плодах...» не говорится ни о какой-либо организованной миссионерской деятельности, ни о массовых обращениях, ни о принятии христианства крупными местными вождями. Все описанные и там, и в других подобных памфлетах случаи — это именно индивидуальные случаи. На самом же деле обращенных до начала активной деятельности Дж. Элиота²¹¹, «апостола индейцев», в 1660-х гг., были считанные единицы. Да и мотивы обратившихся к английской вере и образу жизни индейцев зачастую довольно сомнительны — были среди них и искренне уверовавшие, но были и те, кто стремился увеличить собственный авторитет за счёт близости к англичанам, и те, кто пытался уйти от преследования под защиту колонистов. Но преподнося каждый такой отдельный пример как свидетельство некоего масштабного процесса и «заваливая» читателя перечислением подобных случаев, авторам удаётся создать картину активного обращения индейцев. Даже говоря об «индейских детях, обучающихся у нас»²¹², автор благоразумно не называет их точного количества — весьма скромного.

Впрочем, этот пропагандистский образ создавался в основном «на экспорт», для богатых покровителей колоний, оставшихся в метрополии. В частной переписке и

²⁰⁹ Good News from New-England. Pp. 19, 14.

²¹⁰ New England's First Fruits: with divers other special matters concerning that country. NY, Pp.5-12. Весь этот фрагмент состоит из кратких рассказов об искренности и твёрдости в вере отдельных обращённых индейцев, каждому из которых посвящен отдельный параграф. Картина получается впечатляющей, хотя на самом деле перечислено всего пять новообращённых, «прославившихся» своей верой за двадцать с небольшим лет существования колоний.

²¹¹ Элиот, Джон (John Eliot) (1604-1690) — новоанглийский миссионер, наиболее известный своей деятельностью среди индейцев. Первым в Новой Англии попытался планировать миссионерскую деятельность среди индейцев и вести её более-менее организованно. Иногда его называют «апостолом индейцев», поскольку подавляющее большинство принявших христианство в XVII в. индейцев были обращены именно благодаря его усилиям.

²¹² New England's First Fruits... P. 7.

других «внутренних» текстах отношение колонистов к индейцам выглядит совсем по-другому. Джон Смит был совсем не чужд насилия и считал, что индейцам следует постоянно напоминать, кто в колонии хозяин и вообще регулярно ставить дикарей «на место», чтобы даже мысли о сопротивлении у них не возникало²¹³. Другие «коллеги» Смита зачастую и вовсе выступали за физическое уничтожение индейцев. Роберт Грей, например, напоминал жителям Джеймстауна, что если индейцы откажутся безоговорочно покориться англичанам, их следует безжалостно уничтожить, иначе колонистам грозит участь Саула, который «лишился своего царства, потому что пощадил Агага, нечестивого правителя амаликитян»²¹⁴. Его современник Уильям Симон и вовсе утверждал, что «Господь проклинает их, и призывает нас уничтожить их, как народ Израиля уничтожил Валаама»²¹⁵. К счастью, эти призывы не возымели действия, войны на уничтожение так и не произошло — по крайней мере в XVII веке.

Удивительно, что при наличии, пусть и необъективной, но всё же доступной информации об будущих соседях, колонистам Новой Англии удалось практически полностью её проигнорировать. Судя по тексту Брэдфорда, все знания колонистов о местном населении на момент прибытия в Новый Свет сводились к тому, что оно там есть. «Хроника Индейских войн в Новой Англии» свидетельствует, что перед отплытием будущие колонисты заранее разузнали всё возможное о судоходных реках и удобных гаванях своей новой родины, но о местном населении там даже не упоминается.²¹⁶ Возможно это упущение автора «Хроники...», жившего всё-таки через много лет после основания колоний, но возможно будущие переселенцы не смогли или не захотели подготовиться к встрече с индейцами — учитывая, как мало пишет об индейцах Брэдфорд в начале своей хроники, это толкование кажется нам

²¹³ The Complete Works of Capt. John Smith, I:81-82, 93. Подробнее об индейской политике Смита и вообще руководства Виргинии см. Cave A.A. *Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia*. Oxford: Praeger, 2011.

²¹⁴ Цит. по: Cave A.A. *Canaanites in a Promised Land: The American Indian and the Providential Theory of Empire*. // *American Indian Quarterly*, Vol.12, #4 (Autumn, 1988). Pp. 277-297.

²¹⁵ Цит. по: Cave A.A. *Canaanites in a Promised Land: The American Indian and the Providential Theory of Empire*. // *American Indian Quarterly*, Vol.12, #4 (Autumn, 1988). Pp. 277-297.

²¹⁶ Hubbard W. *A Narrative of the Indian Wars in New England*. P. 10.

даже более вероятным. В сознании пилигримов индейцы так прочно отождествлялись с «пустошью», что сама мысль о том, чтобы рассматривать их как культуру, народ не приходила им в голову. Возможно ли налаживать отношения со стихийным бедствием или плохой погодой? Само пренебрежение англичан доступной информацией об индейцах ещё до непосредственного основания колоний лучше всего демонстрирует их отношение к индейцам как к части дикой природы. Иногда индейцы называются даже “wild”²¹⁷, что скорее характерно для обозначения дикого животного, а не дикаря-человека, и лишний раз напоминает о дикой и враждебной «пустоши», окружающей «Град на Холме»²¹⁸. Новый Свет потому и был идеальным местом для колонизации, что в иерархии божественное-человеческое-природное Новой Англии отсутствовал — с точки зрения пилигримов — человеческий компонент. Не следует, впрочем, считать, что пилигримы, осознанно и обдуманно отказывались признавать индейцев людьми. Иерархическое миропонимание не осознавалось явно, но само поведение колонистов ясно показывает их отношение к новым соседям. Дикари, не живущие привычными общинами, не имеющие привычной социальной структуры, не возделывающие землю — не воспринимались как часть человеческого сообщества. В лучшем случае он ставились на одну ступень с окружающей природой, в худшем — объявлялись прислужниками Дьявола.

Представление «дьявольской» сущности индейцев дьяволу просуществовало в американской культуре долго, и оказывает на неё влияние до сих пор. Начиная с самых первых колониальных текстов, индейцы прочно ассоциируются с дьяволом²¹⁹.

²¹⁷ А преподобные Коттон и Инкриз Мэзеры, известные американские авторы того времени, и вовсе неоднократно называют индейцев «существами», «creatures» — см. к примеру *The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather And History of the same War by rev. Cotton Mather*. NY, 1862. Pp. 47, 53.

²¹⁸ Rowlandson M.W., Harrington T. *A narrative of the captivity, sufferings, and removes, of Mrs. Mary Rowlandson who was taken prisoner by the Indians at the destruction of Lancaster in 1675*. 1853. Pp. 9, 18, 27,70. Bradford W. *History of Plymouth Plantation*. P. 95.

²¹⁹ См. к примеру: Whitaker A. *Good Newes from Virginia*. London, 1613. Abbot G. *A Briefe Description of the Whole World*. London, 1664. *Good Newes From New England*, Pp. 58,192. Об отношении ранних исследователей и колонистов к религии индейцев см.: Shuffelton F. *Indian Devils and Pilgrim Fathers: Squanto, Hobomok, and the English Conception of Indian Religion* // *New England Quarterly*, 49 (1976). Pp. 108-16; Wood W. *New England's Prospect* (1634), Amherst, Mass.:

Источники пестрят упоминаниями о «дьявольском колдовстве индейцев», описаниями «сатанинских ритуалов» и «явлений дьявола», и даже Роджер Уильямс, составивший один из первых словарей их языка, автор одного из самых объективных и продуманных ранних описаний культуры индейцев, требовавший признания за ними прав на все земли Нового Света, считал своих друзей и соседей дьяволопоклонниками²²⁰. Хотя, на первый взгляд, не совсем понятно, почему. В христианстве существует очевидная разница между понятиями «язычник» и «дьяволопоклонник». Первое — простительно и может быть следствием невежества, второе — результат сознательного выбора и потому не заслуживает снисхождения. Так вот, в колониальной литературе индейцев довольно редко называют «heathen» и почти никогда — «pagan» («язычники»). И поклоняются они вовсе не идолам или «ложным» богам. Индейцы считаются дьяволопоклонниками, и почитают именно Дьявола.²²¹ Более того, с индейцами сравниваются и европейские «вероотступники», представители особо враждебных пуританизму христианских деноминаций (или просто личности аморальные и нецивилизованные — к примеру, католики-ирландцы, которых прямо называли «индейцами в Европе»,²²² или некий Мортон,²²³ связь которого с индейцами послужила одной из причин изгнания его из колоний).

И всё же индейцы оставались в представлении колонистов дьяволопоклонниками. В основе этих представлений лежала неспособность пуритан рассмотреть религию индейцев вне привычной системы координат. К примеру, и Джону Смиуту в Виргинии, и позже Эдварду Уинслоу в Новой Англии удалось наблюдать индейский ритуал инициации — символической «смерти» иницируемого

University of Massachusetts Press, 1977. Pp. 100-102; Eliot J., Mayhew T. Tears of Repentance; or, A Further Narrative of the Progress of the Gospel amongst the Indians in New England // Massachusetts Historical Society Collections, 3rd ser., 4 (1834). Hubbard W. A General History of New England from the Discovery to MDCLXXX. Cambridge, Mass.: Massachusetts Historical Society, 1815. Pp. 34-35.

²²⁰ Williams R. The Complete Writings of Roger Williams. Vol.1. New York: Russell & Russell, 1963. Pp. 152-53.

²²¹ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. Pp. 63, 335, 355, 372. Good News from New-England. P. 21.

²²² Cogley R.W. John Eliot's Mission to the Indians Before King Philip's War. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. P. 7.

²²³ Об истории «бесчинств» Мортонна см. например: Zuckerman M. Pilgrims in the wilderness: community, modernity and the Maypole of Merry Mount. // New England Quarterly 50 (June 1977). Pp. 255-77.

подростка с последующим «воскрешением» в качестве полноправного взрослого члена общества. И Смит, и вслед за ним Уинслоу искренне считали, что индейцы приносят своих детей в жертву дьяволу, «убивая» их по-настоящему²²⁴. Даже последующая встреча с прошедшими инициацию молодыми людьми не изменяла их мнения — они либо считали, что обознались, либо приписывали возвращение «жертвы» всё тому же дьявольскому колдовству. Даже после десятилетия жизни в Новой Англии Уильям Вуд, автор «New England's Prospects»²²⁵ был уверен, что во время праздников — паувау, индейцы призывали дьявола и использовали дьявольскую магию для лечения больных²²⁶. Пуритане были уверены, что индейские шаманы способны излечивать даже тяжелые ранения с помощью своих ритуалов, а по настоящему могущественные, такие как сахем-шаман Пассаконанвай, могли «заставлять воду гореть, двигать скалы, заставлять деревья танцевать и превращаться в горящего человека»²²⁷, а также создавать живую змею из сброшенной змеиной кожи, а зимой — выращивать из углей зеленые растения. Даже миссионеры, такие как Роджер Уильямс, или проповедовавший индейцам Мартас-Виньярда Томас Мейхью считали, что их «подопечные» поклоняются дьяволу²²⁸. Соответственно, и индейских шаманов называли, как и европейских дьяволопоклонников — ведьмами²²⁹. Пожалуй, отношение к индейской религии лучше всего показывает насколько проникнуто религией было пуританское мировоззрение — ни один из пуританских авторов ни разу не ставил под сомнение реальность способностей шаманов и действенность их ритуалов. Английские пуритане обладали столько же магическим видением мира, как и индейцы. Обе культуры признавали существование высших сил, но интерпретировали их по-разному.

Так откуда всё же появилось представление о дьяволопоклонничестве индейцев —

²²⁴ Good Newes, Pp. 58,192; Jamestown Voyages, I. Pp. 147-150.

²²⁵ Wood W. New England's Prospect (1634). Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1977. Pp. 100-102.

²²⁶ См., к примеру: Hubbard W. A General History of New England from the Discovery to MDCLXXX. Pp. 34-35; Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 1. P. 256.

²²⁷ Wood W. New England's Prospect (1634). Pp. 100-102.

²²⁸ Williams R. The Complete Writings of Roger Williams. Vol. I. Pp. 152-153.

²²⁹ Ibid

представление упорное, просуществовавшее долго в явной форме, а «подсознательно», в массовой культуре, сохранявшееся вплоть до середины XX века? В конце концов, прожив с индейцами бок о бок хотя бы несколько лет, колонисты должны были бы понять, что никакого дьяволопоклонничества не было и быть не могло, и тем не менее «литературные» индейцы остались «сатанистами» на многие десятилетия. И ведь англичане зачастую проводили среди индейцев по много месяцев, и участвовали в их праздниках, да и в плен во время войн попадали довольно регулярно. Рискнём предположить, что дело всё в том же отождествлении индейцев с природой. Пуритане отправлялись в Америку начинать с нуля новую жизнь, что требовало кардинальной перестройки их быта и культуры. В Америке им не могли помешать ни католики, ни англикане, ни почти забытые на время реформации, но неизбежно присутствующие где-то на периферии сознания мусульмане. Худшим кошмаром для колонистов были не голод, холод и прочие стихийные бедствия, а неудача сама по себе. С точки зрения пуритан неудача означала бы, что либо Господь отвернулся от них, и, значит, вместо спасения и вечной жизни их ждут вечные муки, либо — и это ещё хуже — их учение само по себе не верно. И в Америке списать неудачу на происки католиков, скорее всего, не получилось бы. «Пуританскому эксперименту» угрожали либо собственная нерадивость колонистов, либо природа как таковая. Даже веря в свою «избранность», англичане не могли не понимать, что жизнь на новом месте будет тяжелой. Сознательно они, вероятно, воспринимали грядущие трудности как испытание, посланное Всевышним. Избавиться от страха это не помогало. Природа, та самая «пустошь», была откровенно враждебна.²³⁰ Если природа пытается помешать строительству царства Божия, то вполне логично заключить, что помогает она, соответственно, Дьяволу. Индейцы — высшее её выражение, квинтэссенция и

²³⁰ Об этом см., к примеру: Bridenbaugh C. *Cities in the Wilderness. The First Century of Urban Life in America 1625-1742.* Oxford: Oxford University Press, 1971; Cave A.A. *The Pequot War.* Bremer F.J. *The Puritan experiment: New England society from Bradford to Edwards.* Lebanon, New Hampshire: University Press of New England, 1995. Adams J.T. *The Founding of New England.* New York: Atlantic Monthly Press, 1921.

персонификация природы. А значит индейцы — слуги и пособники Дьявола. Любые свидетельства против этого объяснялись, как результат особого расположения Господа к «избранным»²³¹. Одним из наиболее устрашающих качеств индейцев англичане традиционно считали сексуальную распущенность и невоздержанность — именно распространения этих грехов в отдаленных поселениях, соседствующих с индейцами, особенно опасались пуританские проповедники. Не будем погружаться в психологические истоки этих страхов, заметим лишь, что к реальности они имели мало отношения — хотя в некоторых отношениях сексуальная жизнь индейцев была свободней, чем у англичан, а отношения полов гораздо меньше зависели от общественного мнения и культурных стереотипов, назвать индейцев распущенными никоим образом нельзя, а подозревать их в сексуальном насилии над пленниками (чего особенно боялись во время индейских войн) и вовсе смехотворно — сами европейцы представляли в этом смысле куда большую угрозу. Тем не менее, индейцы были известны своим распутством²³². Правда, среди довольно многочисленных пленников и пленниц захваченных индейцами во время Пекотской войны, и позже, в войну короля Филиппа, и во время позднейших конфликтов, сексуальному насилию или даже домогательствам никто не подвергался²³³. Одну из девушек, похищенных из форта Сэйбрук, выражаясь юридически, «склоняли к сожителю» — но, получив в ответ твердый отказ, захватившие её индейцы в дальнейшем таких попыток больше не предпринимали²³⁴. Казалось бы, реальность очевидно противоречит устоявшимся представлениям, но англичане нашли этому

²³¹ Arber E. *The Story of the Pilgrim Fathers*. New York: Kraus Reprint Co., 1969. Pp. 513-14; Hubbard W. *Op.Cit.* P.61; Bradford W. *Op.Cit.* Pp. 105,113,98.

²³² Проблемы восприятия индейской сексуальности европейцами и вообще сексуальности в колониальном сообществе в последние годы часто привлекают внимание исследователей. Одной из лучших работ данной тематики является сборник «Секс и сексуальность в Ранней Америке», в котором подробно рассмотрено в том числе и представление о распутности индейцев. Подробнее см.: Smith M.D. *Introduction: Perceptions and realities // Sex and Sexuality in Early America*. New York: New York University Press, 1998. Pp. 1-7; Wood S. *Sexual Violation in the Conquest of the Americas // Sex and Sexuality in Early America*. New York: New York University Press, 1998. Pp. 9-35; Sayre G. *Native American Sexuality in the Eyes of the Beholders 1535-1700 // Sex and Sexuality in Early America*. New York: New York University Press, 1998. Pp. 35-55; Neuwirth S. *Her Master's Voice: Gender, Speech and Gendered Speech in the Narrative of the Captivity of Mary White Rowlandson // Sex and Sexuality in Early America*. New York: New York University Press, 1998. Pp. 55-87.

²³³ См., к примеру: Mason J. *A Brief History of the Pequot War*. Bedford, Mass.: Applewood Books, 2009. Pp. 69-70.

²³⁴ *Ibid.* P. 71.

простое объяснение — «цивилизованное» поведение «дикарей» объяснялось особым расположением Господа к «избранным» — он и «смягчил сердца дикарей», заставив их помочь голодающим пилигримам, и со временем помог пленницам избежать позора ²³⁵. Сходным образом объяснялись и другие противоречия между представлениями пуритан и реальностью.

Нужно отметить, что до некоторой степени страхи пуритан были обоснованы. Те самые черты образа жизни «дикарей», которые сильнее всего осуждались пуританскими и англиканскими проповедниками — свобода от ограничений закона и социальной структуры, сексуальная свобода, отсутствие тяжелого труда — неизбежно привлекали некоторых европейцев, как мужчин, так и женщин. Соответствие этих представлений реальности в данном случае не имело значения. Хотя в открытую этого никто не признавал, жизнь индейцев часто вызывала у колонистов зависть. У некоторых хватало смелости уйти из колоний и принять новый образ жизни ²³⁶ — правда, зачастую их ждало разочарование, когда выяснялось, что законы и обычаи индейцев не менее строгие, чем английские, сексуальная свобода также ограничена, трудиться приходится не меньше, а при возвращении в колонии ждет суровая кара. Большинство же подавляло эту зависть, но у склонных к интроспекции пуритан само возникновение таких мыслей приводило к развитию острого чувства вины, зачастую трансформирующегося в неприязнь и даже ненависть по отношению к индейцам. Чем и объясняются, по крайней мере частично, по современным стандартам откровенно нездоровые идеи Роберта Грея ²³⁷, и садистское наслаждение, с которым Джон Мэйсон описывает

²³⁵ Ibid. P. 73.

²³⁶ The Unmasked Face of Our Colony in Virginia as It Was in the Winter of the Year 1622 (цит. по: Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest. New York: Norton, 1976, P. 79); Strachey W. For the Colony in Virginia Britannia: Lawes Divine, Morall and Martiall. Charlottesville: University Press of Virginia, 1969, P. 20; Percy G. A True Relation // Jamestown Narratives: Eyewitness Accounts of the Virginia Colon. Champlain, Virginia: Roundhouse, 1998. P. 518; Horn J. A Land as God Made It. New York: Basic Books, 2005. P. 311; Canny N. The Permissive Frontier: The Problem of Social Control in English Settlements in Ireland and Virginia, 1550-1650 // The Westward Enterprise: English Activities in Ireland, the Atlantic and America 1480-1650. Detroit, MI: Wayne State University Press, 1979. Pp. 31-32.

²³⁷ Губернатор Виргинии, выступавший фактически за прямой геноцид индейцев. Подробнее о его политике см. Cave A. Lethal Encounters. Pp. 23-43.

резню в Мистик²³⁸, и вообще многие «экстремальные» идеи англичан относительно индейцев.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОЛОНИЙ И ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ИНДЕЙЦАМИ

В первые годы существования колоний, от основания Плимута до начала Пекотской войны, «политическая» составляющая отношений с индейцами была относительно слаба — колонии, только начинающие развиваться были пока ещё слишком слабы и малочисленны, чтобы активно вмешиваться в индейскую политику, или тем более расширяться и занимать новые территории. В первые полтора десятилетия существования колоний устанавливались торговые связи, заключались первые союзы, и — что возможно более важно — постепенный отход, хотя бы и частичный, от «заочных» представлений о новых соседях.

Этот период не богат событиями, но не менее важен, чем последующие бурные десятилетия. Некоторые из наиболее долгосрочных контактов — как между официальными лицами колоний и отдельными группами, так и личных, завязывались именно в это время. В этот период закладываются основы долгосрочного союза англичан с мохеганами, и непростых отношений с наррагансеттами, в это же время «знакомятся» с колонистами первые индейцы-переводчики, и заключается союз с вампаноаг, который просуществует до самой войны короля Филиппа.

Главное, что нужно отметить, говоря о 1620-х — первой половине 1630-х гг. — вопреки расхожим представлениям, конфликтов между индейцами и колонистами происходило на удивление мало, а те, что происходили — разрешались, как правило, мирно, без всякого насилия. История колонистов и индейцев в Новой Англии, часто представляемая исключительно антагонизмом, началась не с конфликта, а с мирного сосуществования, с появления и укрепления целой сети связей — экономических,

²³⁸ Mason J. A Brief History of the Pequot War. P. 30.

политических, культурных, личных. Впрочем, первая встреча с индейцами, казалась, подтверждала все опасения пилигримов.

Ещё до высадки на месте будущего Нового Плимута, разведывательная партия колонистов набрела на некое священное для индейцев место. Помимо нескольких захоронений, англичане обнаружили запасы кукурузы, которые и унесли с собой, «намереваясь при случае честно заплатить»²³⁹. На следующую ночь их обстреляли из луков и некоторых ранили, хотя до рукопашной дело не дошло²⁴⁰.

Из всех доступных источников, «История поселения в Плимуте» Брэдфорда даёт нам наибольшее количество сведений о первых контактах и самом начале отношений с индейцами. Большинство остальных источников, включая «Хронику индейских войн в Новой Англии» открываются сразу началом Пекотской войны, относительно предыдущих лет ограничиваясь замечанием, что «Всё шло хорошо и колонии процветали с года 1620 до года 1636, когда началась война с Пекотами»²⁴¹. Подобное утверждение является явным преувеличением — хотя бы потому, что не освещает никоим образом причин войны. Повод к ней рассматривается ниже, но считать причиной войны одно, пусть даже и очень жестокое убийство, кажется нам всё же наивным и безответственным. «Журнал» Джона Уинтропа также менее ценен для данной части нашей работы, поскольку «начинается» на 10 лет позже и, как мы заметим далее, в отношениях с индейцами жители Массачусетса, по крайней мере, на первых порах, часто обращались за помощью и советом к более опытным обитателям Плимута.

Итак, первый контакт с индейцами закончился столкновением. Через несколько дней произошёл второй, на сей раз гораздо более продуктивный — индеец по имени Самасет по собственной воле явился в лагерь колонистов. Главным открытием для пилигримов стало то, что он умел говорить по-английски, причём, по его словам, не

²³⁹ Bradford W. Op.Cit. P. 83.

²⁴⁰ Bradford W. Op.Cit. P. 85.

²⁴¹ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 10.

он один — некий Скуанто говорил по-английски даже лучше него и бывал в Англии. Наконец, самое важное — Самасет привёл в лагерь колонистов своего сахема Массасойта (заметим, что на самом деле Массасойт — не имя, а титул, примерный перевод — «великий сахем»); звали же его Усамекин (Ousamequin) и был он сахемом поканокет и великим сахемом всех вампаноаг), который подписал с англичанами первый в истории колоний мирный договор²⁴². Рассмотрим этот договор, приведённый у Брэдфорда, подробнее. Первые два пункта просты и, учитывая недавнее столкновение, появление их неудивительно — никто из индейцев не должен причинять вреда англичанам, а в случае причинения такого вреда сахем должен выдать обидчика англичанам. Заметим, что про англичан, причиняющих вред индейцам, в договоре ничего не говорится. Взаимные гарантии приводятся в двух следующих пунктах — в случае ущерба имуществу одной из договаривающихся сторон или войны против одной из них, вторая должна возместить ущерб и помочь в войне. Правда, в чём именно должна выражаться помощь, не говорится. Кроме того, в четвертом пункте, касающемся войны, есть небольшая разница в формулировках обязанностей сторон — англичане должны помочь Массасойту, если против него будут воевать несправедливо (“unjustly”), а индейцы должны оказать помощь англичанам в любой войне. Возможно, это всего лишь неточная формулировка, но не исключено, что оставляя за собой определение «справедливости» конкретного конфликта, англичане подготовили себе лазейку для уклонения от помощи новым союзникам. Следующий пункт договора обязывает сахема разослать людей к своим союзникам и склонять их к заключению такого же договора с англичанами. Завершается договор требованием не входить в лагерь колонистов с оружием, что вполне объяснимо страхом перед повторением недавнего столкновения²⁴³. Был ли этот договор неравноправным? На наш взгляд, нет, и в любом случае, индейцы всего его «неравноправности» не осознавали.

²⁴² Bradford W. Op.Cit. P. 94.

²⁴³ Ibidem

После заключения договора сахем вернулся в свою «резиденцию», а вот Скуанто остался с колонистами и оказал им неоценимую помощь в обустройстве на новом месте, в частности, научив их выращивать кукурузу²⁴⁴. Такой акт доброй воли со стороны индейца показывает с достаточной очевидностью что, по крайней мере, на этом этапе отношений, индейцы не проявляли враждебности и не видели опасности в расселении колонистов.

Заметим, что хотя договор этот и является первым задокументированным, на самом деле Брэдфорд упоминает о более раннем случае тесного взаимодействия англичан и индейцев — истории некоего Дермера. История Дермера²⁴⁵ ценна, во-первых, тем, что позволяет составить некоторое представление о взаимоотношениях индейцев с европейцами до основания колоний, а, во-вторых, поскольку является первым в данном источнике — и, пожалуй, во всём комплексе наших источников — свидетельством «дикости и жестокости индейцев», основанном не на суждениях самих пилигримов и ограничивающемся не одной только констатацией этой «дикости». В кратком пересказе история сводится к следующему: наёмный «исследователь» и искатель приключений Дермер отправляется в Новый Свет с целью исследования и поиска возможных мест для основания колонии, с собой он берёт и привезённого в Англию Скуанто. Находит несколько таких мест. Попадает к индейцам Поканакет, питающим острую неприязнь к англичанам и спасается лишь благодаря вмешательству Скуанто. Попутно он отмечает, что это племя живёт на богатой земле, прекрасно подходящей для сельскохозяйственной деятельности будущих колонистов. Потом он снова попадает в плен, к манамоякам на этот раз. Они требуют от него выкупа, но даже получив его, не отпускают пленника. Сбежать ему всё-таки удаётся, после чего вместе со Скуанто он отправляется на остров Капавак торговать с индейцами. Индейцы «предают» («betrays») его, и убивают всех его людей, кроме одного, а сам он оказывается тяжело ранен. Дермер и его выживший

²⁴⁴ Ibid. P. 95.

²⁴⁵ Ibid. Pp. 96-99.

спутник отправляются в Вирджинию, где Дермер и умирает. Брэдфорд говорит, что «из всего этого можно понять, как далеки эти люди были от миролюбия, и какой опасности подвергалась колония, спасённая лишь промыслом Божиим»²⁴⁶.

В данном фрагменте также важны для нас два момента, иллюстрирующих взаимоотношения индейцев и европейцев до прибытия колонистов Плимута. Во-первых, необходимо упомянуть причину ненависти индейцев поканакет к англичанам — незадолго до описываемых событий многие из них поднялись на борт английского корабля, где и были убиты или захвачены в плен. Брэдфорд утверждает, что это могли быть и французы, но, на наш взгляд, данное утверждение больше похоже на попытку обелить соотечественников²⁴⁷. Второй важный эпизод — крушение французского корабля незадолго до прибытия англичан. Крушение произошло примерно в том же районе, где высадились пилигримы, и индейцы не только не проявили такой же, как к пилигримам, доброжелательности к жертвам крушения, но наоборот — перебили всех, кроме нескольких человек, захватили уцелевший груз, а взятых в плен моряков передавали от одного сахема к другому и «использовали хуже, чем рабов»²⁴⁸. С одной стороны, достоверность всех этих фактов может быть поставлена под сомнение, с другой — под ними, несомненно, была некая реальная основа, и они не могли не изменить отношения колонистов к новым соседям.

И, наконец, здесь же мы встречаем первое проявление, возможно, важнейшего из всех конфликтов между колонистами и индейцами — религиозного. Именно здесь впервые упоминается «дьявольское колдовство индейцев»²⁴⁹. Вряд ли для пуритан существовал эпитет более отвратительный и ненавистный чем «дьявольский». Пуритане, возможно, и готовы были терпеть независимые народы на своей территории, но никогда и ни при каких условиях — язычников. Представление о

²⁴⁶ Bradford W. History of Plymouth Plantation. Pp. 98-99.

²⁴⁷ Ibidem.

²⁴⁸ Ibidem.

²⁴⁹ Ibid. P. 99.

связи индейцев с дьяволом прочно укрепилось в пуританском мировоззрении на многие годы.

Отметим также, что при том, что большинство индейцев оставались «ужасающими дьяволопоклонниками», англоговорящий Скуанто, оказавший переселенцам значительную помощь, представляется, возможно, первым из «хороших» индейцев. Такие фигуры — их было не так уж мало, но всё же недостаточно для оказания серьёзного влияния на всё индейское сообщество — впоследствии не раз сыграют роль в конфликтах колонистов с коренным населением. «Хорошими» индейцами, в первую очередь, станут, конечно, индейцы, принявшие христианство, но также и союзники колонистов, сохраняющие свою веру — впрочем, эти вторые всегда «с оговорками», как, например, вожди наррагансеттов, заключившие уже упоминавшийся «договор о дружбе» — сразу после текста договора говорится, что индейцы с самого начала «становились со временем всё более непредсказуемы и вероломны»²⁵⁰.

Чуть позже, уже слегка обосновавшись на новом месте, колонисты решились отправить к индейцам послов или, по крайней мере, посланников — Уинслоу и Хопкинса²⁵¹. Застав земли своего нового союзника Массасойта в разорении после бушевавшей несколько лет назад эпидемии, они впервые прослышали о племени наррагансеттов, чумой не затронутом и до сих пор сильным²⁵². Тогда же заблудившийся Джон Биллингтон был найден и возвращен союзным Массасойту племенем (оно не называется, но возможно ещё одним из вампаноаг), после чего это племя также заключило мир с англичанами²⁵³. С другой стороны, начались и первые трудности — дружественный Массасойту, но враждебный колонистам сахем Корбитант угрожал Скуанто и Хобомаку, ещё одному индейцу, оставшемуся жить

²⁵⁰ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 30.

²⁵¹ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 102.

²⁵² Ibid. P. 104.

²⁵³ Bradford W. Op.Cit. Pp. 102-103.

среди англичан²⁵⁴. Губернатор (к тому моменту это был уже сам Брэдфорд) не оставил новых союзников в беде и отправил небольшой отряд им на помощь, с приказом не трогать никого, кроме непосредственных участников возможного убийства Скуанто. До применения силы дело не дошло, но демонстрация её пошла англичанам на пользу: после этого, по словам Брэдфорда, заключили мир со многими сахемами, причём мир более твёрдый — в том числе и с Корбитантом²⁵⁵.

После столь радостных событий индейцы на какое-то время отходят в повествовании Брэдфорда на второй план, хотя отметим всё же упоминание о том, что прибывшие в 1621 году новые колонисты, не заметив сначала поселения, опасались, среди прочего, что их предшественники были вырезаны индейцами²⁵⁶.

Впрочем, через некоторое время Брэдфорду приходится вернуться к «индейскому вопросу». Вожди наррагансеттов присылают губернатору знак объявления войны — стрелы, обернутые в змеиную кожу²⁵⁷. Брэдфорд отослал змеиную кожу обратно, набив в неё пули. Следующий посланец от наррагансеттов принёс сообщение от их сахемов, к сожалению, не дошедшее до нас, суть которого, сводилась к тому, что наррагансетты, не затронутые недавней чумой, уже считали себя сильнейшим племенем этого региона и увидели в англичанах угрозу намечавшемуся господству, особенно учитывая, что Массасойт уже «спрятался под крыло»²⁵⁸ новоприбывших. Можно предположить, что и весь манёвр Массасойта был основан вовсе не на альтруизме, а на стремлении обеспечить себе и своим союзникам дополнительную защиту против наррагансеттов. Вполне разумно, на наш взгляд, предположить, что и остальные «многочисленные сахемы», заключившие мир с англичанами, стремились к тому же. Брэдфорд мог в тот момент этого и не осознавать, но колонисты — строители «града божьего» — оказались инструментом

²⁵⁴ Ibidem

²⁵⁵ Ibid. P. 106.

²⁵⁶ Ibid. P. 108.

²⁵⁷ Ibid. P. 110.

²⁵⁸ Ibid. P. 111.

политики «дикарей».

Несмотря на кажущуюся уверенность в своих силах — чего стоит жест с пулями, завёрнутыми в змеиную кожу — колонисты решили всё-таки обнести своё поселение частоколом и установить ночную стражу²⁵⁹.

В дальнейшем Брэдфорд неоднократно возвращается к «теме индейцев», по большей части, весьма коротко и без подробностей. Мы остановимся лишь на самых важных из упомянутых им событий. Во-первых, отметим, что через какое-то время в рамках союзнической поддержки индейцы приняли участие в поимке преступника-англичанина. Некий не слишком благонадёжный житель Массачусетса пытался скрыться от правосудия среди индейцев. Губернатор объявил награду за его поимку, и индейцы, недолго думая, выдали беглеца, любезно предложив казнить его прямо на месте, если таково будет желание губернатора²⁶⁰. Колонисты Плимута продолжали налаживать связи с соседями, в том числе установили торговые отношения с индейцами Массачусетс²⁶¹. Также упоминания заслуживает разработанная Скуанто практика «самообеспечения» за счёт англичан. Он убеждал сахемов некоторых племён и просто отдельных индейцев, что англичане держат взаперти под землёй чуму, не так давно погубившую множество индейцев, и утверждал, что он может помочь заключить мир или развязать войну с англичанами — за определённую плату. Чума — заметим, что не англичане, а именно чума — вызывала такой страх, что через некоторое время Скуанто пользовался едва ли не большим уважением, чем Массасойт. За это он и был изгнан Массасойтом и жил до самой смерти исключительно среди колонистов.²⁶² Брэдфорд никоим образом не осуждает подобной сомнительной практики — из чувства ли благодарности, или, что более вероятно, не желая портить образ «хорошего» индейца. Хобомак, «имеющий

²⁵⁹ Ibidem

²⁶⁰ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 294.

²⁶¹ Ibid. Pp. 108, 115-117.

²⁶² Ibid. P. 113.

подозрения»²⁶³ относительно благонравности Скуанто описывается как «завистливый» («jealous»)²⁶⁴ — явно не слишком лицеприятная характеристика.

Тогда же колонисты впервые применили по отношению к индейцам принцип «разделяй и властвуй» — пока лишь в очень скромных масштабах. Губернатор и военный капитан покровительствовали соответственно одному из пары живущих у колонистов индейцев, стимулируя вражду между ними и получая, таким образом, больше информации — не исключено, что часть её была чистой воды компроматом. Не будем заострять внимания на моральных аспектах такого отношения к своим благодетелям, помогшим избежать голодной смерти в первую зиму — в конце концов, благодетели эти были всего лишь язычниками. Чуть позже в записях Брэдфорда мы также сталкиваемся с первым случаем, пусть и относительной, но всё же христианизации индейца — тяжело больной, умирающий Скуанто просит Брэдфорда помолиться за него «английскому» богу и похоронить, как христианина.²⁶⁵

Примерно в этот же период появляются первые признаки противоречий, которые со временем приведут к конфликтам. Хотя колонисты и продолжали торговать с индейцами практически каждый год (поездки в Массачусетс для торговли с индейцами упоминаются у Брэдфорда неоднократно)²⁶⁶, Брэдфорд часто упоминает «постоянной опасности со стороны индейцев». Пример тому — осуждение Мортонна (о нём пойдёт речь ниже), описывая которое Брэдфорд говорит, что тот продавал оружие индейцам, в то время как «его же друзья и соотечественники каждый день гибли от рук дикарей»²⁶⁷. Хотя кто собственно гиб и насколько часто, Брэдфорд не уточняет. Несмотря на отсутствие крупных конфликтов и вполне установившиеся торговые отношения, над колониями словно висел призрачный призрак «индейской опасности», порождённый, вероятно, отдельными неудачными контактами сразу по прибытии

²⁶³ Ibidem

²⁶⁴ Ibidem

²⁶⁵ Ibid. P. 135.

²⁶⁶ К примеру: Ibid. P. 232.

²⁶⁷ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 268.

колонистов в Новый Свет, но в большей степени — рассказами и свидетельствами «из третьих рук» о зверствах краснокожих. Особенности опасения вызывали наррагансетты²⁶⁸.

На наш взгляд, опасность со стороны индейцев в восприятии колонистов была сильно преувеличена, отдельные случаи, подкрепляли существующие опасения. Некий Уэстон попал в плен к индейцам и, хотя не был убит и не подвергался прочим «ужасам», был обобран индейцами до нитки и потерял всех своих спутников²⁶⁹. Нельзя забыть и эпизод, ставший по мнению Брэдфорда поводом к началу Пекотской войны — убийство некоего Смита и его спутников, ставшее результатом ссоры во время торговли²⁷⁰. Хотя Брэдфорд и описывает его как акт бессмысленной жестокости со стороны индейцев, рискнём предположить, что поведение самого торговца и/или его незнание местных обычаев вполне могли оказаться истинной причиной происшествия. Тем не менее, факт убийства англичанина индейцами налицо. Примечательна также история первого индейского «заговора» (именно так эти события называет Брэдфорд). Возникновение его весьма ярко показывает странный, напряжённо-дружественный характер возникших отношений. В поселении «людей Уэстона» в Массачусетском заливе возникли затруднения с провизией. Обратившись к индейцам за помощью, они таковой не получили. К счастью — для индейцев, по крайней мере — прежде чем прибегать к силе, жители Массачусетса отправили в посланника в Плимут, с вопросом «насколько допустимо взять необходимую провизию силой?»²⁷¹. Губернатор Плимута весьма настойчиво предостерегает их от подобных действий. Узнав о планах англичан, индейцы создают пресловутый «заговор»²⁷². Впоследствии о заговоре узнаёт также давний союзник англичан Массасойт. Помимо прежних дружественных контактов, англичане спасли

²⁶⁸ Ibid. P. 132.

²⁶⁹ Ibid. P. 140.

²⁷⁰ Ibid. Pp. 231-232.

²⁷¹ Ibid. P. 129.

²⁷² Ibidem

его от некоей болезни, после чего он проникся к ним ещё большей симпатией²⁷³. Узнав о заговоре, сложившемся в Массачусетсе против его союзников, Массасойт «по своим каналам» способствовал его прекращению. Важно отметить, что согласно формулировке самого Брэдфорда, заговор индейцы создали в отместку «за все обиды, что им причинили англичане»²⁷⁴. Такая мотивировка несколько не согласуется с предыдущей формулировкой причин заговора, и заставляет подозревать Брэдфорда в вольном или невольном умолчании части событий, говорящих явно не в пользу колонистов. Возможно, индейцы испытывали перед колонистами такой же страх, как и колонисты перед индейцами. Некоторый намёк на это содержится и в других фрагментах записей Брэдфорда, к примеру, в описании голода в Массачусетсе (из-за него тамошним колонистам и пришлось обратиться к индейцам за провизией). Во время нужды некоторые из колонистов пошли работать на индейцев в качестве дровосеков или просто рабочих «на все руки», а часть начала воровать. Причём воровали они «и днём и ночью», видимо, не слишком стесняясь своих действий. В результате возмущение индейцев достигло такой степени, что одного из воров колонистам пришлось повесить, чтоб как-то снизить накал страстей²⁷⁵. Не исключено, что как колонисты постоянно опасались дикости и жестокости индейцев, так и индейцы постоянно опасались жестокости и беззакония колонистов. Вряд ли подобная атмосфера всеобщего страха способствовала разумному диалогу культур. Таким образом, мы видим, что по тем или иным причинам — вряд ли на самом деле из жестокости, скорее из неспособности и нежелания понять чужие обычаи, обе стороны проявляли как дружелюбие, уважение и стремление помочь ближнему своему, так и агрессию, жестокость и нетерпимость.

Последний аспект взаимоотношений двух народов, на котором мы остановимся, прежде чем перейти к рассмотрению Пекотской войны — торговля оружием.

²⁷³ Ibid. P.131.

²⁷⁴ Ibid. P. 131.

²⁷⁵ Ibid. P. 137.

Индейцы Вудленда не были знакомы с огнестрельным оружием. Они испытывали перед ним, как отмечает Брэдфорд, суеверный страх, боялись одного его вида²⁷⁶. Само собой, это было на руку колонистам. Впрочем, восточные племена, торгующие с французами и голландцами, получали от них и огнестрельное оружие. Причём оружие было едва ли не самым дорогим товаром, и французы получали значительную прибыль от торговли им²⁷⁷. С точки зрения англичан, французы при этом вели себя в лучшем случае легкомысленно — вооруженные индейцы не только становились опасней, но и переставали бояться ружей и мушкетов, а колонисты — лишались одного из главных преимуществ в случае конфликта. Возможно, причина такого «легкомыслия» французов в отличном от английского подходе к колонизации — французы не собирались строить «град божий», их интересовала торговля. Для английских же колонистов приобретения индейцами оружия было недопустимо. Продажа оружия индейцам была запрещена.²⁷⁸ Впрочем, соблазн получения прибыли был слишком велик. Среди колонистов нашлись те, кто всё-таки продавал оружие индейцам и учил их им пользоваться. Продолжали торговлю и оружием и французы. Значительно позже, во время войны короля Филиппа, французское оружие будет поступать к индейцам уже с явным «подтекстом» противодействия англичанам. Возможно, торговля оружием стала одной из основ существовавшей в сознании англичан прочной связи французов и индейцев, носящей иногда даже мистический характер. Колонисты же, торговавшие оружием с индейцами, наказывались по всей строгости закона (чуть ли не по законам военного времени), более того, насколько позволяют судить наши источники, если не с юридической, то с эмоциональной точки зрения продажа ружей индейцам была едва ли не самым чудовищным из всех возможных преступлений. В «Кратком своде законов Новой Англии», составленном Джоном Коттоном в 1641, не приводится конкретного наказания за продажу

²⁷⁶ Ibid. P. 262.

²⁷⁷ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 266.

²⁷⁸ Ibid. P. 263.

индейцам оружия, но явно запрещается продавать им не только ружья и порох, но и холодное оружие.²⁷⁹ На практике в качестве меры наказания, применялась ссылка обратно в Англию. Казалось бы, не слишком строгая кара, но она могла представляться куда страшнее самим колонистам — изгнанный обратно в Англию не просто менял место жительства, он лишался возможности дальше участвовать в построении «Града Божьего», переставал быть одним из «святых», возвращался в земли, населённые англиканами или даже хуже того — папистами, и скорее всего, подвергся бы религиозным и политическим преследованиям.

Пожалуй, самые громкие «дела», связанные с обвинениями в незаконной торговле и вообще слишком тесных контактах с индейцами — истории Мортон и Эшли. Начнём с Эшли, поскольку масштаб его преступлений меньше и он не вызывает у автора таких ярости и негодования, как Мортон.

С самого начала его жизни в Новом Свете, у руководства колонии возникли некоторые подозрения насчёт Эшли — он жил среди индейцев, следовательно, может «обратиться ко злу»²⁸⁰ и лишиться благословения Господа. Сам по себе продолжительный контакт с индейцами воспринимался как едва ли не грех, связь с дьяволом, лишаящая человека расположения Бога. Вскоре Эшли был уличён в продаже оружия индейцам²⁸¹, а также в сожительстве с индейскими женщинами²⁸². Результат предсказуем — Эшли отправился назад в Англию в качестве заключённого.

История Мортонa весьма знаменита, ей посвящены даже отдельные работы²⁸³. Мы не будем подробно останавливаться на «событийной» составляющей, отметим лишь основные моменты: некий Мортон поселился на холме, впоследствии названном «Весёлой горой» (“Merry Mount”), установил там майский шест, распространял алкоголь и устраивал празднества — в современных терминах ближе

²⁷⁹ Cotton J. An Abstract of the Laws of New England as they are now established. London, 1641. P. 10.

²⁸⁰ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 289.

²⁸¹ Ibid. P. 307.

²⁸² Ibid. P. 308.

²⁸³ См. Например: Zuckerman M. Pilgrims in the wilderness: community, modernity and the Maypole of Merry Mount // New England Quarterly, 50 (June 1977). Pp. 255-77.

всего будет «вечеринки» — включавшие распитие алкоголя, танцы и другие непотребства. Естественно, богобоязненные пуритане не пришли в восторг от подобной практики, и, через некоторое время, после ряда скандалов и конфликтов, Мортон был осуждён и отправлен в Англию. Важную роль в осуждении Мортон сыграл, безусловно, сам факт установки майского шеста — для пуритан шест был одним из главных символов «нечистоты» Старого Света, символом отголосков язычества и, хуже того, символом папизма²⁸⁴. Нас в данном эпизоде интересуют два аспекта. Во-первых, участие индейцев — «они приглашали индейских женщин»²⁸⁵ — в собственно бесчинствах. То, что индейские женщины танцевали с колонистами и, видимо, не только танцевали («...приглашали на свои собрания индейских женщин, танцевали и развлекались с ними вместе <...> и творили худшее»²⁸⁶) в глазах Брэдфорда превращало действие в какое-то уж совершенно неопишное непотребство. Колонисты ни на минуту не забывали что индейцы, даже их союзники — дикари и язычники, общение с которыми — почти что общение с дьяволом. Правда, в некоторых случаях — как, к примеру, со свадьбой самого Брэдфорда, где среди гостей было немало индейцев — об этом, видимо, можно было и забыть²⁸⁷.

Узнав о прибылях, которые французы получали от торговли оружием, Мортон не смог удержаться от соблазна и едва ли не первым из англичан начал продавать оружие индейцам Вудленда. И не только продавал, но и обучал им пользоваться, и более того — нанимал индейцев в качестве охотников.²⁸⁸ Индейцы пришли в восторг от этого начинания и давали за ружья едва ли не любую запрошенную цену²⁸⁹. Вспомним ещё раз, что всё это, по словам Брэдфорда, происходило это в то время, когда «его соседи и друзья каждый день гибли от рук индейцев или находились под

²⁸⁴ См. подробнее Zuckerman M. Pilgrims in the wilderness: community, modernity and the Maypole of Merry Mount // New England Quarterly, 50 (June 1977). Pp. 255-77

²⁸⁵ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 265.

²⁸⁶ Ibidem

²⁸⁷ Philbrick N. Mayflower: A Story of Courage, Community and War. New York: Penguin, 2006.

²⁸⁸ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 266.

²⁸⁹ Ibid. P. 267.

угрозой и жили только по милости индейцев»²⁹⁰. Естественно, «беззаконный» (“lawless”²⁹¹) Мортон совершил множество преступлений против принятого в колониях уклада и против безопасности своих сограждан (по крайней мере, так они считали), но на особую значимость именно «индейской» части его преступлений указывает хотя бы тот факт, что Брэдфорд в рассмотренном фрагменте уделяет ей больше всего внимания — употребление алкоголя, танцы и тому подобное упоминаются им единожды, в то время как торговля оружием и вообще тесные взаимоотношения с индейцами — четырежды. Самые «яркие» негативные определения (“lawless”, “lord of misrule”²⁹²) сопровождают именно описания отношений с индейцами. Хуже в глазах пуритан была только установка майского шеста — практически языческого идола.

Казалось бы, очевидным решением проблемы соседства с «дьяволопоклонниками», а также большинства других проблем в отношении с индейцами стало бы обращение индейцев в христианство. Но миссионерской деятельности колонисты в первые годы существования колоний практически не вели. Конечно, их «послы» не упускали случая рассказать любопытствующим индейцам о своей вере, и отдельные индейцы в итоге принимали христианство — по крайней мере, так считали колонисты. На самом деле о христианизации говорить сложно. Индейцы, безусловно, понимали, что религиозные представления англичан отличаются от привычных им, но вряд ли осознавали всю глубину отличий. Массасойт, которого англичане «милостью божьей» вылечили от тяжелой болезни²⁹³, мог, конечно, признать целительную силу бога англичан, но в отсутствие организованной миссионерской деятельности он вряд ли понимал, чем эта сверхъестественная сущность качественно отличается от любого другого «сильного»

²⁹⁰ Ibid. P. 268. Впрочем, «постоянная угроза» и «жизнь по милости индейцев», существовали скорее в воображении колонистов, в том числе самого Брэдфорда.

²⁹¹ Ibid. P. 266.

²⁹² Ibid. P. 265.

²⁹³ Good News from New-England. Cambridge, Mass.: University of Massachusetts Press, 2014. P. 33.

духа, и чем священник отличается от шамана. Миссионерство мало интересовало колонистов. Если о нём и вспоминали, то как о некой абстрактной задаче на будущее. Тем не менее, колонисты стремились всё же упрочить своё положение в Новом Свете — не только материально, но и символически, стремились показать — и индейцам, и самим себе, и другим европейцам — что владеют своими новыми землями по праву. В случае других европейских держав, и даже у англичан в Виргинии, миссионерство, а также завоевание, или, по крайней мере, установление очевидно неравноправных отношений с местным населением, подчинение его, было обязательным компонентом такой «символической легитимизации» колоний. Практически полное отсутствие миссионерской деятельности и тем более попыток прямого завоевания Новой Англии объясняется отчасти практическими соображениями — колонии были заняты внутренними делами, поскольку от этих внутренних дел непосредственно зависело их выживание. В отличие от французских колоний в Канаде или Виргинии, колонии Новой Англии должны были снабжать себя хотя бы пищей самостоятельно, так что поначалу большая часть сил и времени колонистов уходила на хозяйственные задачи, в том числе и торговлю с индейцами. Кроме того, как уже говорилось, в сознании пилигримов и позже пуритан Массачусетса индейцы были не столько населением Нового Света, сколько частью его природы, и попытки их обращения не вызывали особого энтузиазма — колонистов куда больше занимало построение идеально библейского общества. Но символическое колониальное господство всё равно требовалось установить, в первую очередь оно должно было быть очевидно для самих колонистов и для других европейцев. Учитывая невозможность начать активную миссионерскую деятельность и уж тем более войну с индейцами — войны этой колонисты боялись как огня, понимая, что на данном этапе шансов на победу у них не было — им приходилось прибегать к другим средствам символического «укрощения» и подчинения «пустоши» Нового Света. Частично этой цели отвечали договоры с индейцами. Первые договоры, как мы отмечали выше, были в некоторой

степени неравноправны. Но, в отличие от последующих, заключенных с позиции силы, неравноправность этих договоров не обязательно была очевидная для индейцев. Более того, неравноправность эта была в значительной мере фиктивна. Выдача преступников и обязательство индейцев помогать колонистам в случае войны могут показаться признаками господствующего положения колонистов, почти вассальной зависимости индейцев. На деле же выполнение их зависело исключительно от доброй воли индейцев — у колоний физически не было способов проследить за выполнением этих условий. К примеру, в случае со сбежавшими преступниками, если индейцы не выдавали провинившегося добровольно, колонии могли в самом крайнем случае отправить небольшой вооруженный отряд — и в случае конфронтации, как показал опыт Пекотской войны, шансы на победу у такого отряда были довольно сомнительны. Возможная ответная реакция индейцев колонистов пугала, так что фактически до Пекотской войны они всеми силами избегали применения силы, опасаясь мести «дикарей». Да и во время войны, как мы надеемся показать, «смелости» англичанам придало в основном присутствие многочисленных индейцев-союзников. Найти же беглого преступника без помощи индейцев — без знания местности, с минимальными навыками выживания и учитывая отсутствие профессиональной армии, роль которой выполняло ополчение, состоящее из фермеров и мастеровых, не представлялось возможным. Так же и в случае возможной войны, рассчитывать на помощь индейцев только благодаря заключению договора колонисты не могли — «давить» на индейцев им было нечем. В качестве крайней меры они могли прекратить торговлю с тем или иным племенем, но если речь шла о крупных объединениях, торговля с которыми приносила существенную прибыль, колонии пострадали бы от такого эмбарго больше, чем индейцы. Да, английские товары — в первую очередь железные орудия труда — повышали эффективность сельского хозяйства и были важным признаком статуса в индейском обществе. Но индейцы много веков обходились без этих «статусных»

товаров. Колонии же в первые годы закупали у индейцев либо меха, необходимые для поддержания торговли с Европой (больше Новой Англии предложить было пока нечего), либо кукурузу для посева или пропитания — отсутствие её могло привести к настоящему голоду. Учитывая, что далеко не всё необходимое для жизни производилось в колониях, торговля с Европой также была не просто источником прибыли, от неё непосредственно зависело выживание. Проще говоря, индейцы без торговли с колонистами обойтись могли, а вот колонисты без торговли с индейцами — вряд ли. Не говоря уж о том, что даже в случае введения такого «эмбарго», ничто не мешало бы индейцам получать английские товары через другие племена, или торговать с французами или голландцами — которые, как было известно англичанам, с готовностью продавали индейцам огнестрельное оружие. В целом неравноправность первых договоров с индейцами существовала в основном для самих колонистов, подтверждая их «господствующий» статус в первую очередь в их же сознании.

Другим важным механизмом «внутренней» легитимизации было — и не только в Новой Англии — название. Патриция Сид, рассматривающая разные механизмы установления колониального владения у разных европейских стран, отмечает, что сам процесс называния, и связанный с ним процесс составления карты — важная составляющая комплекса мер легитимизации колоний²⁹⁴. Практика называния в Виргинии была подробно рассмотрена в работе Ребекки Энн Бах «Колониальные трансформации...»²⁹⁵ Колонисты Виргинии, составляя карты «своей» территории и давая названия как местным природным объектам, так и своим и даже индейским поселениям преследовали две цели — добиться благосклонности своих английских покровителей, и избавиться от излишних напоминаний об индейцах. В Новой Англии ситуация была несколько другой. На первый взгляд может показаться, что колонисты Нового Плимута с готовностью приняли индейские названия «своих»

²⁹⁴ Seed P. Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492-1640.

²⁹⁵ Bach R.A. Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640.

территорий — многие «индейские» названия сохраняются до сих пор. Массачусетский залив, река Коннектикут, Наррагансеттский залив и т. д. На самом деле многие из этих названий сильно искажены и лишь отдаленно напоминают алгонкинские слова, от которых образованы, и уж совсем редко тем или иным индейским словом называется тот же объект, что обозначали им сами индейцы. Практика именованья в Новой Англии действительно отличалась и от Виргинии, и от французской Канады, но сущность этих отличий не в количестве индейских слов. Гораздо ясней демонстрируют их подоплеку названия городов и других населенных пунктов. В Виргинии названия поселений преследовали те же цели, что и прочие названия — крупнейшее поселение, Джеймстаун, названо в честь короля Якова, но кроме него были мыс Генриха (cape Henrie (названный в честь наследника престола)), мыс Карла (cape Charles (в честь герцога Йорка)) и т. д.

Хотя в Новой Англии были, конечно, мыс Елизаветы, и Чарльстон, а позже появилась колония Пенсильвания, были и другие исключения, но в целом названия поселений в Новой Англии демонстрируют довольно очевидную тенденцию — они повторяют названия английских городков. В Новой Англии были «свои» Кембридж, Эдинбург, Плимут (который современники не называли Новым), Портсмут, Сэйлсбери, Нортгемптон, Виндзор, Веймут Ланкастер, Глостер, Дорчестер, Ипсвич, Бристоль, Бриджуотер и даже Лондон (хотя вот он как раз был «Новый»). Даже прибрежная часть Атлантического океана на некоторых картах оказывается «знакомым» Северным морем²⁹⁶. И поселениями дело не ограничивается — среди регионов, лучше всего освоенных колонистами есть «графства». Мы уже отмечали, говоря о колонистах, насколько точно они перенесли в Новый Свет социальное устройство и порядок английского городка²⁹⁷. Кажется, что они вообще всеми силами

²⁹⁶ Novi Belgii Novaque Angliae nec non partis Virginiae tabula multis in locis emendate per Nicolaum Visscher // Osher Map Library, University of Southern Maine.

URL: <http://www.oshermaps.org/search/zoom.php?no=1742.0001#img0> (accessed: 25.02.2016)

²⁹⁷ Подробнее см.: De John Anderson V. *New England's Generation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. Levy B. *Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.

старались воссоздать в своем «граде божьем» Англию — идеализированную, богоугодную, почти без признаков королевской власти и без намеков на «память» о католицизме, но всё же Англию. Колонисты опасались, что за годы жизни в Голландии и тем более при переселении в новый свет утратят “civility” настоящих англичан и подсознательно стремились избежать этого. Так или иначе, колонизированная, цивилизованная часть Новой Англии была до некоторой степени всё же Англией. Индейские же названия оставались как раз у мест нецивилизованных, у «пустоши» — ещё одно наглядное свидетельство явной ассоциации индейцев с дикой природой. Как и в Виргинии и в Канаде, в Новой Англии названия стали инструментом легитимизации колониального владения, инструментом цивилизации, но объектом цивилизационного воздействия было не коренное население, а сама Новая Англия, индейцы же были лишь органической её составляющей.

Как уже было сказано в начале главы, даже авторы-современники пишут об отношениях с индейцами не так уж много. Даже у Брэдфорда и Уинтропа упоминания индейцев почти всегда — короткие заметки, вроде «такой-то отправился торговать с индейцами»²⁹⁸. В позднейших источниках, например, у Хаббарда, первые годы отношений с индейцами вообще не рассмотрены. У неподготовленного читателя невольно создается впечатление, что индейцы не играли большой роли в жизни колоний. Благодаря немногословности Брэдфорда, отношения с индейцами в большинстве исследований, не посвящённых специфически этим отношениям, практически игнорируются. В историографии можно столкнуться с утверждением, что после войны короля Филиппа индейцы из Новой Англии исчезли²⁹⁹. Но и до войны короля Филиппа их словно бы почти нет. Интересно, что в отличие от

²⁹⁸ К примеру, Bradford W. Op.Cit. Pp. 204, 323, 331, 292, 311, 366, 233, 260, 127, 243.

²⁹⁹ Подробнее см.: After King Philip's War / ed. by C.G. Calloway C.G. Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997. Pp.1-28; Ghere D.L. The “Disappearance” of the Abenaki in Western Maine: Political Organization and Ethnocentric Assumptions // ed. by C.G. Calloway C.G. Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997. Pp.72-89.

Виргинии, где лидеры колонии часто и активно обсуждали «индейскую политику»³⁰⁰, в Новой Англии вообще говорить о какой-либо единой политике не приходится, отношения с индейцами были пущены на самотек и регулировались лишь в самых общих чертах, никакой единой модели отношений со всеми индейцами не было. Они «появляются» во время конфликтов — как в случае с Пекотской войной — и «исчезают» сразу по их окончании. И виной тому не исследователи, специально игнорирующие индейцев, а авторы источников, не уделяющие им практически никакого внимания. Позже мы ещё не раз вернемся к этому «оптическому» механизму, благодаря которому индейцы «выпадают» из колониальной реальности в восприятии последующих поколений, и его влиянию на историю Новой Англии. Неудивительно, что сама проблема воздействия индейцев на колониальное общество практически никогда не рассматривается — так силен привычный образ колониальной Новой Англии, где индейцы в лучшем случае присутствуют где-то на фоне. Вытесненные на периферию сознания, в дикую пустошь, у которой нет и не может быть истории, первыми колонистами, они остаются там по сей день.

Стоит, однако, задуматься о том, насколько эта традиционная картина далека от реальности. Если говорить о хозяйственной деятельности, очевидно, что без влияния индейцев колонии, скорее всего не смогли бы выжить. О том, что с кукурузой, составившей значительную часть рациона колонистов, их познакомил Скуанто, помнят почти всегда — в конце концов, этот сюжет вошел даже в американскую национальную мифологию, окружающую День Благодарения. Очевидно, что на самом деле речь не может идти о каком-то единичном событии. Даже если Скуанто действительно первым показал англичанам кукурузу, и объяснил, что вот такое растение здесь сеют, большой пользы это не принесло бы. Как и любая сельскохозяйственная культура, кукуруза требовала целого набора знаний и навыков — от выбора почвы до режима ирригации. Усвоить этот набор навыков от одного

³⁰⁰ Подробнее см. Cave A. Lethal Encounters

«учителя» в рамках одного «урока» было бы непросто, и такая интерпретация кажется откровенно неправдоподобной. Кукуруза — растение неприхотливое, но обработка её и приготовление из неё пищи отличаются от обработки знакомых европейцам культур. Вероятнее всего обработке нового злака колонистам опять-таки пришлось учиться у индейцев. А такое обучение подразумевает достаточно регулярное и близкое общение на протяжении как минимум всего сельскохозяйственного сезона. Причем общение не с группами охотников-войнов-дипломатов (в случае индейцев разделить эти три понятия не всегда возможно), а скорее с женщинами, занимающимися сельским хозяйством. Такое общение предполагает, что жили колонисты и «оседлая» часть индейцев достаточно близко.

В пользу близкого контакта двух культур говорят и другие на первый взгляд малозначительные детали. К примеру, англичане довольно быстро начинают обходиться без переводчиков. Общение перестает быть проблемой очень быстро. И уже скоро в английских источниках появляется, к примеру «предсмертная» речь Пассаконовая³⁰¹ на прекрасном английском языке — и автору даже в голову не приходит указать переводчика, хотя за десять лет до того он был бы непременно назван. Либо Брэдфорд сотоварищи перестали придавать значение таким деталям — что сомнительно, учитывая чрезвычайную скрупулёзность их наблюдений — либо и сами не заметили, как многие индейцы освоили английский в достаточной для повседневного общения степени, а колонисты постепенно начали говорить на местных языках. Что, опять-таки подразумевает, в отсутствие целенаправленного образования, достаточно тесный и постоянный контакт. Когда индейцы всё таки упоминаются авторы источников пишут о них как о некоем чуждом элементе, словно бы не замечая, что, например, судя по срокам передачи сообщения ближайшему индейскому поселению оно было не охотничьей стоянкой где-то далеко в лесах, а располагалось судя по всему, недалеко от поселения колонистов³⁰². Индейцы,

³⁰¹ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 60.

³⁰² Помимо нижеописанного случая Виргинии, см. к примеру: Bradford, Op.Cit., pp.102, 112, 429, 349.

посещающие поселения колонистов упоминаются редко, но как нечто само собой разумеющееся. Невольно вспоминается Виргиния, где печально знаменитое «восстание», с которого началась англо-поухатанская война, началась с того, что индейцы пришли как обычно в гости к колонистам на завтрак. И если бы не вовремя полученное предупреждение, колонисты так и не узнали бы до последнего, что на самом деле индейцы задумали нападение³⁰³. И так и удивлялись бы, почему вдруг среди гостей нет женщин и детей. Между индейцами и колонистами явно существуют достаточно близкие отношения, позволяющие спокойно заглянуть в гости — а в других случаях описывается, к примеру, индеец, регулярно приносящий на продажу часть своей добычи, в обмен на горячий обед. Но говорить об этих отношениях них не принято. Похожая ситуация наблюдается и в Новой Англии.

Индейцы были не «дикарями», изредка покидающими леса, чтобы обменять шкуры на «огненную воду» и мушкеты. Их соседство с колонистами было куда теснее, чем обычно считается. Они были не внешним по отношению к колониальному обществу фактором, а неизбежной его составляющей. С самого начала английские колонии включились — поначалу сами того не понимая — в политическую жизнь индейцев. Торговля не только определяла экономическое развитие колоний, но и изменила существующую систему экономических связей внутри индейского общества. Между двумя культурами возникали многочисленные «точки пересечения», обе они влияли друг на друга, и в последующие несколько десятилетий оказались неразрывно связаны. Расширение колоний приведет к иногда катастрофически трансформациям традиционного общества индейцев, но и сосуществования с индейцами начнет менять культуру колоний, всё больше отдаляя её от английской. На самом деле колонисты уже начали меняться, частично приняв индейскую методику ведения сельского хозяйства — начав выращивать кукурузу. И в

³⁰³ A Declaration of the State of the Colony and Affaires in Virginia and Relation of the Barbarous Massacre. // The Records of the Virginia Company of London. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1933. Pp. 541-579. См. также Fausz J.F. The Powhatan Uprising of 1622: A Historical Study of Ethnocentrism and Cultural Conflict. PhD diss., The College of William and Mary, 1977. Pp. 367-403.

дальнейшем эти изменения продолжаться, хотя благодаря феноменальной способности авторов источников «вычеркивать» индейцев из своей картины мира, ни сами колонисты, ни их ближайшие потомки, ни даже будущие исследователи не осознают этих изменений.

В первой главе мы рассмотрели особенности культуры и быта индейцев Новой Англии, специфику представлений колонистов о новых соседях, сформировавшихся до их прибытия в Новый Свет и характер взаимоотношений двух групп в первые десятилетия существования колоний.

Будущие колонисты Плимута не придавали большого значения имеющейся в их распоряжении информации об индейцах. В сознании колонистов индейцы были скорее персонификацией необузданной и опасной природы Америки. Индейцы же были знакомы с европейцами, и готовы были как вести с ними торговлю, так и использовать союзы с англичанами в политических целях.

Практически с момента прибытия англичан в Новую Англию взаимодействие с индейцами стало важной составляющей жизни колоний. В Новой Англии начала формироваться сложная «цепочка» торговых взаимоотношений, обеспечивающая доставку товаров из нового света в Европу — от индейцев к английским джентльменам. Возникли первые союзы с индейцами, развитие которых во многом определит историю региона в следующие несколько десятилетий. Для индейцев заключение таких союзов было важным инструментом внутренней политики. В Виргинии вскоре после основания колонии между англичанами и местным населением возник конфликт, вылившийся в ряд кровопролитных столкновений. В Новой Англии, несмотря на фундаментальные различия в мировосприятии двух культур, особенно в отношении религии, между двумя группами установились добрососедские отношения, более тесные, чем готовы были признать авторы

большинства наших источников, не желающие, возможно, признавать, насколько важна для колоний была помощь индейцев.

ГЛАВА 2. ПЕКОТСКАЯ ВОЙНА (1637-1638 гг.)

Осенью 1636 года недавно основанный англичанами в долине реки Коннектикут форт Сэйбрук³⁰⁴ оказался в осаде. Стоило кому-нибудь из немногочисленного гарнизона форта показаться за воротами, как он тут же подвергался обстрелу. Собрать урожай кукурузы с небольшого поля приходилось под вооруженной охраной. Несколько обитателей форта были похищены и впоследствии погибли³⁰⁵. Форт осаждали индейцы племени пекотов их союзники. С «осады» Сэйбрука и ещё одного поселения в долине Коннектикута, Уэзерфилда³⁰⁶, началась Пекотская война. Хотя официально руководство английских колоний объявило войну пекотам в мае 1637, первые нападения индейцев и первые столкновения начались за несколько месяцев до этого³⁰⁷. Противоречия же, которые привели в итоге к вооруженному конфликту, существовали задолго до его начала.

Причины Пекотской войны, неоднократно рассмотренные в историографии, до сих пор вызывают споры. Почти все авторы ранних исследований, вслед за колонистами и их наследниками считали войну результатом агрессии пекотов, обусловленной либо политическими соображениями, либо особенностями культуры пекотов — считалось, что агрессивность и жестокость были свойственны этому племени даже в большей степени, чем остальным «дикарям»³⁰⁸. Авторы второго-третьего поколения колонистов даже Пекотскую войну довольно часто называли «восстанием», и речь шла не о войне, а о подавлении этого «восстания». Интересна сама по себе постановка вопроса — очевидно, ни о каком восстании речи идти не

³⁰⁴ Сэйбрук (Saybrook) был первоначально отдельной колонией. Патент на соответствующую территорию получили несколько богатых лордов, сочувствующих пуританам, они же спонсировали строительство и снабжение форта, обещали набрать поселенцев в Англии и даже назначили губернатора — Джона Уинтропа-младшего, сына губернатора Массачусетса. Основатели колонии Сэйбрук рассчитывали найти в ней убежище в случае очередных политических неурядиц в Англии, но постепенно потеряли интерес к проекту, и колония вскоре объединилась с переселенцами из Массачусетса в колонию Коннектикут.

³⁰⁵ Mason J. A Brief History of the Pequot War. Pp. 126-132.

³⁰⁶ Ibid. P. 18.

³⁰⁷ Ibid. P. 19.

³⁰⁸ См. к примеру: Webster N. History of the United States. New-Haven: Durrie & Peck, 1832. P. 125; Moore C.B. Building Our America. New York: Scribner, 1958; Vaughan A.T. New England Frontier.

могло, поскольку пекоты не были подданными англичан. Современники Пекотской войны не оценивали её как восстание, а вот их потомки — авторы конца XVII - XIX вв. — часто придерживались именно такой точки зрения³⁰⁹. В последние несколько десятилетий Пекотской войне в историографии уделяется больше внимания, а оценки стали более взвешенными. Современные исследователи, в отличие от своих предшественников, не стараются возложить вину за начало конфликта исключительно на пекотов³¹⁰. Зачастую даже исследователи, ранее придерживавшиеся «традиционной» точки зрения на причины Пекотской войны, изменяли свою позицию³¹¹.

Так или иначе, причины Пекотской войны остаются спорным вопросом. Что и закономерно, учитывая сложность сложившейся в долине Коннектикута «политической» ситуации. На относительно небольшой территории столкнулись не только англичане и пекоты, но целый ряд групп — в том числе голландцы, наррагансетты, мохеганы — каждая со своими целями, союзниками и методами ведения политической борьбы. Мотивации всех участников конфликта были достаточно сложными, включали и политический, и экономический, и культурный аспекты. Речь идёт не о противоречиях между колониями и некими абстрактными «индейцами» — противоречия между разными племенами и группами индейцев сыграли значительную роль в развитии конфликта, а с европейцами позиции многих индейских групп как раз совпадали, по крайней мере временно. Прежде чем переходить к рассмотрению событий Пекотской войны, проанализируем «игроков», участвовавших в борьбе за долину Коннектикута и их взаимоотношения.

³⁰⁹ См., например: Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 57; Drake S.G. The Book of the Indians: or, Biography and History of the Indians of North America, from its First Discovery to the Year 1841. Boston, 1841; Pritts J., Withers A.S. Mirror of Olden Time Border Life. Abingdon, Virginia, 1849.

³¹⁰ См. например: Cave A.A. The Pequot War; Salisbury N. Manitou and Providence: Indians, Europeans, and the Making of New England, 1500-1643; Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism, and the Cant of Conquest; Segal C.M., Stineback D.C. Puritans, Indians, and Manifest Destiny. New York: Putnam, 1977.

³¹¹ Лучше всего такие изменения иллюстрируют работы Альдена Вона — в ранних трудах (к примеру: Vaughan A.T. New England Frontier. Boston, 1965) он придерживается традиционной точки зрения, но со временем пришёл к выводу, что «вина [за начало войны] лежит не только и даже не в первую очередь на пекотах. <...> эскалация насилия со стороны колонистов сделала войну неизбежной» (Vaughan A.T. Pequots and Puritans: The Causes of the War of 1637 // Roots of American Racism: Essays on the Colonial Experience. New York: Oxford University Press, 1995. P. 194).

РАСШИРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ПЛЕМЕНИ ПЕКОТОВ В ДОЛИНЕ РЕКИ КОННЕКТИКУТ В НАЧАЛЕ XVII В. И КОНФЛИКТ С ПЛЕМЕНЕМ НАРРАГАНСЕТТТОВ

К середине 1620-х Пекоты, не затронутые эпидемиями начала века, были, наравне с наррагансеттами, одним из сильнейших племен региона. Могущество пекотов основывалось на двух ключевых элементах — торговле с европейцами и производстве вампума. Говоря о торговле с европейцами мы имеем ввиду не англичан, а голландцев. Именно голландские торговцы первыми из европейцев встретились с пекотам в 1622 году³¹², и, несмотря на непонимания, возникшие при первом контакте, быстро наладили взаимовыгодное сотрудничество. К концу 1620-х голландские торговцы вывозили из Новых Нидерландов порядка 10.000 шкур в год, значительную часть которых поставляли им пекоты³¹³. Обеспечивалось это не только многочисленностью самих пекотов, но и тем, что в 1620-х они заняли практически всю долину Коннектикута — главный торговый путь, связывающий прибрежные голландские фактории с богатыми добычей внутренними регионами. Пекоты не заселяли этот регион, но победили и подчинили себе разрозненные группы «индейцев реки», которые в обмен на защиту и покровительство платили пекотам дань³¹⁴. Процесс этот более-менее завершился в 1626 году, с окончательной победой пекотов над союзом многочисленных, но слабых групп «индейцев реки» под руководством сахема Секвина³¹⁵. После этого расширение зоны влияния пекотов довольно долго не встречало сколько-нибудь оформленного сопротивления, и к 1630 году пекотам платили дань уже и индейцы Лонг-Айленда³¹⁶. Таким образом, за десять лет, прошедших после эпидемии, едва ли не уничтожившей большинство их соседей, пекоты контролировали и главную транспортную артерию, связывающие

³¹² Jameson J. Narratives of New Netherland. Bedford, Mass. Applewood Books, 2009. Pp. 43, 86.

³¹³ Winthrop J. Winthrop's Journal P. 131; O'Callaghan E.B. History of New Netherland. New York: C.S. Appleton, 1845. Vol. 1. Pp. 145-50.

³¹⁴ Cave A. The Pequot War. P. 50.

³¹⁵ O'Callaghan E.B. History of New Netherland. NY, 1845. Vol. 1. Pp. 149-50.

³¹⁶ Cave A. The Pequot War. P. 50.

центры добычи меха с европейскими торговцами, и производство вампума.

Вампум — индейские «деньги» — представлял собой цилиндры из особым образом высверленных раковин, нанизанных на нитку. Менее ценный белый вампум производился из раковин *Busyon carica* и *Busyon canaliculatum*, более ценный черный — из твердых раковин устрицы *Mercenaria mercenaria*. Очевидно, раковины морских моллюсков собирались и обрабатывались преимущественно на побережье — в случае Новой Англии «правильные» раковины можно было обнаружить у южной оконечности Кейп Кода, в Наррагансеттском заливе и главное — у восточного побережья пролива Лонг-Айленд.

Некоторые антропологи считают, что вампум в индейском обществе не использовался в качестве средства обмена до прибытия европейцев. Источники не поддерживают этого предположения³¹⁷. Но роль вампума в обществе индейцев с прибытием европейцев действительно изменилась. В мифологии индейцев Вудленда вампум — а также некоторые виды кристаллов и метала — человек получил в результате обмена с потусторонними существами, духами. Такие предметы были наделены сверхъестественной силой — приносили здоровье, долголетие, удачу в войне, на охоте и в любви³¹⁸. Отдельные раковины или небольшие связки использовались в качестве оберегов и украшений. Связки вампума дарили молодоженам, они же использовались как приданое. Многочисленные связки вампума были одним из немногих видимых атрибутов власти сахема, ими же платили за «услуги» шаманов. Вампумом платили виру за убитых родственников, обмен связками вампума закреплял заключение союзов³¹⁹.

317 О вампуме в археологии Новой Англии см. Slotkin J.S., Schmitt K. *Studies of Wampum* // *American Anthropologist*, Vol. 51, Issue 2. Pp. 223-236; Использование вампума до начала активного взаимодействия с колонистами описано, к примеру, у Hamor R. *A True Discourse on the Present State of Virginia* (1614). Albany, 1840. P. 41.

³¹⁸ О сакральных объектах см. подробнее: Miller S.L., Hamill G.R. *A New Perspective on Indian-white Contact: Cultural Symbols and Colonial Trade* // *Journal of American History*, 73 (1986). Pp. 311-28.

³¹⁹ О важности вампума см. Salisbury N. *Manitou and Providence*. Pp.147-65; Speck F. *The Functions of Wampum Among the Eastern Algonkian* // *American Anthropological Association Memoirs*, 6 (1919). Pp. 3-71; Herman M.W. *Wampum as Money in Northeastern North America* // *Ethnohistory*, 3 (1956). Pp.21-33; Snyderman G.S. *Functions of Wampum* // *American Philosophical Society Proceedings*, 98 (1954). Pp. 469-94; Slotkin T.S., Schmitt K., *Studies of Wampum* // *American*

Учитывая значимость вампума, ценность его очевидна. Вампум стал идеальным средством обмена, как среди индейцев, так и между индейцами и европейцами, поскольку пользовался постоянным спросом среди всех индейских племен — даже незаинтересованных в торговле с европейцами. И всё-таки даже в денежной своей функции вампум не вполне соответствовал европейской валюте — в первую очередь из-за относительной простоты производства. До контакта с европейцами вампум был редкостью, поскольку производство его с помощью каменных инструментов было долгим и трудоемким. Европейцы же продавали индейцам не только «предметы роскоши»³²⁰, предметы быта³²¹ и огнестрельное оружие. Железные инструменты ускорили производство вампума, настолько, что довольно скоро можно было говорить о вампумовой «промышленности», или, по меньшей мере, мануфактуре. При этом ценность вампума не упала, более того, в силу относительно небольшого количества свободных денег в колониях³²², пользоваться им начали даже колонисты в торговле между собой. На протяжении первой половины семнадцатого века вампум был основной «валютой» Новой Англии, которой пользовалось всё население региона. В Новой Англии вампум был официально признанной, легальной валютой с установленным курсом в 1637-1661 гг., как и в Нью-Йорке, а позже — в Нью-джерси и Дэлавере³²³. В такой ситуации любая группа, контролирующая относительно

Anthropologist, 51 (1949). Pp. 223-36; Weeden W. Indian Money as a Factor in New England Colonization. Baltimore. John Hopkins University, 1884.

³²⁰ Речь идет о стеклянных или глиняных бусах, зеркалах и прочей бижутерии. Каким бы клише это не казалось сегодня, подобные мелочи действительно пользовались популярностью среди индейцев — но вовсе не из-за их материальной ценности. В индейской культуре существовало, как мы уже отмечали, представление о «силе», которой обладали некоторые предметы — европейская «бижутерия» оказалась достаточно похожа на такие предметы, чтобы выполнять сходную почти сакральную функцию.

³²¹ Спрос на предметы быта среди индейцев оказался краткосрочным. Хотя поначалу металлическая посуда и сельскохозяйственные инструменты поначалу оказались очень популярны, вскоре оказалось, что железная посуда, особенно большие котлы, тяжела и неудобна для полукочевых индейцев, а сельскохозяйственные инструменты, хоть и долговечные, настолько отличаются от привычных индейцам, что привыкнуть к ним работающим в поле женщинам не удается. Таким образом спрос на предметы быта взлетел при первом контакте с новой группой индейцев, но довольно быстро падал.

³²² DeJohn Anderson V. New England's Generation. Pp. 131, 145, 164-5.

³²³ Rabushka A. Taxation in Colonial America. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 157; The Colonial Laws of New York from the Year 1664 to the Revolution, Including the Charters to the Duke of York, the Commissions and Instructions to Colonial Governors, the Duke's Laws, the Laws of the Dongan and Leisler Assemblies, the Charters of Albany and New York and the Acts of the Colonial Legislatures from 1691 to 1775 Inclusive. Clark, NJ: The Lawbook Exchange, 2006. P. 451.

небольшой участок побережья, где можно было собирать раковины черного вампума, и способная обеспечить его массовое производства, получала колоссальное конкурентное преимущество. Такой группой и оказались пекоты, в орбиту влияния которых вошли ключевые территории Лонг-Айленда, а активная торговля с голландцами обеспечила свободный доступ к железным инструментам. Платящие пекотам дань племени Лонг Айленда посвящали большую часть зимних месяцев производству вампума — за десятилетие вампума в регионе стало на несколько порядков больше³²⁴. Соответственно изменилась и его роль — с развитием торговли вампум всё больше ценился именно как средство обмена, другие же его функции постепенно забывались. А экономическая мощь пекотов выросла стремительно — возможно, слишком стремительно, не дав сахемам времени приспособиться к новой роли. К началу 1630-х в Новой Англии поспорить с ними могли только наррагансетты — также незатронутые эпидемией, и также контролирующие производство вампума. Наррагансетты значительно превосходили пекотов численностью, но не контролировали таких важных торговых путей как долина Коннектикута и меньше торговали с европейцами.

Естественно, отношения пекотов и наррагансеттов к концу 1620-х были весьма натянутыми. Вскоре испортились и отношения пекотов с голландцами. Прибытие на территорию будущего штата Массачусетс в начале 1630-х англичан насторожило голландцев³²⁵. Они опасались, что англичане переманят их индейских партнеров. Политика голландцев стала гораздо агрессивней. В 1632 голландцы купили у индейцев ниантик участок земли в устье реки Коннектикут, а в 1633 расширили этот участок, приобретя землю уже непосредственно у пекотов³²⁶. Тогда же было заключено новое соглашение с пекотами, согласно которому к новой голландской

³²⁴ Cave A. The Pequot War. P. 53; Salisbury N. Manitou and Providence. P. 149; Jameson J. Narratives of New Netherland. Pp. 103-6.

³²⁵ Jameson J. Narratives of New Netherland. Pp. 100,109-10.

³²⁶ O'Callaghan E.B. History of New Netherland. Vol.1. New York: Appleton & Company, 1846. Pp.149-50; O'Callaghan E.B., Fernow, B. Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Albany, 1849. 1: P. 287., 2: Pp. 139-40.

фактории должны были иметь доступ представители любого племени — в том числе и наррагансеттов³²⁷. После заключения договора, голландцы построили на своей новой земле ту самую факторию, названную Домом Доброй Надежды³²⁸.

Договор между голландцами и пекотами был эфемерным — вероятнее всего, это понимали обе стороны. Пекоты не могли допустить потери экономического преимущества и усиления конкурентов, а голландцам требовался полный контроль над долиной Коннектикута. Как только первые индейские торговцы потянулись к Дому Доброй Надежды, они подверглись атакам со стороны пекотов. На своих «вассалов» из «индейцев реки» пекоты возможно и не стали бы нападать, но вот группа наррагансеттов была уничтожена³²⁹. Вероятнее всего, пекоты надеялись сохранить за собой монополию на торговлю с голландцами — что совершенно не устраивало самих голландцев, которые незамедлительно приняли ответные меры. Голландцы захватили верховного сахема пекотов Татобема, поднявшегося на борт торгового судна³³⁰. Несмотря на заплаченный пекотами выкуп, в плену Татобем погиб³³¹. Удивительно — и совершенно противоречит традиционному «агрессивному» образу пекотов — но войны за этим не последовало, и даже из долины Коннектикута голландских торговцев не изгнали. Вместо полномасштабного ответа, за смертью Татобема последовала месть, соответствующая обычаям алгонкинов — индивидуальная месть родственников погибшего, а не организованное «политическое» давление, которое могло бы поставить под угрозу процветающую торговлю с голландцами. Мечь эта имела неожиданные и катастрофические последствия для пекотов. Несмотря на активную торговлю, индейцы и европейцы знали друг о друге не так уж много — с начала их взаимоотношений прошло лишь чуть больше десяти лет. И если непосредственно торговавшие с европейцами

³²⁷ De Forest J.W. History of the Indians of Connecticut. Hartford: Connecticut Historical Society, 1853. P. 72.

³²⁸ Ibidem

³²⁹ Ibid. P. 73.

³³⁰ Ibidem

³³¹ Ibidem

индейцы неплохо их себе представляли, вряд ли все поголовно пекоты хорошо понимали разницу между разными группами европейцев. Родственники Татобема в поисках мести нашли европейское торговое судно — такое же как то, на котором погиб великий сахем — и перебили всю его команду. Но допустили при этом одну ошибку — судно было не голландским, а английским³³². Убийство капитана Стоуна и его экипажа послужит одним из формальных поводов для конфликта с англичанами.

После смерти Татобема и прекращения их активного сотрудничества с голландцами обострились конфликты с пекотами с другими группами индейцев, в первую очередь наррагансеттами и мохеганами.

Наррагансетты, занимавшие территорию нынешнего штата Род-Айленд, как и пекоты, стали значительной силой в регионе после эпидемий начала XVII в. Поддерживающие лишь спорадические контакты с соседями, наррагансетты оказались незатронуты эпидемией³³³. Остальные индейцы уверились в особой силе и «эффективности» шаманов наррагансеттов, которые смогли «остановить» распространение эпидемии³³⁴. В отличие от пекотов, наррагансетты далеко не сразу наладили отношения с европейцами — к жителям Нового Плимута они относились с подозрением, как и к вампаноаг, заключившим с ними союз сразу после основания колонии³³⁵. Среди англичан ходили даже слухи, что наррагансетты собирают огромную армию, чтобы выступить против англичан и их союзников. Жители Плимута уже готовились к неизбежному вторжению, но наррагансетты, по выражению Джона Уинтропа «ушли воевать с пекотами»³³⁶.

Со временем Наррагансетты начали торговать с колонистами Массачусетса. Наррагансетты быстро научились извлекать из сотрудничества с новыми соседями максимально возможную выгоду — они получали прибыль, перепродавая английские

³³² Underhill J. *Newes from America* // Mason J. *A Brief History of the Pequot War*. Pp. 56-57.

³³³ Bradford W. *History of Plymouth Plantation*. P. 87.

³³⁴ Robinson P.A. *The Struggle Within: The Indian Debate in Seventeenth-century Narragansett Country*. Binghamton, NY: State University of New York, 1990. P. 77.

³³⁵ Cave A. *The Pequot War*. P. 65.

³³⁶ Winthrop J. *Winthrop's Journal*. P. 76.

товары племенам, живущим дальше от побережья³³⁷.

Голландцы, построившие Дом Доброй Надежды, надеялись, что смогут свободно торговать и с наррагансеттами, и с пекотами, но ни одна из групп индейцев не собиралась делиться с конкурентами. Пекоты консолидировали вокруг себя множество мелких независимых групп, Сходный процесс происходил и на территориях, «подвластных» наррагансеттам. В отличие от пекотов, наррагансеттам удалось обойтись без военных действий при создании своего «племенного союза», зато они активно прибегали к «династическим» бракам и щедро одаривали сахемов окружающих мелких «племен»³³⁸ — в числе которых были, к примеру, нипмак, ставшие после войны объектом внимания английского миссионера Джона Эллиота.

Наррагансетты прикладывали значительные усилия к ослаблению пекотов. В начале 1630-х между племенами началась открытая война, формально — из-за относительно небольшого участка земли, на деле же из-за доступа к европейской торговле³³⁹. Помимо военной мощи, наррагансетты прибегали и к более тонким инструментам. Разумно предположить, что о многих из них мы не знаем и не имеем возможности узнать — значительная часть «внутренней» политики индейцев неизбежно остаётся «за кадром». Но для нас наибольший интерес представляет попытка наррагансеттов привлечь на свою сторону английских колонистов, и не просто в качестве союзников в войне с пекотами.

В 1631 группа «индейцев реки», находящаяся под влиянием пекотов, посетила Плимут и Бостон. Они надеялись уговорить англичан начать заселение долины Коннектикута. Они готовы были даже платить англичанам, 80 бобровых шкур в год не считая кукурузы. Для нас важно, что переводчиком при них был индеец из Массачусетса, поддерживающий тесные связи с наррагансеттами — которые, очевидно, поддержали план «речных» сахемов, ищущих независимости от пекотов,

³³⁷ Wood W. *New England's Prospects*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1977. Pp. 80-81.

³³⁸ Robinson P.A. *Op.Cit.* Pp. 84-85.

³³⁹ Cave A. *The Pequot War*. P. 63.

если и не были его инициаторами³⁴⁰.

Англичане начали заселение долины Коннектикута, но лишь через несколько лет и по собственной инициативе. Наррагансетты же смогли подорвать влияние пекотов другими способами после смерти Татобема. Его наследник, Сассакус, не просто не смог продолжить расширять влияние пекотов, при его «правлении» из сферы влияния великого сахема начали выходить даже собственно пекоты³⁴¹. Как мы уже говорили, племя во многих случаях — понятие относительное. На эту относительность указывает и поведение сахемов пекотов после смерти Татобема — многие из них переставали подчиняться Сассакусу. Но при этом они не переставали считать себя пекотами, и их действия не воспринимались, видимо, как восстание — по крайней мере, ни о каких вооруженных конфликтах между разными группами пекотов нам неизвестно. Единственное исключение — сахем Сассавав (иногда его называют Сосо), «переметнувшийся» к наррагансеттам и воевавший против пекотов³⁴². Резонно предположить, что власть Татобема лишь очень относительно поддерживалась какой-либо устоявшейся политической структурой и зависела скорее от личных отношений его с другими сахемами. Само же установление «власти» Татобема, и сходные процессы среди наррагансеттов — наглядный пример консолидации индейских под воздействием контакта с европейцами.

Впрочем, смерть Татобема привела и к более явному «расколу» пекотов — по крайней мере, так может показаться на первый взгляд. Речь идёт об «образовании» племени мохеган. Долгое время считалось, что мохеганы — часть племени пекотов, отколовшаяся от основной их массы под руководством Ункаса³⁴³. Но в последние годы появился ряд работ, в которых такая точка зрения оспаривается — мохеганы могли быть независимой «клановой» группой, связанной с пекотами через

³⁴⁰ Bradford W. Op.Cit. Pp. 257-58; Salisbury N. Manitou and Providence. P. 205.

³⁴¹ Salisbury N. Manitou and Providence. P. 210.

³⁴² The Correspondence of Roger Williams, vol. 1. Hanover, New Hampshire: Rhode Island Historical Society, 1988. Pp. 93-94.

³⁴³ Имя, которое европейцы произносили и записывали как Uncas, Onkos или Onko по современным представлениям должно записываться как Wonkus. На языке пекотов-мохеган, и прочих алгонкинских оно означает «лис». Как мы ещё увидим, имя ему прекрасно подходило.

«династический» брак с верховным сахемом. Судя по голландской карте 1614 года, уже тогда мохеганы занимали территорию отдельную от пекотов и были достаточно независимы, чтобы европейцы воспринимали их как отдельное племя³⁴⁴. Не вполне ясно и как именно «династические» браки между сахемами сказывались на жизни большинства индейцев — скорее всего, они свободно перемещались между «племенами». Возможно, как пишет Уильям Бертон, «пекоты и мохеганы и не были одним народом, а вот лидеры их — были»³⁴⁵. Совершенно неясна и длительность «альянса» пекотов и мохеган — возможно, «объединились» они незадолго до раскола, в процессе формирования «зоны влияния» пекотов.

Так или иначе, после смерти Татобема, лидер группы, известной как мохеганы, Ункас, попытался стать великим сахемом пекотов. Таковым мог стать представитель «знатной» семьи, но вовсе не обязательно потомок или даже родственник предыдущего великого сахема. Новым великим сахемом стал Сассакус. Ункас отказался признавать его власть, но попытка свергнуть Сассакуса провалилась, и он бежал к наррагансеттам. Вскоре Ункас поклялся в верности Сассакусу и вернулся на родину, но клятву свою скоро нарушил. И после поражения снова бежал к наррагансеттам, чтоб вскоре снова испросить прощения и вернуться домой. Этот процесс повторялся пять (!) раз³⁴⁶. Ункас, пользовавшийся поддержкой наррагансеттов и англичан, заручился также помощью других сахемов мохеган, воспользовался конфликтом, возникшим между ними Сассакусом, видимо из-за их «вторжения» в его охотничьи угодья. Изгнанные лидеры мохеган нашли убежище у наррагансеттов, которые, естественно, с готовностью поддерживали любое ослабление пекотов. Ункас также заручился поддержкой «индейцев реки». Позже Ункас поддержит агрессию англичан против пекотов и поспособствует развязыванию

³⁴⁴ Means C.A. Mohegan-Pequot Relations // Bulletin of the Archaeological Society of Connecticut, 21 (1947). Pp. 26-34.

³⁴⁵ Burton W.J. Hellish Fiends and Brutish Men: Amerindian and Euroamerican Interaction in Southern New England, An Interdisciplinary Analysis, 1600-1750. Ph.D. diss., Kent State University, 1976. P. 127.

³⁴⁶ История политических махинаций Ункаса известна в основном благодаря показаниям, данным неким индейцем в суде через несколько десятилетий. См. подробнее: Means C.A. Mohegan-Pequot Relationships // Bulletin of the Archaeological Society of Connecticut 21 (1947). Pp. 26-34; Public Records of the Colony of Connecticut, vol. 3. NY, 1968. Pp. 479-80; Salisbury N. Manitou and Providence. P. 206.

войны, которая позволит ему стать великим сахемом — но уже не пекотов, а независимого племени мохеган. Именно Ункас сообщил о готовящемся среди пекотов нападении на англичан, и о том, что пекоты намеренно укрывают у себя убийц капитана Стоуна, одним из которых является их великий сахем, давний враг Ункаса, Сассакус³⁴⁷. Это сообщение подтолкнуло колонистов к эскалации существующего напряжения между колониями и пекотами³⁴⁸. Пожалуй единственная группа индейцев, однозначно выигравшая в результате Пекотской войны, и упрочившая своё положение в последующие десятилетия — мохеганы.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ АНГЛИЙСКИМИ КОЛОНИЯМИ В ДОЛИНЕ РЕКИ КОННЕКТИКУТ И ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА С ПЕКОТАМИ

Всё, что было сказано в первой главе говорили об отношениях англичан с коренным населением Новой Англии касалось в основном поселенцев Нового Плимута. Плимут был основан небольшой группой английских религиозных диссидентов, прибывших из Голландии. В начале семнадцатого века, на заре развития английской колонизации, переселенцы из Англии предпочитали отправлять в Виргинию, Вест-Индию или Ирландию. Новая Англия, куда отправились пилигримы из Голландии находилась на периферии британской колонизации и, не считая немногочисленной группы пилигримов, мотивированной в первую очередь религией, не привлекала англичан, решивших покинуть родину. Ситуация изменилась в начале 1630-х. Религиозные противоречия в английском обществе обострились ещё в середине 1620-х гг., с началом правления Карла I. Усугублялись и противоречия между королевской властью и парламентом. В 1629 г. Карл распустил парламент, надеясь подорвать влияние своих политических противников, среди которых было немало пуритан. На фоне растущего политического и религиозного

³⁴⁷ Jonathan Brewster to John Winthrop, jr. // The Winthrop Papers, vol. 3. Boston: Massachussets Historical Society, 1871. Pp. 270-72.

³⁴⁸ Cave A. The Pequot War. P. 99.

напряжения, многие пуритане решили покинуть Англию. Всего за период т.н. «Великого исхода», 1630 - 1640 гг. Англию покинуло порядка 80 тысяч человек. Часть предпочла отправиться в Голландию, часть — в Ирландию и Вест Индию, которые активно колонизировались. Но почти четверть, около двадцати тысяч человек, отправились «по следам» пилигримов в доселе мало освоенную Новую Англию.

В 1630 г. В Новую Англию прибыл «флот Уинтропа» — группа из примерно 700 колонистов под руководством Джона Уинтропа. Так началась история Колонии Массачусетского залива. Уже в момент основания колонии, население Массачусетса значительно превышало население Плимута. Община пилигримов в 1620 г. насчитывала порядка ста человек. За десятилетие колония выросла до трехсот человек. «Великое Переселение» затронуло Плимут, и к началу 1640-х в колонии было уже порядка двух тысяч человек — такой темп роста может показаться впечатляющим сам по себе, но по сравнению с соседней колонией Плимут с самого начала был и всегда оставался крошечным. К моменту присоединения к Массачусетсу в 1691 г., лишь немногим больше десяти процентов от шестидесяти тысяч колонистов Новой Англии были гражданами Плимута. Колонию Массачусетского залива основала группа из 700 колонистов, но львиная доля пуритан, покинувших Англию в следующее десятилетие осела именно там. Основанная на десять лет позже, колония Массачусетского залива быстро превзошла своих предшественников численностью и богатством и стала доминирующей силой среди английских колоний и вообще значительной региональной «державой». В начале же 1630-х стремительно растущая колония активно искала возможности укрепить свою экономику, и столь же активно расширялась. Прибывающим непрерывным потоком новым поселенцам требовались земли.

Массачусетских пуритан с жителями Плимута сближала не только национальность, но и религиозные взгляды — хотя основатели Плимута не были

пуританами в строгом смысле слова, и те, и другие в Англии считались религиозными диссидентами. Теологические различия между взглядами двух групп были относительно невелики, и в целом мировоззрение их во многом совпадало. Казалось бы, жители Плимута должны были с распростертыми объятиями встретить новых соседей, и приложить все усилия к тому, чтобы новое поселение — Бостон — процветало. До некоторой степени так и было. Плимут неоднократно помогал Бостону, в первую очередь советом, в том числе и в том, что касалось отношений с индейцами³⁴⁹.

Но довольно скоро в отношениях между колониями возникли первые сложности. В ретроспективе очевидно, что надежды Плимута на равноправное сосуществование колоний были несколько наивны. Колония Массачусетского залива была заметно больше — и росла значительно быстрее — Плимута, и снабжалась из Англии гораздо лучше. Должностные лица Массачусетса были, конечно, вежливы, и старались поддерживать видимость равноправия, но на практике блюли интересы своей колонии и не позволяли соображениям религиозной и национальной солидарности стоять на пути экономических или политических интересов³⁵⁰. Несмотря на всю помощь Плимута и общность религиозных взглядов, рано или поздно между Плимутом и Массачусетсом должен был возникнуть конфликт. Учитывая темп расширения Массачусетса, произошло это буквально через несколько лет после основания новой колонии, и камнем преткновения между ними стала долина Коннектикута.

В 1634 колонисты Массачусетса впервые встретились с представителями

³⁴⁹ См., к примеру: Bradford W. Op.Cit. Pp. 291, 292, 237, 349, 252, 364, 440.

³⁵⁰ Мы ещё вернемся к этому вопросу, но вкратце — власти Массачусетса отвергли предложение Плимута о совместном освоении долины Коннектикута — и впрямь очень щедрое — под благовидным предлогом — но вскоре начали освоение долины самостоятельно, «наступая на пятки» купцам из Плимута. См. Winthrop J. Journal Pp. 103, 109-11; Bradford Op.Cit. P. 258; Подробнее см. Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest. P. 189; Брэдфорд даже описывает с плохо скрываемым удовольствием как два принадлежащих массачусетской колонии торговых судна разбились на пути в Коннектикут — очевидно, господь карал бостонцев за «вторжение, идущее во вред остальным» (Bradford W. Op.Cit. P. 290)

пекотов³⁵¹. Пекоты принесли богатые дары руководству Массачусетса, и просили содействовать в заключении мира с наррагансеттами. Мир как таковой заключен не был, но Бостон смог обеспечить, по крайней мере, безопасное возвращение послов через земли наррагансеттов³⁵². Кроме того, власти Массачусетса подписали с пекотами торговый договор³⁵³. Пекоты также предложили англичанам Массачусетса поддержку в заселении Коннектикута — повторив маневр «индейцев реки». Понимая, что отношения с голландцами уже не восстановить, пекоты стремились обеспечить себе доступ к торговле с Европой через англичан. Но лидеры Бостона проявили осторожность, и «особых» отношений с пекотами не сложилось. Они готовы были торговать, но не собирались вмешиваться в конфликт пекотов с наррагансеттами, которые — в отличие от пекотов — были их ближайшими соседями.

Торговое соглашение с Бостоном на практике оказалось неэффективно и просуществовало недолго. За ратификацию договора колонисты потребовали от пекотов огромный выкуп — порядка половины всей прибыли колонии за год³⁵⁴. Естественно, при себе послы такой суммы — вернее, такого количества вампума и шкур — не имели, и договор так и не был ратифицирован. И это не считая выкупа за смерть капитана Стоуна, который лидеры Бостона также потребовали от пекотов. Пекоты пытались объяснить, что убийство Стоуна было случайностью, и что сам Стоун успел изрядно разозлить индейцев. И губернатор Уинтроп вроде бы согласился с их объяснением — по крайней мере, Брэдфорду он писал, что Стоун погиб «заслуженно»³⁵⁵.

Хотя колонисты Массачусетса и не приняли «приглашения» пекотов, долина Коннектикута их, безусловно, интересовала. Уже через год после визита пекотских

³⁵¹ Winthrop J. Journal. Pp. 38-39.

³⁵² Ibidem

³⁵³ Ibidem

³⁵⁴ Jennings F. The Invasion of America. Pp. 191-96.

³⁵⁵ Bradford W. Op.Cit. P. 291.

послов, в 1635, некоторые жители Бостона, недовольные сложившимися там условиями, переселились в Коннектикут — в том числе конгрегация Томаса Хукера³⁵⁶. После «исхода» Хукера, в долину Коннектикута из Массачусетса потянулся неиссякающий поток переселенцев, ищущих плодородной земли и хороших пастбищ. Но кроме пекотов, «индейцев реки» и голландцев, их новыми соседями стали и англичане. Правда, в отличие от колонистов Массачусетса, плимутцы не собирались пока заселять долину Коннектикута. Их интересовала не земля, а торговля. Торговые фактории Плимута в Мэне не приносили большой прибыли и постоянно подвергались атакам французов и их союзников³⁵⁷.

В 1633 представители Плимута прибыли в Бостон с предложением основать совместную факторию, чтобы не допустить усиления голландцев, как раз собравшихся строить Дом Доброй Надежды. Губернатор Уинтроп заявил, что долина Коннектикута вообще непригодна для заселения англичанами, что по донесениям разведчиков навигация там возможна только летом, и заключил, что Бостону лучше не ввязываться в освоение Коннектикута³⁵⁸. Кроме того, власти Массачусетса заявили — о чем не упоминает Уинтроп, но пишет Брэдфорд — что у них недостаточно средств для основания фактории³⁵⁹. Плимутцы согласились даже взять на себя обеспечение фактории в первый год после её основания, при условии, что со временем жители Массачусетса «включатся» в предприятие³⁶⁰. Когда бостонцы отказались даже от столь выгодных условий, власти Плимута предупредили их, что собираются основать факторию самостоятельно — на что Уинтроп ответил

³⁵⁶ Winthrop J. Journal. P. 162. Пуританский проповедник, известный сегодня в первую очередь как «основатель Коннектикута». Хукер вдохновил Фундаментальный Законы Коннектикута (1639) документ, сегодня считающийся одним из прообразов современных конституций западных стран. Хукер кроме того был одним из наиболее заметных и «популярных» проповедников Новой Англии своего времени.

³⁵⁷ В 1632 французы разграбили торговые аванпосты-фактории в Кеннебеке и Макиасе, в 1635 — захватили основанный Томасом Аллертоном аванпост в Мэне, утверждая, что он стоит на французской территории. Власти Плимута просили Массачусетс о помощи, но губернатор Уинтроп ограничился сдержанным выражением сочувствия (Bradford W. Op.Cit. Pp. 245-46).

³⁵⁸ Winthrop J. Op.Cit. P. 103.

³⁵⁹ Bradford W. Op.Cit. P. 258.

³⁶⁰ Ibid

согласием и пообещал, что Бостон не станет вмешиваться в их дела³⁶¹. Это заявление было, в отличие от соображений, касающихся климата и проходимости реки, было даже не преувеличением, а откровенной ложью. В том же году Массачусетс организовал первые торговые экспедиции в Коннектикут, под руководством Джона Олдхема — торговца, не так давно изгнанного из Плимута³⁶².

Плимутцы, как и обещали, основали в долине Коннектикута факторию — несмотря на протесты голландцев. Формальным основанием для их «вторжения» было участие в экспедиции Натаванте, сахема «индейцев реки», которому англичане после долгих уговоров согласились помочь вернуть его законные владения, оказавшиеся в руках пекотов³⁶³. Голландцы пытались даже снарядить против новой фактории вооруженный отряд, но англичане успели возвести крепкий палисад, штурмовать который голландцы не решились³⁶⁴. К моменту прибытия Томаса Хукера и других поселенцев из Массачусетса, две фактории сосуществовали уже несколько лет — формально конкурируя, они зачастую помогали друг другу в бытовых вопросах. Зимой 1633 разразилась очередная эпидемия, поразившая в основном индейцев. Голландские торговцы, запертые непогодой в вымирающей индейской деревне чуть не погибли от голода и холода — хотя болезнь их и не затронула — и вряд ли добрались бы до Дома Доброй Надежды без помощи англичан³⁶⁵. Такие эпизоды несколько «разбавляли» в целом не слишком дружелюбные отношения английских и голландских торговцев. Впрочем, до прямого конфликта дело не доходило, обычно их противоречия ограничивались вялыми официальными угрозами и мелкими пикировками. Пекотов, формально владеющих регионом, видимо, мало интересовали мелкие разногласия европейцев, пока они не ограничивали возможности сбыта шкур и приобретения европейских товаров и вампума.

³⁶¹ Ibid

³⁶² Bradford Op.Cit. P. 182.

³⁶³ Bradford Op.Cit. P. 313.

³⁶⁴ Ibid. P. 314.

³⁶⁵ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 270.

В 1634 небольшую факторию основали и жители Массачусетса, под руководством всё того же Олдхема. Позже на её месте возник город Уэзерсфилд. Заселение Уэзерсфилда, Уотертауна и других городков в долине Коннектикута поощрялось властями Массачусетса — хотя обычно они весьма скептически относились к «распылению» ресурсов и противостояли любой попытке части колонистов покинуть Бостон и другие поселения «центрального» Массачусетса³⁶⁶. Вероятно, Фрэнсис Джэннингс был прав, когда утверждал, что отказ основать совместную с Плимутом факторию не имел никакого отношения к сложности этого предприятия и нехватке ресурсов — колонисты Массачусетса просто надеялись сделать Коннектикут своим, и только своим³⁶⁷.

Итак, к началу 1635 года на долину реки Коннектикут претендовали в той или иной форме: пекоты, формальные владельцы региона, вынужденные бороться не только с конкурентами, но и с собственными «вассалами»; «индейцы реки», мохеганы и другие группы индейцев стремящиеся к независимости от пекотов; голландцы, заинтересованные исключительно в торговле; англичане Плимута, также заинтересованные в первую очередь в торговле, и поддерживающие натянутые, но всё же скорее мирные взаимоотношения как с индейцами, так и с голландцами; англичане Массачусетса, не только ищущие торговых партнеров, но и активно заселяющие регион, к недовольству индейцев, голландцев и жителей Плимута. В столь неспокойной обстановке конфликт был практически неизбежен. Формальным поводом к нему стало, как мы уже говорили, убийство капитана Стоуна и — позже — Джона Олдхема.

На первый взгляд из всех возможных поводов для начала конфликта в долине Коннектикута убийство Стоуна кажется самым незначительным. Стоун, изгнанный из Бостона за недостойное поведение, был работоторговцем, и нередко заманивал индейцев на свой корабль, с тем, чтобы увезти их и продать в рабство в Виргинии.

³⁶⁶ Cave A. The Pequot War. Pp. 87, 94-96.

³⁶⁷ Jennings F. The Invasion of America. P. 189.

Поначалу власти колоний предположили, что Стоуну то ли отомстили за предыдущие прегрешения, то ли он в очередной раз попробовал повернуть тот же фокус, за что и поплатился. Особой горечи по поводу его смерти они не высказывали — Стоун был пьяницей, распутником, богохульником, и вообще, судя по всему, личностью довольно неприятной³⁶⁸. К сожалению, у Стоуна нашлись богатые покровители. Он был дружен с губернаторами Виргинии и Новых Нидерландов, и — что было много хуже для колонистов — пользовался расположением лорда Сэй и Сэле, одного из богатейших и влиятельнейших пуритан Англии, активно спонсирующего различные колониальные предприятия. Ссора с лордом Сэле вполне могла закончиться прекращением существования колонии, или, по меньшей мере, сменой её руководства. На случай разбирательства властям Массачусетса неплохо было бы иметь возможность заявить, что убийцы капитана пойманы и наказаны.

Хуже оказалась ситуация с убийством Олдхема. Он, в отличие от Стоуна, был уважаемым членом общины — по крайней мере в Бостоне, из Плимута его изгнали за недостойное поведение — и известным торговцем. Его отправили к пекотам с целью торговли и проверки соблюдения недавно заключённого договора. Он был убит на Блок Айленд племенем, союзным наррагансеттам. Как выяснилось позднее, все сахемы наррагансеттов, кроме Миантонимо и Каноникуса, участвовали в заговоре с целью убийства Олдхема и подрыва торговли англичан с пекотами³⁶⁹. Названные двое не только не участвовали в заговоре, но и предлагали отомстить за убитых своим соплеменникам — впрочем, не подвергая себя чрезмерному риску³⁷⁰. Убийцы не были выданы колонистам и те не получили никакого выкупа — именно за

³⁶⁸ Только в 1632 Стоун пытался угнать торговую барку Плимута в Нью-Йорке, что удалось предотвратить только благодаря вмешательству дружественно настроенных голландских моряков, напоил до бесчувствия нескольких достойных граждан Бостона, попытался совратить жену одного из магистратов — впрочем, не смог, по мнению Уинтропа «совершить непотребства», поскольку был слишком пьян и избить Роджера Ладлоу, члена правящего совета колонии. Когда выяснилось, что он убит индейцами — на пути в Лондон после освобождения из тюрьмы в Бостоне — колонист Роджер Клэп писал с нескрываемым удовольствием «Так Господь уничтожил того, кто так горделиво угрожал погубить нас, натравив на нас своих друзей в Англии» (Chronicles of the First Planters of the Colony of Massachussets Bay (1845). Baltimore: Corner House, 1979. P. 363).

³⁶⁹ Winthrop J. Op.Cit. P. 184.

³⁷⁰ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 17.

ним и будет отправлен отряд, фактически начавший войну с пекотами³⁷¹.

Пекоты начали «терроризировать» колонистов Массачусетса, поселившихся в долине реки Коннектикут (вспомним третий пункт договора). Поселенцы из Уэзерсфилда не могли без вооружённой охраны пересекать реку из-за опасности быть убитыми или похищенными. В общей сложности на этом начальном этапе войны погибло около тридцати человек³⁷². Попавшие в плен подвергались ужасающим пыткам. Впоследствии индейцы в насмешку над англичанами издевательски изображали призывы умирающих к Господу.³⁷³

Общую реакцию колонистов нетрудно предугадать — они были разозлены и напуганы. Об этом пишет и Брэдфорд: «из-за этого им пришлось готовиться к сопротивлению и заботиться об охране».³⁷⁴ Кроме того, появился в действиях колонистов и мотив мести — особенно явно на это указывает автор «Хроники...», согласно которому английские солдаты из вышеупомянутого форта оказались свидетелями пыток и истязаний своих соотечественников, после чего «единогласно согласились <...> с Божьей помощью искоренить их (индейцев)»³⁷⁵. Власти Массачусетса приняли решение отправить к пекотам военный отряд. Хотя автор «Хроники...» утверждает, что капитану Эндикотту было приказано предложить пекотам мир и атаковать только в случае их враждебности, сложно представить себе в качестве дипломатов 90 человек вооружённых солдат³⁷⁶. Как и можно было ожидать, этот рейд закончился уничтожением двух индейских деревень — одной ниантиков и одной Пекотской. 1 мая 1637 представители поселений в долине Коннектикута официально объявили о начале войны с пекотами.

Что стало тому причиной? Несколько лет подряд англичане, голландцы, и индейцы сосуществовали в долине Коннектикута вполне мирно. Что изменилось в

³⁷¹ Winthrop J. Op.Cit. P. 186.

³⁷² Mason J. A Brief History of the Pequot War. P. 18; Winthrop J. Op.Cit. P. 213.

³⁷³ Bradford W. Op.Cit. P. 23-24; Mason J. A Brief History of the Pequot War. Pp. 128-29.

³⁷⁴ Bradford W. History of Plymouth Plantation. P. 352.

³⁷⁵ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 25.

³⁷⁶ Ibidem

начале 1630-х и привело к эскалации существующих противоречий и началу открытого конфликта? На наш взгляд, толчком к развитию конфликта послужило появление переселенцев из Массачусетса. Индейцы, в том числе и пекоты были готовы сосуществовать с европейцами, особенно если торговля с ними могла оказаться выгодной. Даже расселение колонистов на индейских территориях не встречало особого сопротивления — в результате эпидемий начала века освободилось много земель, а разница в землепользовании позволяла группам сосуществовать даже в близком соседстве, не слишком конфликтуя, как было в случае с Плимутом. Сахемы индейцев без особых угрызений совести использовали колонистов для достижения собственных политических целей, в том числе и предлагая им земли. Колонисты даже восприняли частично материальную культуру индейцев — и методы ведения сельского хозяйства, и даже «валюту». Но индейцы видимо не вполне понимали намерения своих новых соседей. В первые десять-пятнадцать лет существования колоний, о расширении их и массовом заселении индейских земель речи не шло в силу слабости и малочисленности колоний. Колонисты Плимута при всём желании не смогли бы основать несколько крупных поселений в Коннектикуте, как сделали массачусетские пуритане.

Индейцы, до этого сталкивавшиеся лишь с заинтересованными в торговле французами и голландцами, полагали, что и с англичанами им удастся установить такие же отношения. Для англичан же расширение колоний было лишь вопросом времени — богоизбранный народ должен был неизбежно занять земли «Града на Холме», а индейцы в этой любимой пуританами картине будущего, видимо, вообще не рассматривались, словно бы их и не было. Сообщество Новой Англии, существующее за счёт торговли, не было готово к столкновению с пуританами — фанатично религиозными, уверенными в своём праве, и многочисленными. Прочие противоречия, возникавшие между разными группами Новой Англии могли решаться — и решались — мирным путем, и только столкновение с пуританской

экспансией привело к войне.

Появление пуритан в долине Коннектикута не создало на самом деле новых противоречий между европейцами и индейцами — скорее уж оно усилило противоречия между европейцами и заложило основу столкновений интересов Плимута и Массачусетса. К развитию конфликта приложили руку и сами индейцы — именно внутренние противоречия индейцев его во многом и породили. Голландцы и наррагансетты куда сильнее, чем англичане, поспособствовали росту напряженности между разными силами, действующими в регионе. Пуритане, как десятилетием раньше пилигримы Плимута, были новым, чуждым элементом. Не являясь пока органической частью Новой Англии, они готовы были пойти в отстаивании своих интересов дальше, чем любая из уже существовавших «фракций» — взаимозависимых, и потому стремящихся сохранить статус-кво и не допустить открытого конфликта. Именно появление и экспансия пуританского Массачусетса, а также готовность руководства колонии прибегать к насилию, которой не показывали ни голландцы, ни наррагансетты, ни жители Плимута, привело к изменению не интенсивности, но характера конфликта, к переходу его из политической и экономической сферы в сферу военную.

Ход, характер и последствия Пекотской войны

Мы не ставим перед собой цели пересказать в подробностях все перипетии войны и описать каждое столкновение, подсчитать убитых и т.д. и т.п.. Говоря о ходе войны, мы в первую очередь постараемся определить характер войны, а также отметить те эпизоды и факты, которые окажутся важными для понимания основных тенденций дальнейшего развития рассматриваемых нами взаимоотношений.

В первую очередь следует задуматься — кто собственно участвовал в войне? С одной стороны, самой собой пекоты и их «вассалы» — впрочем, многие из них, как было сказано выше, были недовольны своим положением и откололись от пекотского

«союза» либо ещё до войны, либо в самом её начале.

Со стороны англичан в войне участвовали колонии Массачусетского залива, Плимут, Нью-Хейвен и Коннектикут. В колонию Коннектикут только-только объединились практически все английские поселения в долине — включая форт Сэйбрук и Уэзерсфилд. Формально она была независима, но на деле населена была в основном переселенцами из Массачусетса, а отдельной независимой колонией стала меньше чем за год до начала войны. Реальной властью губернатор, назначенный из Англии, резиденция которого находилась в Сэйбруке, практически не обладал³⁷⁷. Политика Коннектикута на данном этапе зависела от политики Массачусетса практически полностью. Колония Нью-Хэйвен, основанная в 1638 году в войне участвовала скорее формально, поскольку на тот момент представляла из себя несколько крошечных поселений, не представляющих самостоятельной силы. В 1637 эти четыре колонии сформировали альянс, который чуть позже превратиться в Конфедерацию Новой Англии, первое объединение такого рода в английских колониях³⁷⁸. К политическим и культурным последствиям возникновения Конфедерации мы вернемся позже, пока же нас будет интересовать её военное значение — на время Пекотской войны у колоний было общее ополчение. По крайней мере, так должно было бы быть. На деле большинство ополченцев были жителями Коннектикута, а значительный вклад в снабжение армии внёс Бостон³⁷⁹.

Итак, две индейские деревни были уничтожены, запасы из них разграблены. Правда, большинству населения удалось скрыться в лесу — индейцы чувствовали себя там как дома, а колонисты, прожив всего несколько лет в Новом Свете, всё же ещё не до конца освоились в местных лесах и болотах³⁸⁰.

Пекоты пришли в ярость из-за случившегося и попытались собрать союзников. Желаемой поддержки от других племён они не получили — даже из традиционно

³⁷⁷ Cave A.A. The Pequot War. P. 98.

³⁷⁸ Bradford W. Op.Cit. P. 353.

³⁷⁹ Public Records of the Colony of Connecticut. Pp. 9-10; Cave A. The Pequot War. P. 137.

³⁸⁰ Mason J. A Brief History of the Pequot War. Pp. 59-60.

союзных им ниантиков к пекотам присоединились только западные, а уж их враги, такие как наррагансетты и мохеганы, и вовсе открыто примкнули к англичанам, несмотря на все уговоры³⁸¹.

Следующим летом продолжились нападения на поселения в Коннектикуте, в том числе на Уэзерсфилд. Всего было убито около 30 человек и 2 молодые женщины были похищены³⁸². В мае в Хартфорде было сформировано ополчение, на помощь которому пришли 70 мохеган во главе с Ункасом. С помощью ещё примерно 200 воинов наррагансеттов и некоторых ниантиков этот отряд полностью уничтожил практически неохраняемую деревню Мисистук (с населением примерно 700 человек, об этом эпизоде пойдёт речь ниже), после чего наррагансетты и многие мохеганы отказались от активного участия в войне³⁸³. Большинство пекотов попросту бежало, многих поймали мохеганы и наррагансетты. После Битвы на Фэйрфилдском болоте единственное, что оставалось англичанам — поимка Сассакуса, сахема пекотов. В этом им помогли мохеганы, приславшие его скальп как знак дружбы через несколько месяцев после окончания войны. Официально войну можно было считать законченной 21 сентября 1638 с подписанием Хартфордского соглашения, определявшего дальнейшую судьбу оставшихся пекотов (из всего племени выжило около 200 человек, и никакой существенной роли не только в отношениях с колонистами, но и во внутреиндейской политике, они больше не играли)³⁸⁴.

Надо заметить, что, вопреки расхожим современным стереотипам, такой исход войны вовсе не был однозначно predetermined. Традиционная картина — несчастные индейцы, отбивающиеся луками и стрелами от тяжеловооруженных и пугающе эффективных, закованных в броню англичан не имеет почти ничего общего с реальностью. Даже технологическое превосходство англичан довольно

³⁸¹ Bradford W. Op.Cit. P. 355.

³⁸² Mason J. A Brief History of the Pequot War. Pp. 18-19.

³⁸³ Ibid. P. 31.

³⁸⁴ Ibid. P. 40. Текст соглашения приведен у Vaughan A.T. The New England Frontier: Puritans and Indians, 1620-1675. Pp. 340-41.

сомнительно. В колониях было мало профессиональных солдат, и ещё меньше хорошего современного оружия. Устаревшие — зачастую антикварные — ружья колонистов были ненадежны, неточны, не слишком мощны, и вдобавок очень сильно зависели от погодных условий — даже если порох удавалось сохранить сухим, фитильные ружья в дождливую погоду были практически бесполезны. Индейские же луки, пусть и уступающие огнестрельному оружию в мощности (что тоже спорно), отличались большой точностью и «работали» в любую погоду. Индейские войны были по большей части опытными охотниками, прекрасно знающими местность и умеющими выживать даже в очень тяжелых условиях, да и опыта участия в набегах и небольших войнах у многих из них хватало. Английские же ополченцы, за исключением нескольких специально нанятых профессионалов вроде Майлза Стэндиша, Мэйсона или Гарднера, были вчерашними фермерами и ремесленниками. Даже если они и умели пользоваться оружием — хотя понятно, что умение это с мастерством индейских охотников несравнимо — солдатами они не были. Вряд ли тренировки по шесть дней в году (как было в Массачусетсе) и реже³⁸⁵ могли превратить ватагу фермеров в дисциплинированную армию, и уж точно никак не способствовали решению проблем с моралью, неизбежно возникающих у ополчения, заброшенного в незнакомую местность, в суровых условиях и под воздействием постоянного страха, одолевающего цивилизованного англичанина в диких дебрях, где за каждым кустом притаился кровожадный дикарь. Численностью же ополчение вряд ли превосходило всё племя пекотов в полном составе. Так что победа англичан при ближайшем рассмотрении кажется почти чудом. Неудивительно, что в этой победе современники видели промысел божий — ничем другим её объяснить на первый взгляд невозможно. Победа, кстати, была совсем не такой сокрушительной, как её любили представлять колонисты. Формально потери колонистов были относительно незначительны по сравнению с катастрофическими жертвами среди

³⁸⁵ The Charters and General Laws of the Colony and Province of Massachusetts Bay. Boston, 1814. P. 159.

пекотов. На самом деле колонисты, видимо, учитывали в своих подсчетах потери среди ополченцев, но не считали пленников из гражданского населения, и уж тем более потери индейцев-союзников. Потери же пекотов учитывались «полностью» — включая порядка 700 мирных жителей, убитых в Мистик, почти треть от общего числа потерь индейцев. При более объективном подсчете — к сожалению, практически невозможном — потери сторон были бы вероятно гораздо более «сбалансированным».

Победа англичан объясняется двумя факторами — присутствием союзников и особенностями индейских методов ведения войны. Точных данных о числе индейцев, участвовавших на стороне англичан в Пекотской войне у нас нет, но исходя из примерной численности мохеган и наррагансеттов, даже если незначительная часть этих племен присоединилась к англичанам — а поводов воевать с пекотами и у тех и у других хватало, и даже если не учитывать других возможных союзников, которых англичане не сочли нужным упомянуть (например, «индейцев реки»), «союзников» вероятно было не меньше чем ополченцев. Возможно, численно они даже превосходили ополченцев — в таком случае и войну в целом приходится рассматривать как внутрииндейскую, в которой лишь эпизодически участвовали англичане. Мы не станем заходить так далеко, но приходится признать, что роль союзников в победе англичан была весьма велика.

Индейские методы ведения войны значительно отличались от привычных европейцам. Она сводилась в основном к сериям засад и «набегов» — коротких вылазок относительно немногочисленных отрядов в основном с целью похищения или уничтожения запасов. Сражения — скорее стычки — происходили редко, были коротки и состояли из серии поединков. Строевая подготовка и полковая дисциплина были индейцам незнакомы. Естественно, в случае прямого столкновения отряда индейцев с отрядом англичан на открытой местности индейцы проигрывали. С другой стороны открытых пространств в лесистой Новой Англии было не так уж

много, и их индейцы избегали. В засадных боях индейцы обычно оказывались на высоте, англичане же, сильные в первую очередь организацией и уступающие индейцам один на один, проигрывали. Куда сильней подорвал победу пекотов другой аспект индейских представлений о «правильной» войне. Убийство противника для индейцев было неизбежным злом, но не главной целью. Куда более почетным — и прибыльным — оказывался захват пленных³⁸⁶. Во время внутреиндейских войн потери, как правило, были незначительны, зато пленных брали много. О добывании раненых и речи идти не могло³⁸⁷. Зачастую индейские войны предпочитали даже отступить, если понимали, что единственный способ победить — убить противника. Ну и наконец, психологическая война индейцам была знакома, но вот использование мирного населения в качестве «примера» для устрашения противника — нет. Вообще мирное население, женщин, детей и стариков могли захватить в плен, но практически никогда не убивали³⁸⁸. Для европейцев тактика «резни в Мистик» была достаточно привычной, для индейцев целенаправленное убийство мирного населения было не просто непривычно — невысказано и совершенно не нужно. Несмотря на индивидуальное превосходство индейских воинов над ополченцами, численность пекотов и заметно большую надежность вооружения, пекоты проиграли — потому что не готовы были к столкновению с английскими методами психологической войны, деморализовавшими и шокировавшими пекотов (более чем вероятно, что многие из них, узнав о резне в Мистик попросту сбежали), и потому что англичанам удалось, с помощью индейских союзников, принудить пекотов к более-менее масштабным сражениям, таким как битва на Фэйрфилдском болоте³⁸⁹, в которых индейцы неизбежно терпели поражения.

³⁸⁶ Подробнее об индейских методах ведения войны см., к примеру: Jennings F. The invasion of America. P. 169; Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. Pp.88, 150.

³⁸⁷ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. P. 134; Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 258.

³⁸⁸ Drake J.D. Op.cit. P. 88.

³⁸⁹ Mason J. Op.Cit. Pp. 36-39; Hubbard W. Op.Cit. P. 42. Последнее крупное столкновение пекотской войны. произошедшее 13-14 июля 1637 на болоте примерно на том месте, где вскоре (в 1639) будет основан Фэйрфилд. Хотя Сассакус уцелел, большинство боеспособных воинов пекотов погибли или попали в плен во время этого сражения.

Взаимоотношения колоний с индейцами, начали меняться ещё во время войны. В первую очередь начало меняться восприятие колонистов индейцами, как противниками, так и союзниками англичан. Обратимся ещё раз к попытке заключения договора между пекотами и наррагансеттами. Именно этот фрагмент ярче всего иллюстрирует разницу в отношении этому конфликту между двумя «фракциями» индейцев. Для пекотов война была направлена на защиту своей земли от расселения колонистов. Исходя из текста источника, можно предположить, что пекоты, хоть и не в полной мере, но всё же осознали стремление англичан занять всю возможную территорию, изгнав с неё индейцев или попросту уничтожив их. Наррагансетты же видели в ней в первую очередь способ восстановить пошатнувшийся в результате недавних эпидемий баланс сил. Колонисты были для них союзниками в их борьбе за лидерство с пекотами. Угрозы для себя они не осознавали, или, по крайней мере, сильно её недооценивали. Для них «глобальный» аспект войны, обозначившей перелом в политике англичан по отношению к индейцам, не существовал. Хотя в источниках этого напрямую и не указано, резонно предположить, что также воспринимали войну и другие союзники англичан, например, мохеганы.

Вероятно, что угрозу эту они осознали после войны, закончившейся не просто ослаблением пекотов, а практически полным их уничтожением. Во время войны короля Филиппа наррагансетты, вампаноаг и другие племена, бывшие в описываемый период союзниками англичан, выступили против них, забыв о своих противоречиях.

Безусловно, осознать серьёзность намерений англичан помогла индейцам «резня в Мистик» (“Mystic Massacre”). В течении одной ночи были уничтожены около 700 пекотов — женщины, дети и старики, поскольку воины в этот момент были в набеге. Большинство сгорело заживо, пытавшиеся сбежать были застрелены. Из 600-700 жителей деревни семерым удалось сбежать и семеро были взяты в плен. На эффект,

который это происшествие оказало на индейцев-союзников англичан, указывают несколько источников: «И тогда начались трудности <...> все наши индейцы, кроме Ункаса, покинули нас»³⁹⁰; «Падение пекотов внушило такой ужас всем индейцам в этих землях <...> что они искали нашей дружбы и защиты, которые и получили, и ни разу с тех пор не нарушали до недавнего восстания Филиппа»³⁹¹.

Пекотская война продемонстрировала даже тем племенам, которые заключили с англичанами союз, серьёзность намерений колонистов и опасность их для всех индейцев, тем самым подготовив почву для трансформации взаимоотношений двух групп после войны. Свою роль в этой трансформации сыграл и чисто психологический аспект действий англичан во время войны, в первую очередь «резни в Мистик». Если даже испытанные индейские воины отказывались сражаться рядом с англичанами, считая их слишком жестокими — неосторожно будет недооценить ужас, распространившийся среди индейцев. Этот страх останавливал индейцев, удерживал их от открытого противодействия англичанам, весьма долгое время. Напряжение, вызванное недовольством политикой колонистов копилось, что в итоге привело к катастрофическому (в масштабах колоний) взрыву, которым стала война Короля Филиппа.

Колонисты же с самого начала своей жизни на новом месте готовились к расширению земель и понимали, что конфликт с индейцами неизбежен. Внутренние противоречия между племенами, о которых они наверняка знали, были для них удобным инструментом для манипулирования аборигенами и никакого интереса сами по себе не представляли. Ослабление пекотов как причина войны для колонистов было бы бессмысленно — их интересовала земля. И даже не столько из соображений экономических, сколько ради расширения «Града Божьего», в результате чего любой конфликт с местным населением — тем более, столь масштабный, как Пекотская война — приобретал дополнительную религиозную

³⁹⁰ Mason J. A Brief History of the Pequot War. P. 31.

³⁹¹ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 47.

окраску. Дьявольские («devilish») верования индейцев, а, следовательно, и дьявольская их натура, упоминаются в источниках неоднократно³⁹². Ещё чаще индейцы называются «жестокими, злобными, вероломными»³⁹³ — и далеко не всегда обосновано. Отдельные исключения делаются для союзных англичанам сахемов и — позднее — индейцев, принявших христианство. Но и говоря о них, авторы источников сохраняют несколько пренебрежительный тон. В целом же с точки зрения англичан земли вокруг колоний — земли будущего «Града Божьего» — занимали злобные, вероломные и, судя по всему, поклоняющиеся Дьяволу дикари. В такой ситуации война не могла не приобрести характер религиозной, роднящий её — сравнение это несколько натянуто, но неизбежно — с крестовыми походами. Новая Святая Земля должна быть очищена от новых неверных. Ярче всего этот элемент отношения к войне иллюстрирует фрагмент посвящённый опять-таки «резне в Мистик» из «Краткой истории Пекотской войны» Джона Мэйсона. Заметим, что автор этого источника не просто свидетель событий, а человек этой самой «резнёй» руководивший. Сложно найти автора, способного более точно отразить царящие среди колонистов настроения. Приведём его описание, оно хоть и объёмно, но, несомненно, заслуживает внимания: «И такой ужас вселил Всемогущий в их души, что они бежали от нас и бежали прямо в огонь, где многие из них нашли свой конец <...> ...Те, кто несколько часов назад превозносил себя в своей гордыне, угрожая разрушением и уничтожением всего английского, ликуя и наслаждаясь песнями и плясками: но Господь обрушился на них, на смеявшихся, на Его врагов и врагов Его народа, и испепелил их. Так храбрые были уничтожены, проспав свою последнюю ночь, так Господь покарал язычников, заполнив всё это место телами».³⁹⁴ «Так

³⁹² См. к примеру: Carrol P. N. Puritanism and the Wilderness: the Intellectual Significance of the New England Frontier, 1629-1700. P. 11; Bradford W. Op.cit. Pp. 99, 265; Hubbard W. Op.Cit. Pp. 63, 120,193; Good News from New-England. P. 21.

³⁹³ Hubbard W. Op.Cit. Pp. 247, 198, 93, 109, 29, 68, 17; Mason J. Op.Cit. P. 45; Кроме того, например преподобные Коттон и Инкриз Мэзеры, известные американские авторы того времени, и вовсе неоднократно называют индейцев «существами», «creatures» — см. The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather And History of the same War by rev. Cotton Mather. Pp. 47, 53.

³⁹⁴ Mason J. A Brief History of the Pequot War. P. 30.

Господь могучей дланью рассеял своих врагов!»³⁹⁵ — пишет он же уже об окончании войны. Восприятие пекотов — врагов англичан — как врагов Господа, а самих англичан, как орудия Провидения, многое говорит о «крестоносном» характере войны. Несомненно, территориальные соображения были для колонистов важны, но приведённый фрагмент позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что и без религиозного фанатизма не обошлось. Не будем забывать и о жажде мести, наверняка овладевавшей колонистами после всех убийств в поселениях на реке Коннектикут и похищения двух невинных девушек из Уэзерсфилда.

Хотя пекоты как племя были практически истреблены, формально война закончилась подписанием Хартфордского договора 21 сентября 1638 г. — пекоты в нём, естественно, не участвовали. Подписывали договор представители колоний Массачусетс и Коннектикут, а также племён мохеган и наррагансеттов. Выжившие пекоты были «распределены» между этими двумя племенами — по 40 процентов каждому — и племенами Лонг-Айленда, поддерживавшими наррагансеттов. Земли пекотов отошли Коннектикуту. Кроме того, употребление наименования «пекот» было запрещено, так же как и пекотский язык.

Хартфордский договор важен для нас по двум причинам. Во-первых, в нём колонии и индейские племена выступают как практически полноправные партнёры, добившиеся каждый своей цели в результате успешных военных действий. Во-вторых, впервые юридически закрепляется присвоение индейских земель колонистами.

Рассмотрим отношение к договору самих его участников. К сожалению, об отношении индейцев к нему по нашим источникам судить затруднительно. Брэдфорд не упоминает о заключении договора в разделе о 1638 годе, что может свидетельствовать либо о том, что для него такой исход войны был само собой разумеющимся — как результат расположения Господа к колонистам, либо попросту

³⁹⁵ Ibid. P. 39.

о том, что для него, как для жителя Плимута, не участвовавшего в войне непосредственно, этот вопрос не имел особого значения. Мэйсон, выражая радость по поводу самой победы («Так Господь могучей дланью рассеял своих врагов!»), не высказывает каких-либо эмоций или даже мнения относительно заключения договора, ограничиваясь простым перечислением его пунктов.³⁹⁶ Так же сухо повествует о нём и «Хроника...»³⁹⁷. Сложно сказать, чем вызвано такое пренебрежение, но рискнём предположить, что для англичан важнее было покарать «язычников и дикарей» и занять предназначенные им Провидением земли, чем углубляться в вопросы вроде «в какое племя и сколько пленных направить?».

Итак, сформулируем промежуточные выводы. Характер войны различался не только для колонистов и индейцев, но и для разных групп индейцев. Для колонистов война шла, в первую очередь, за расширение территории, хотя сильны были и религиозные мотивы. Для пекотов и их союзников речь шла о защите своих земель, а для индейцев-союзников колонистов — об ослаблении пекотов и достижении других «внутриполитических» целей. При этом экспансионистские устремления колонистов не были для них очевидны, по меньшей мере, до завершения войны.

Англичане начали занимать индейские земли, и очевидно, что пекотский Коннектикут был лишь первым из их новых приобретений. Стремление колонистов к расширению своих владений из области планов и перспектив перешло в область реальной деятельности, которая определила взаимоотношения с индейцами на много лет вперёд. Индейцы начали осознавать угрозу для себя со стороны англичан. Война послужила яркой «демонстрацией силы» колонистов, заставившей некоторые племена, доселе нейтральные или не поддерживающие крепких отношений с ними, эти отношения установить. Причём в отличие от почти равноправных отношений, которые устанавливались в первые годы существования колоний, эти новые договоры англичане диктовали с позиции силы. Столь внушительная демонстрация

³⁹⁶ Ibidem

³⁹⁷ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 50.

силы и — не менее важно — жестокости, не могла не напугать индейцев, предотвращая открытые выступления против англичан — даже в случае дальнейшего расширения их территорий — на достаточно долгий срок. Что, несомненно, означало, что когда открытое выступление всё же произойдёт, оно окажется чрезвычайно массовым и масштабным. Кроме того, вскоре после окончания Пекотской войны начал действовать ещё один фактор, не самый значительный в контексте нашей темы, но всё же заслуживающий упоминания — Английская революция. Зная о событиях в метрополии, колонисты понимали, что какое-то время им придётся обходиться без всякой поддержки, и угроза индейцев воспринималась ими теперь ещё серьёзней.

Весь этот комплекс причин определил изменение всей картины взаимоотношений с индейцами начиная со второй половины Пекотской войны. Прежде чем приступить к рассмотрению взаимоотношений, сложившихся после войны, обратим внимание на ещё один эпизод, имевший место во время войны, который прекрасно иллюстрирует процесс изменения отношений индейцев и англичан. Речь идёт о договоре, заключённом англичанами и наррагансеттами, после уже неоднократно упоминавшейся провальной попытки заключения мира наррагансеттов и пекотов³⁹⁸. По существу договор преследует в первую очередь военные цели и направлен против пекотов. Достаточно назвать пункты 2, 3 и 6 — незаключение сепаратного мира с пекотами, непредоставление им убежища и совместное выступление против них по сигналу англичан (индейцы должны были предоставить проводников). Более важными в долгосрочной перспективе нам кажутся пункты 1 и 9 — согласно им, заключённый «прочный мир» продлевается и на время после окончания войны. Пункт 7 (никто из наррагансеттов не должен приближаться к английским поселениям без сопровождения англичанина или известного колонистам индейца) — вполне объясним простой осторожностью и желанием избежать трагических

³⁹⁸ Winthrop J. Op.Cit. Pp. 191-93; Hubbard W. Op.Cit. P. 27.

недоразумений. Тем более, что подобные условия действуют только на время войны с пекотами. Нас больше всего интересуют пункты 4 и 5 — индейцы обязаны выдавать или казнить любого, убившего англичанина и выдавать «сбежавших слуг (сервентов)»³⁹⁹. Что касается четвёртого пункта — в отличие от седьмого длительность его действия не оговорена, как и не оговорено следует ли индейцам казнить и выдавать только представителей своего племени, или всех пойманных. Несмотря на кажущуюся очевидность первого варианта, рискнём предположить, что второй также допустим — вспомним ярко проявившуюся к концу войны практику «охоты за скальпами» с целью преподнесения их в дар англичанам. Наррагансетты в ней участвовали, поэтому можно предположить, что такое участие было частью выполнения договора. Что касается пятого пункта — вожди наррагансеттов могли этой тонкости и не осознавать — или, что более вероятно, им могли её не до конца объяснить — но пункт о «возвращении сервентов» действовал неограниченно долго, вынуждая индейцев выдавать перебежчиков до расторжения договора — формально, насколько нам известно, так и не расторгнутого. Хотя сам факт заключения договора, несомненно, объяснялся военной необходимостью, колонисты составляли его с явным «прицелом» на будущее и благодаря подробно рассмотренным выше пунктам ставили индейцев если не в подчинённое, то, по меньшей мере, в несколько приниженное по сравнению с собой положение. В отличие от договора пятнадцатилетней давности (см. выше), этот договор был, пусть пока не слишком явно, неравноправным. Неудивительно, что индейцы вскоре после войны «начали вести себя высокомерно и нарушать договор (предавать), особенно сам Миантонимо»⁴⁰⁰.

³⁹⁹ Ibidem.

⁴⁰⁰ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 31; Миантонимо — сахем наррагансеттов, довольно долго, в том числе и во время Пекотской войны, бывший последовательным союзником англичан.

Во второй главе мы рассмотрели противоречия между различными группами европейцев и индейцев в долине Коннектикута и Пекотскую войну — конфликт, которым эти противоречия разрешились.

В начале 1630-х гг. в долине Коннектикута столкнулись интересы пекотов, голландцев, наррагансеттов, мохеган и англичан из Плимута и Массачусетса. Большинство групп, заинтересованных в долине Коннектикута предпочитали разрешать свои противоречия мирным путем, но начало активной пуританской экспансии Массачусетса нарушило баланс сил в регионе и привело к эскалации конфликта. Индейцы, в том числе и пекоты были готовы сосуществовать с европейцами, особенно если торговля с ними могла оказаться выгодной. Даже расселение колонистов на индейских территориях не встречало особого сопротивления — в результате эпидемий начала века освободилось много земель, а разница в землепользовании позволяла группам сосуществовать даже в близком соседстве, не слишком конфликтуя, как было в случае с Плимутом. Сахемы индейцев без особых угрызений совести использовали колонистов для достижения собственных политических целей, в том числе и предлагая им земли. Колонисты даже восприняли частично материальную культуру индейцев — и методы ведения сельского хозяйства, и даже «валюту». Но индейцы видимо не вполне понимали намерения своих новых соседей. До этого сталкивавшиеся лишь с заинтересованными в торговле французами и голландцами, они полагали, что и с англичанами им удастся установить такие же отношения. Для колонистов-пуритан расширение колоний было лишь вопросом времени — богоизбранный народ должен был неизбежно занять земли «Града на Холме», а индейцы в этой любимой пуританами картине будущего, видимо, вообще не рассматривались, словно бы их и не было. Сообщество Новой Англии — включающее и Плимут — существующее за счёт торговли, не было готово к столкновению с пуританами — фанатично

религиозными, уверенными в своём праве, и многочисленными. Прочие противоречия, возникавшие между разными группами Новой Англии могли решаться — и решались — мирным путем, и только столкновение с пуританской экспансией привело к войне.

Появление пуритан в долине Коннектикута не создало на самом деле новых противоречий между европейцами и индейцами — оно усилило противоречия между европейцами и заложило основу столкновений интересов Плимута и Массачусетса. К развитию конфликта приложили руку и сами индейцы — противоречия между пекотами и наррагансеттами его во многом и породили. Голландцы и наррагансетты куда сильнее, чем англичане, поспособствовали росту напряженности между разными силами, действующими в регионе. Пуритане, как десятилетием раньше пилигримы Плимута, были новым, чуждым элементом. Не являясь пока органической частью Новой Англии, они готовы были зайти в отстаивании своих интересов дальше, чем любая из уже существовавших «фракций» — взаимозависимых, и потому стремящихся сохранить статус-кво и не допустить открытого конфликта. Именно появление и экспансия пуританского Массачусетса, а также готовность руководства колонии прибегать к насилию, которой не показывали ни голландцы, ни наррагансетты, ни жители Плимута, привело к изменению не интенсивности, но характера конфликта, к переходу его из политической и экономической сферы в сферу военную.

Пекотская война не была антиколониальным выступлением со стороны индейцев — возможно, под конец конфликта она и стала таковой для пекотов. Не была она и единственным закономерным результатом политических и экономических конфликтов в регионе, «грызней за землю и ресурсы»⁴⁰¹, каковой назвал её Альфред Кейв. Эскалация существующего напряжения, копившегося на протяжении почти двух десятилетий, прошедших с начала экспансии пекотов, стала результатом

⁴⁰¹ Cave A. The Pequot War. P. 178.

вмешательства в жизнь Новой Англии нового, постороннего фактора — пуритан колонии Массачусетского залива. На это постороннее вмешательство вынуждены были реагировать и пекоты, и их противники-индейцы, и голландцы, и колонисты Плимута.

Пекотская война продемонстрировала индейцам и жестокость английских методов ведения войны, и стремление англичан к расширению своих владений. Колонисты теперь внушали индейцам страх, заставляющий их искать союза с англичанами и избегать конфликтов даже ценой частичной утраты независимости. В этих условиях напряжение, создаваемое продолжавшейся после войны пуританской экспансией не находило выхода.

ГЛАВА 3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЛОНИСТОВ С ИНДЕЙЦАМИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕКОТСКОЙ ВОЙНОЙ И ВОЙНОЙ КОРОЛЯ ФИЛИППА (1638-1675 ГГ.)

При рассмотрении межвоенного периода — от Пекотской войны до войны короля Филиппа — мы не сможем строго придерживаться хронологического принципа. За этот относительно короткий период Новая Англия, в том числе и взаимоотношения с индейцами разительно изменилась — речь идет и о расширении колоний, и о начале активной миссионерской деятельности, и об активизации противостояния между колониями разных европейских держав, и о событиях в Англии, неизбежно повлиявших на судьбу колоний. В этой главе мы рассмотрим изменения разных аспектов в отношениях культур Новой Англии, их причины и последствия.

ЭКСПАНСИЯ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЙ ПОСЛЕ ПЕКОТСКОЙ ВОЙНЫ

Экспансия английских колоний, в первую очередь Массачусетса, привела к эскалации конфликта с Пекотами. После войны расширение колоний, естественно, не прекратилось. Колония Коннектикут, поначалу населенная в основном переселенцами из Массачусетса продолжила расширяться, постоянный приток эмигрантов способствовал росту Массачусетса, а непримиримый пуританизм руководства этой колонии, в свою очередь, способствовал росту Род-Айленда. Освоение новых территорий было делом непростым и зачастую опасным. Далеко не все переселенцы переживали даже дорогу до нового места. Что мотивировало новых колонистов — а зачастую и уже вполне обжившихся — покидать относительно освоенные территории Массачусетса и осваивать новые?

Отчасти «бегство» поселенцев из Массачусетса вызывалось, как уже говорилось, непримиримым пуританизмом властей колонии. Полноправным гражданином

колонии мог стать только пуританин, принадлежащий к одной из «одобренных» властями конгрегаций — а стать полноправным членом конгрегации тоже было отнюдь непросто⁴⁰². Власти духовные и мирские тщательно следили за образом жизни колонистов, и не стеснялись вмешиваться в их повседневную жизнь, регулировать их быт и поведение. Естественно, далеко не все новоприбывшие разделяли фанатичную религиозность основателей колонии. Вмешательство властей в частную жизнь не было для англичан чем-то незнакомым и неожиданным — собственно, из Англии эта практика и пришла в Массачусетс, но в колониях вмешательство это было значительно более активным и всеобъемлющим⁴⁰³, и мириться с ним был готов не всякий.

Кроме того, перспективы новых поселенцев в Бостоне были довольно ограничены — первопроходцы разобрали лучшие участки земли, контролировали большинство должностей в руководстве города и колонии, и не спешили делиться с новоприбывшими⁴⁰⁴. Человек очень богатый, или владеющий каким-либо остро необходимым городу ремеслом, мог рассчитывать на поддержку властей и часто оставался в Бостоне, но богатых умельцев среди переселенцев было немного. С другой стороны, получив у Совета по делам Новой Англии разрешение на основание нового поселения, колонист — в случае успеха — мог сам оказаться роли основателя и «отца города», спокойно разделить с немногочисленными соратниками лучшие участки земли, не заботясь о конкуренции, занять приличную должность по своему выбору и в целом обеспечить себе безбедное существование. Дело было, конечно, рискованным, но процветание стоило нескольких лет тяжелого труда и опасностей. Оставалось определиться, где основывать новое поселение.

⁴⁰² DeJohn Anderson V. *New England's Generation*. Pp. 172-173; Demos J. *A Little Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 7-8.

⁴⁰³ Подробнее о регулировании частной и общественной жизни в колониях Новой Англии и его связи с традициями управления в Англии см. Levy B. *Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution*.

⁴⁰⁴ DeJohn Anderson V. *New England's Generation*. Pp. 97-99.

Ключевую роль играли всё же чисто экономические соображения. В Массачусетсе, земли вокруг первых поселений не отличались плодородностью, а все лучшие участки были заняты первыми колонистами. Ещё хуже чем с пахотными землями была ситуация с пастбищами — именно отсутствием достаточно обширных и качественных пастбищ объяснял стремление своей конгрегации покинуть Бостон преподобный Хукер⁴⁰⁵. В этом смысле наибольший интерес для колонистов представляла как раз долина Коннектикута, куда и отправился Хукер со своей паствой.

Ещё одним важным экономическим стимулом была торговля с индейцами. Поселения, основанные в долине Коннектикута жителями Плимута и голландцами были именно торговыми, как и основанный по заказу богатых купцов метрополии форт Сэйбрук. Это не значит, впрочем, что они представляли собой лишь торговые посты. В Сэйбруке помимо складов, казарм и укреплений, было и поле, и ремесленные мастерские. Такие поселения не могли, полностью обеспечить себя всем необходимым — впрочем, обеспечить себя всем необходимым в середине XVII века не мог и Бостон — но их жители старались всё же самостоятельно обеспечить хотя бы часть своих потребностей. Создание таких «факторий» требовало участия не только торговцев и солдат, но и «обычных» колонистов, фермеров и ремесленников. Ещё при основании Сэйбрука, Лион Гарднер, нанятый основателями форта комендант, договорился о том, что во вверенном ему контингенте должны присутствовать фермеры, плотники и другой «гражданский персонал»⁴⁰⁶. С основания таких факторий началось освоение Коннектикута и Мэна англичанами и голландцами, а также французская колонизация Канады. Со временем «фактории» росли за счет притока поселенцев, и превращались в обычные поселения, живущие уже не за счет индейской торговли. Да и при выборе места для «обычного» поселения удобство торговли с индейцами и вообще наличие дружелюбных соседей

⁴⁰⁵ Cave A. The Pequot War. Pp. 87, 93.

⁴⁰⁶ Cave A. The Pequot War. P. 97.

были пусть и не ключевыми, но всё же важными соображениями. Необходимость торговать с индейцами стала двигателем колонизации. Хотя в традиционной «мифологии» основания Америки этому фактору не придается значения, важность его не следует недооценивать. Достаточно сравнить карту известных индейских поселений Новой Англии с пусть даже и современной картой того же региона — оказывается, что значительная часть городов, основанных в XVII — начале XVIII века находились в непосредственной близости — в «шаговой доступности» — от поселений индейцев. Частично это можно объяснить общностью потребностей — плодородная земля и чистая вода нужны были и колонистам и индейцам одинаково, но, во-первых вряд ли на это можно списать такое количество «совпадений», а во-вторых, для колонистов ключевым фактором было также наличие пастбищ, которые индейцев не интересовали. Лишь значительно позже, при заселении Вермонта и отдаленных районов Мэна, эта тенденция сходит на нет.

Отдельно стоит упомянуть колонию Род-Айленд, основанную на территории, принадлежавшей племени наррагансетт. С наррагансеттами торговал, и среди них жил, Роджер Уильямс, один из основателей колонии⁴⁰⁷. Учитывая идеологические и религиозные конфликты Род-Айленда с Массачусетсом и другими колониями, Уильямс и его соратники стремились обезопасить свою колонию и обеспечить себе независимость всеми возможными способами. Главным из таких способов стало само по себе поселение на территории наррагансеттов — с их согласия и при их поддержке⁴⁰⁸. В случае союза Плимута с Массасойтом, колония защищала сахема, в случае же Род-Айленда индейцы защищали колонию — «сахемом» которой можно было, пожалуй, считать Роджера Уильямса.

Сосуществование с индейцами повлияло и на сам процесс расширения колоний. Прибыв в Новый Свет, колонисты быстро обнаружили, что «непроходимые дебри»

⁴⁰⁷ Уильямс, Роджер (Williams, Roger) (1603-1683) — новоанглийский миссионер, теолог и общественный деятель. Известен как один из самых передовых мыслителей своего времени, выступавший, в частности, за свободу вероисповедания и гуманное отношение к индейцам.

⁴⁰⁸ Pratt M.L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge, 1992. Pp. 30-31.

Новой Англии вовсе не такие уж непроходимые. Весь регион — и не только Новую Англию, практически весь Вудленд — пронизывала целая сеть индейских троп, соединяющих отдельные поселения, места торговых встреч, связывающие побережье с континентом, центры производства вампума и добычи морепродуктов с сельскохозяйственными районами, и те и другие — с богатым добычей севером. Такие тропы шли и далеко за пределы нынешней Новой Англией — на Север в Канаду, и к Великим Озерам, и на Юг — на территорию нынешней Виргинии⁴⁰⁹. Индейские сообщества вовсе не были изолированы друг от друга. Через цепочку «посредников» отдельные товары и зачастую технологии передавались через весь Вудленд, а иногда и почти через весь континент — так что в Новой Англии находится медь из Миннесоты, а в Дакоте — вампум, произведенный на Лонг Айленде, и всё это задолго до прибытия европейцев⁴¹⁰. Именно эти тропы позволяли индейцам устраивать молниеносные набеги на свои противников — индейцев и колонистов — и исчезать, пока жертвы не успели сориентироваться и организовать оборону. Они же способствовали быстрой передаче новостей. Существовали они, видимо, на протяжении долгого времени — веков, если не тысячелетий⁴¹¹. Колонисты также с успехом пользовались этими тропами. Правда, сами предпочитали об этом не упоминать — вероятно, потому что хорошо известные и протоптанные тропы не слишком вписывались в образ совершенно дикой и непроходимой пустоши. Но свидетельства в пользу того, что колонисты активно использовали индейские «дороги» достаточно очевидны — заметная часть современных дорог, проложена именно по индейским тропам. Дороги №№9 и 126 в штате Массачусетс проложены частично по той же тропе, по которой Томас Хукер и его конгрегация прибыли в Коннектикут — и которой пользовались индейцы на протяжении нескольких веков. Дорога на Спрингфилд и Олбани, известная по сей

⁴⁰⁹ Russell H. Op.Cit. Pp. 200-204.

⁴¹⁰ Russell H. Op.Cit. P. 201.

⁴¹¹ Ibidem

день как Bay Path тоже повторяет индейскую тропу. Старая Почтовая Дорога из Бостона в Нью-Йорк (Old Boston Post Road) когда-то была известна как тропа Пекотов (Pequot Path). И таких примеров множество. Современные шоссе идут вдоль тех же естественных преград — рек и оврагов — и обычно соединяют те же населенные пункты, что индейские тропы, проложенные задолго до прибытия европейцев⁴¹². Как и в случае с расположением поселений, влияние индейцев на развитие Новой Англии видно невооруженным взглядом, стоит лишь взглянуть на карту.

МИССИОНЕРСТВО, «МОЛЯЩИЕСЯ» ИНДЕЙЦЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖОНА ЭЛИОТА

Джон Уайт в «Жалобе поселенца», сочинении, целью создания которого был поиск новых сторонников идеи переселения и новые источники финансирования, писал о необходимости распространения Священного Писания (“gospel”) на земли Нового Света⁴¹³. И тот же Джон Уайт в своих письмах называл индейцев не иначе как «люди, подобные животным», «крепостные Сатаны» и не верил, что они откажутся от поклонения дьяволу⁴¹⁴. Идея обращения индейцев была популярна среди пропагандистов колониального предприятия. В первой половине семнадцатого века информация из колоний в Англию поступала довольно неравномерно и нерегулярно, в виде писем — которые, за редким исключением, не публиковались, либо в виде памфлетов и других сочинений, написанных в колониях, но опубликованных в Англии. Конечно, официальной системы цензуры не существовало, но до некоторой степени руководство колоний могло определять, что именно «дойдет» до Лондона, и, соответственно до английской публики. И «вопрос индейцев» подвергался такой неофициальной «цензуре» неоднократно — к примеру,

⁴¹² Ibidem.

⁴¹³ White J. The planters plea... (London: Printed by William Iones, 1630). Oxford: Text Creation Partnership, 2003-01 (EEBO-TCP Phase 1). URL: <http://name.umdl.umich.edu/A15097.0001.001>. Pp. 15, 46.

⁴¹⁴ Carrol P. N. Puritanism and the Wilderness: the Intellectual Significance of the New England Frontier, 1629-1700. P. 11.

во время Пекотской войны информацию о «резне в Мистик» в Англию настойчиво «не пускали», опасаясь гнева общественности и возможного сокращения финансовой поддержки. Пропагандистская сущность таких памфлетов достаточно очевидна. Собственно, она и не скрывалась никоим образом — как правило, авторы таких сочинений откровенно признавали, что цель их — привлечь новых людей и новые финансы в колонии⁴¹⁵.

Рассказы об обращенных индейцах в пропагандистских памфлетах призваны потрясти читателя, и потому выразительны: принявшая христианство «девица»-индеец рыдает после проповеди раскаиваясь в грехах своей языческой жизни; бывший грозный индейский воин раскаивается в грехах и со слезами на глазах умоляет рассказать ему о «боге англичан», после чего словно преображается — перестает грешить, хранит верность супруге и вообще становится примерным христианином⁴¹⁶. На деле же никаких независимых подтверждений обращений в первые несколько лет существования колоний нет. Но даже если положиться на честность авторов «Первых плодов» или «Хороших новостей»⁴¹⁷, они ограничиваются описанием отдельных случаев и не упоминают ни о какой сколько-нибудь организованной миссионерской деятельности. Не упоминают о ней ни Брэдфорд, ни Уинтроп. В колониальных хартиях обращение индейцев зачастую прямо называется главной целью основания колоний⁴¹⁸, а сами колонисты в первую очередь миссионерами, носителями слова Божьего⁴¹⁹ — что отличает колонии в Новой Англии от, Виргинии, изначально позиционировавшейся в первую очередь как коммерческое предприятие. Пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует эту тенденцию печать колонии Массачусетского залива — печать, которой скреплялись все официальные документы колонии. На ней изображен индеец (видимо,

⁴¹⁵ White Op.Cit., pp. 1-2; New England's First Fruits. P.32; Winslow E. Good Newes from New England. Pp.67,69.

⁴¹⁶ New England's First Fruits. Pp. 7,12.

⁴¹⁷ Winslow E. Good Newes from New England.

⁴¹⁸ The Royal Charter, or Patent, of the Colony of the Massachusetts Bay // Proceedings of the Massachusetts Historical Society. 1930. No 62. Pp. 235-236.

⁴¹⁹ Cotton J. Gods Promise to His Plantations (London, 1630) // Old South Leaflets 3:53. Pp. 14-15.

несчастный, хотя с виду и не скажешь) с подписью «придите и помогите нам». Пожертвования в пользу колоний собирались в первую очередь «на благое дело обращения индейцев».

Фактически же миссионерская деятельность в новоанглийских колониях практически не велась. В первые несколько десятилетий вся эта деятельность сводилась к отдельным плохо подготовленным «экспедициям» отдельных энтузиастов вроде Роджера Уильямса. Его деятельность, конечно, заслуживает упоминания, но, хотя его «журнал наблюдений»⁴²⁰ и словарь алгонкинского языка и стали первым подробным исследованием быта индейцев в мировой истории, в собственно распространении христианства больших успехов он не достиг. Да и позже, когда миссионерство стало несколько более массовым, его практически не поддерживали ни власти колоний, ни широкие слои населения. Большая часть успехов в деле обращения индейцев была достигнута усилиями Джона Эллиота и нескольких подобных ему филантропов, и с началом войны короля Филиппа деятельность эта была фактически заброшена, а индейцы-христиане оказались в весьма неприятном двойственном положении.

Можно было бы списать отсутствие организованного миссионерства на бытовые сложности первых лет колонизации — до миссионерства ли, когда в ближайшем будущем маячит вполне отчетливо угроза умереть с голоду. Можно было бы, если бы не то самое отсутствие поддержки миссионерских начинаний со стороны властей — часто даже формальной, выраженной в не слишком обременительных жестах. Несмотря на все заявления о благородной цели обратиться к свету божьему несчастных дикарей, миссионерство колонистов попросту не интересовало. Они собирались строить свой «Град Божий», и индейцы были тому помехой. Обращение их требовало усилий, долгой и упорной работы — а ведь все эти силы можно было бы направить на построение своего нового, идеального общества. Удивительны не

⁴²⁰ Williams R. A key into the language of America.

успехи колонистов в обращении индейцев, а тот факт, что пусть и немногочисленные, желающие принять христианство всё же нашлись.

О сколько-нибудь оформленном миссионерстве в Новой Англии можно говорить лишь с началом деятельности Джона Эллиота. Элиот, один из самых выдающихся религиозных деятелей Новой Англии своего времени, родился в 1604 г. Закончив обучение в Кембридже, он стал помощником Томаса Хукера, ещё одного выдающегося деятеля колониальной новой Англии, будущего основателя Коннектикута. Когда Хукер был вынужден бежать от религиозных преследований в Голландию, Элиот эмигрировал в Массачусетс. В Бостоне Элиот стал одним из видных проповедников и религиозных лидеров колонии, а также занимался преподаванием (в основанной им самим школе) и книгоизданием (при его активном участии была издана Массачусетская книга псалмов (1640 г.), первая книга, изданная в британских колониях в Северной Америке)⁴²¹. В начале 1640-х Элиот начал изучать алгонкинский язык, а в 1646 г. прочел первую проповедь на языке индейцев — перед представителями племени нипмак⁴²². А вскоре были основаны первые «молельные городки», специальные поселения для «молящихся индейцев» (Praying Indians) как называли индейцев, принявших христианство. О жизни и деятельности Элиота, о его значении для истории Новой Англии, написано множество работ. Мы не имеем возможности рассмотреть его деятельность подробно, но на идее создания «молельных городков» остановиться необходимо. В отличие от предыдущих миссионеров, Элиот не считал возможным «просто» обращать индейцев, он собирался полностью изменить их быт, привести их к жизни «по Божьим законам»⁴²³. Элиот не собирался разделять «гражданское» и «церковное» общество — он считал, что гражданское общество должно подчиняться

⁴²¹ Подробнее о жизни Элиота и других аспектах его деятельности см. например: Eliot J., Thorowgood T., Baxter R., Clark M. *The Eliot Tracts: With Letters from John Eliot to Thomas Thorowgood and Richard Baxter*. Westport: Greenwood Publishing Group, 2003; Cogley R.W. *John Eliot's Mission to the Indians before King Philip's War*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.

⁴²² Moore M. *Memoirs of the Life and Character of rev. John Eliot*. Boston: Flagg & Gould, 1822. P.21

⁴²³ Eliot J. *The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ*. London, 1659. Pp. iv-v.

законам Божьим — не абстрактной идее, а законам, прямо изложенным в священном писании и не допускающим каких-либо интерпретаций⁴²⁴. На этой предпосылке и была основана идея молельных городков для индейцев. Весьма вероятно, что Элиот хотел не столько обратить индейцев в христианство, сколько на практике показать, работоспособность такой организации общества. Элиот надеялся, что успех индейских поселений заставит и остальных колонистов, а потом и европейцев, принять «Божье правительство». Изданное в 1659 году сочинение Элиота «Христианское содружество...»⁴²⁵, подробно описывало все аспекты этого общества. Что ещё важнее, в предисловии — наиболее радикальной и откровенной части всего сочинения — Элиот непосредственно предлагает такую форму управления не только для колоний, но и для Англии. Элиота, видимо, волновали не столько интересы индейцев, сколько организация «божественного» сообщества, не страдающего от пережитков европейской истории, в первую очередь католицизма. Само собой, «неиспорченные» папизмом и уже существующим государственным строем индейцы казались идеальным «сырьём» для подобного эксперимента.

При переселении в «молельные городки» от индейцев требовалось полностью отказаться от привычного им образа жизни. В индейском обществе существовало четкое разделение труда — мужчины охотятся, женщины занимаются земледелием. Ремеслом занимались представители обоих полов. В молитвенных поселениях индейцам приходилось приспособиться к английскому «порядку» — мужчины работают в поле и занимаются ремеслом, роль женщин ограничивается домашним хозяйством. Охота — развлечение и не является для большинства семей источником средств к существованию. Жилища, построенные по английскому образцу, заметно отличались от привычных вигвамов — обычно полуземлянок или бревенчатых домов наподобие изб. Даже от традиционной одежды приходилось отказываться, а ведь отдельные её элементы имели не только практическое или эстетическое

⁴²⁴ Eliot J. *The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ*. London, 1659. P. vii.

⁴²⁵ Eliot J. *Op. Cit.*

значение, но и выполняли определенные социальные функции. Вопреки популярным стереотипам, индейцы Новой Англии не носили головных уборов из перьев, но связки вампума, например, были признаком социального статуса, и отказ от них означал фактически отказ от этого статуса, обезличивание. Тоже казалось и причесок, которые подопечным Элиота приходилось менять на английские. Индейцам приходилось до некоторой степени даже отказываться от родного языка — хотя его не запрещали, и даже официальные документы поселения часто велись на нем, английскому обучали в обязательном порядке, и использование его поощрялось.

Но, пожалуй, главной особенностью молитвенных поселений была установленная в них система управления. Хотя поселения и подчинялись правительствам колоний, они сохраняли некоторую свободу самоуправления — в частности, свободу выбора местных официальных лиц и ведения документации на родном языке. Такие документы сохранились в большом количестве⁴²⁶. Но даже при использовании родного языка само по себе ведение письменной документации и вообще важность письменного слова стала одним из самых значительных нововведений по сравнению с традиционным образом жизни индейцев — не знающее письменности общество индейцев не знало и бюрократии⁴²⁷.

Выборными лицами в основном были представители племенной «аристократии»⁴²⁸. Впрочем, занимаемые ими должности не имели ничего общего с их «традиционными» позициями и их полномочиями, зато напоминали должности

⁴²⁶ Оригиналы хранятся в США и труднодоступны отечественным историкам, но транскрипции можно найти например у Vaughan A.T. *Early American Indian Documents: New England treaties, Southeast, 1524-1761*//*Early American Indian Documents: Treaties and Laws, 1607-1789* (vol. 19). Lanham: University Publications of America, 2004.

⁴²⁷ О роли письменности и — шире — грамотности в целом в адаптации индейцев к сосуществованию с англичанами см. подробнее: Lepore J. *The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity*. New York: Random House, 2009; Lepore J. *Dead Men Tell No Tales: John Sassamon and the Fatal Consequences of Literacy* // *American Quarterly*, Volume 46, Number 4 (1994); Cox J.H., Justice D.H. *The Oxford Handbook of Indigenous American Literature*. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 69-72.

⁴²⁸ O'Brien J.M. *Dispossession by Degrees: Indian Land and Identity in Natick, Massachusetts, 1650-1790*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 49.

существовавшие в английских поселениях⁴²⁹. За порядком в «молитвенных городках» следили (как и в большинстве поселений колонистов) констебли, а за соблюдение законов и разрешение внутренних конфликтов отвечали мировые судьи. У индейцев юриспруденции и органов правопорядка в привычном нам понимании не было в принципе. Ещё более важным отличием было присутствие учителей и священников. Учителя занимались воспитанием не только детей, но и взрослых — именно они отвечали за усвоение основ закона Божьего, английского языка и английского образа жизни. Как и священники, учителя выбирались по возможности из числа образованных индейцев, часто подготовленных самим Элиотом или его ближайшими соратниками. Священники занимали в молитвенных поселениях совершенно особое положение. Именно выбору священников уделяли особое внимание английские миссионеры. Зачастую когда в источниках речь заходит о молитвенных поселениях судьи и констебли даже не упоминаются, но священник называется почти всегда. О них вообще сохранилось куда больше информации, чем о других официальных лицах поселений. Священниками становились ближайшие ученики и воспитанники Элиота. Священники принимали решения, явно относящиеся к компетенции мирских властей. В целом, несмотря на присутствие других официальных лиц, именно священников можно считать лидерами молитвенных поселений. О важности именно священников ярче всего свидетельствует отношении к ним самого Элиота. В своем «кратком описании» семи созданных «молитвенных городков», он не только поименно называет их священников, не упоминая о других официальных лицах, но и несколько раз прямо называет священников правителями, «rulers»⁴³⁰. Даже в пуританских колониях Новой Англии, где духовные власти оказывали заметное влияние на решение сугубо

⁴²⁹ Kawashima Y. Legal Origins of the Indian Reservation in colonial Massachusetts // *The American Journal of Legal History*. Vol. 13, #1 (Jan., 1969), 42-56

⁴³⁰ Eliot J. *Eliot's Brief Narrative (1670)* // *American Historical Documents, 1000-1904* / Ed. by C.W. Eliot. New York: CosimoClassics, 2009. Vol. XLIII. Pp. 147-157.

мирских вопросов⁴³¹, их власть не была так велика и не касалась такого широкого спектра вопросов. В обществе же индейцев, хотя и существовали отдельные сахемы-шаманы, роль духовных лиц была совершенно другой и в целом ограничивалась вопросами религиозными.

Иногда англичане временно занимали какие-либо должности, если «подходящих» индейцев в поселении не было, но при первой возможности их заменяли образованными и верующими индейцами. Сложно сказать, было ли предоставление индейцам самоуправления обусловлено соображениями «гуманизма» или нежеланием англичан, пригодных к работе пасторов и учителей, связываться с дикарями. Сам Элиот считал, что «нет надежды заполучить англичан в наши индейские поселения»⁴³². Как было сказано выше, большинство колонистов миссионерством не интересовались, и индейцы, что обращенные, что «дикие», вызывали у них исключительно страх и неприязнь.

Как уже было сказано, проект Элиота оказался достаточно успешным. Несмотря на весьма ограниченную поддержку со стороны властей колоний, молитвенные поселения создавались и функционировали, и отказались от них только с катастрофическим изменением политического климата и всей системы отношений с коренным населением во время войны короля Филиппа. Причины такой успешности «молитвенных поселений» не вполне очевидны.

Проект Элиота заметно выделяется на фоне миссионерской традиции Северной Америки. В Канаде католическая церковь прилагала значительные усилия к обращению коренного населения. Но католические миссионеры не пытались изменить образ жизни своих подопечных, напротив, они стремились приспособить

⁴³¹ Духовные лица, участвовали, например в принятии решения об организации карательной экспедиции против племени пекотов, с которой фактически началась Пекотская война. 1636-38. (См. Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 29). Позже, во время войны короля Филиппа священники зачастую становились представителями своих поселений, просившими руководство колоний обеспечить их защиту, они же зачастую принимали тактические решения, как например пастор Ньюман, священник Рехобота, руководивший неудачной погоней за скрывающимся с места сражения Филиппом. (См. Ibid. Pp. 140,88).

⁴³² Eliot J. Eliot's Brief Narrative (1670) // American Historical Documents, 1000-1904 / Ed. by C.W. Eliot. New York: CosimoClassics, 2009. Vol. XLIII. P. 149.

христианство к реалиям жизни индейцев. До сих пор в некоторых церквях Канады праздничные службы сочетаются с элементами традиционных церемоний.

Миссионерство обычно преследовало в первую очередь религиозные, иногда политические, цели, но только в случае молитвенных поселений важным аспектом миссионерской деятельности стала практика организации и управления. Ещё важнее административный аспект «молитвенных поселений» оказывается в связи с дальнейшими планами Элиота — планами, которым так и не суждено было осуществиться.

Элиот хотел не столько обратить индейцев в христианство, сколько на практике показать работоспособность созданной в молитвенных поселениях организации общества. Он надеялся, что успех индейских поселений заставит и остальных колонистов, а потом и европейцев, принять «Божье правительство». Изданное в 1659 году сочинение Элиота «Христианское содружество...»⁴³³, подробно описывало все аспекты этого общества. Что ещё важнее, в предисловии — наиболее радикальной и откровенной части всего сочинения — Элиот непосредственно предлагает такую форму управления не только для колоний, но и для Англии. Элиота, видимо, волновали не столько интересы индейцев, сколько организация «божественного» сообщества, не страдающего от пережитков европейской истории, в первую очередь католицизма. Само собой, «неиспорченные» папизмом и уже существующим государственным строем индейцы казались идеальным «сырьём» для подобного эксперимента.

Что же объясняло успех молитвенных поселений? Для католических миссионеров в Канаде обращение индейцев было важной задачей, на которую выделялись немалые средства. Миссионеры отправлялись в отдаленные, часто совершенно не исследованные регионы колоний (зачастую с немалым риском для жизни), жили среди индейцев и постепенно приобщали их к христианству. Власти

⁴³³ Eliot J. The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ. London, 1659.

колоний, как правило, оказывали им поддержку — деньгами, ресурсами, защитой. Сходным образом строилась миссионерская деятельность и в других регионах европейской колонизации. Исключение составляли иезуитские редукции в Южной Америке. В Новой Англии же всё происходило ровно наоборот — индейцы жили среди миссионеров, и приспосабливались к европейскому образу жизни. Власти колоний и «церковь», религиозные лидеры колоний, за редким исключением совершенно не интересовались миссионерством и не поддерживали его. При этом итоговый результат был одинаков — заметная часть индейцев, особенно близко соседствующих с колониями, обратилась в христианство. В первом случае это стало результатом долгой и сложной работы. Во втором — произошло словно бы вопреки желанию колонистов.

На наш взгляд ключевой вопрос, позволяющий объяснить успех проекта Элиота — что мотивировало индейцев принимать христианство и переселяться в «молитвенные городки»? Отчасти, конечно, «виной» тому проповедническая деятельность Элиота и его немногочисленных соратников. Наверняка пламенные проповеди, ещё и на родном языке, подвигли некоторых индейцев искренне уверовать. Но в силу особенностей миссионерской деятельности Элиота «обращение» не ограничивалось принятием христианства как религии, от обращенных требовалось отказаться от традиционного образа жизни и принять европейский. Обращение в католичество в чисто бытовом смысле не слишком меняло жизнь индейца, обращение же к «Богу англичан» требовало гораздо больших усилий, и вряд ли решение полностью изменить образ жизни принималось легко, требовались либо очень глубокая, почти фанатичная вера, либо достаточно важные соображения мирского характера. Вероятно, часть «молящихся» отказывалась от привычного образа жизни, надеясь на защиту англичан в каких-либо внутренних конфликтах, но вряд ли этот мотив был ключевым для многих — в конце концов, не всем и не всегда эта защита требовалась, а племенной состав «молящихся» был

достаточно разнообразен — большинство из них поначалу происходили из «племени» нипмак, «друзей» Элиота, но позже среди них появились и мохеганы, и вампаноаг, и наррагансетты, и даже могавки. Последние два племени представляли заметную силу, и, хотя позже они вынуждены были приспособливаться к господству колонистов, в период активной деятельности Элиота экономически и политически они вряд ли уступали колониям Новой Англии. Могавки же сохраняли не просто самостоятельность, но заметное влияние вплоть до середины XVIII в.⁴³⁴ Мохегане, с другой стороны, ещё в середине 1630-х стали союзниками англичан, оставаясь при этом язычниками⁴³⁵. Если бы христианство было для индейцев политическим инструментом, можно было бы ожидать христианизации хотя бы некоторых из союзных англичанам сахемов, чего не произошло. Даже сахем мохеган Ункас, вернейший из союзников англичан, так и остался язычником. Принимали христианство в основном «рядовые» индейцы. Для небольших семейных групп, переживших эпидемии, голод или потери во время войн молельные городки могли стать спасением в бытовом смысле — там, по крайней мере, кормили, предоставляли жильё и одежду. С другой стороны, племенная и вообще общественная структура индейского общества была достаточно гибкой, в переходе из племени в племя отдельных индивидов или семей не было ничего необычного, и любую группу, пережившую какое-либо бедствие, при необходимости приняли бы и поддержали бы другие индейцы. Тем более что такой вынужденный переход в новое племя не требовал радикальной смены образа жизни.

Не способствовало принятию христианства и налаживанию отношений с колонистами на индивидуальном уровне. К принявшим христианство индейцам колонисты относились либо с недоверием, либо просто не принимая всерьёз. Об уважении или равноправии единоверцев, равных перед богом, даже речи не идёт —

⁴³⁴ О роли могавков в политике Новой Англии см.: Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676.

⁴³⁵ Подробнее о взаимоотношениях различных племен Новой Англии см. к примеру: Swanton J.R. The Indian tribes of North America. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1952. Pp. 23-24.

«... в то время если индеец и казался дружелюбно настроенным, предубеждение против индейцев в целом было столь сильным, что едва ли нашёлся бы среди англичан хоть кто-нибудь, готовый допустить что индейцы могут быть честными и могут заслуживать доверия»⁴³⁶. Речь идёт о 1670-х годах, когда «проект» Элиота достиг пика своего развития. Вместо того, чтоб сделать молящихся индейцев своими союзниками и опереться на них в борьбе с язычниками, пуритане фактически игнорировали их, воспринимая как граждан второго сорта, по меньшей мере. Учитывая, как настороженно принимали идеи Элиота собратья-колонисты — вспомним и невозможность «заполучить англичан» в индейские поселения, и панический страх, который вызывали индейцы-христиане во время войны короля Филиппа — любое проявление активного сопротивления со стороны «молящихся индейцев» положило бы миссионерской деятельности Элиота сотоварищи конец. Но сопротивления не было, «молитвенные городки» формировались исключительно на добровольной основе, и, насколько нам известно, добровольно поселившиеся там индейцы редко покидали поселения — хотя, несмотря на все суровые ограничения для живущих там индейцев, силой их не удерживали.

Положение индейцев-христиан в собственно индейском сообществе также менялось. Если в первые годы существования колоний таких были единицы, и воспринимали их скорее как некую диковинку, то в десятилетия, последовавшие за Пекотской войной, отношение стало неприязненным и чуть ли не открыто агрессивным. Можно предположить с достаточной долей вероятности, что придерживающиеся старой веры индейцы, опасаящиеся после войны за сохранность собственных земель, видели в соплеменниках-христианах «агентов» колонистов, готовых помочь англичанам отвоевать исконно индейские земли. Чем больше

⁴³⁶ Drake S.G. The book of the Indians: or, biography and history of North America, from its first discovery to the year 1841. P. 10

накалялись отношения между крупными индейскими племенами и европейцами, тем больше доставалось индейцам-христианам⁴³⁷.

Ни одна из названных причин не может объяснить активной, едва ли не массовой, христианизации. Ни одно из этих соображений не должно было бы само по себе подвинуть значительно количество индейцев к радикальной смене образа жизни в «молитвенных поселениях». Истовой религиозностью можно объяснить единичные случаи обращения в христианство, но не массовое движение. Казалось бы проекту Элиота суждено с треском провалиться, поскольку мотивации для обращения в христианство у индейцев не было.

И всё же многие индейцы принимали христианство. И не просто принимали, но переселялись в «городки» Элиота, несмотря на все возникающие в связи с этим сложности и все требующиеся усилия. Сами индейцы стали движущей силой христианизации. На наш взгляд, значительную роль в стремлении индейцев принять христианство сыграло их стремление «вписаться» в колониальное общество — в надежде, что принятие европейского образа жизни заставит колонистов воспринимать их как равных. Религиозный, теологический аспект деятельности Элиота привлекал принимающих христианство индейцев менее всего. Их интересовало в первую очередь налаживание контакта с колонистами. Убедить колонистов в доброжелательности индейцев — а тем более в равноправии их с англичанами — само по себе принятие христианства, заявление «мы верим в вашего Бога» не могло. Индейцы обратились к другому средству — к принятию образа жизни англичан, насколько это позволяли молитвенные поселения — живя в таких же домах, также занимаясь хозяйством, подчиняясь тем же законам и тем же должностным лицам, что англичане. Важен для них был именно административный, а не религиозный аспект «молельных поселений». Поселения эти стали инструментом преобразования для индейцев в той же степени, что для самого

⁴³⁷ См., например: Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings of the Christian Indians in New England in the Years 1675, 1676, 1677. Pp. 485-486.

Элиота — «апостол индейцев» выстраивал свою модель идеального общества, а его «подопечные» использовали созданную им систему в попытке влиться в колониальное общество. Элиот нес индейцам не столько новую религию, сколько новую организацию общества, которая, как они надеялись, позволит им наладить взаимодействие с новыми соседями. Надежды эти оказались тщетны — тем более что и сам Элиот в молитвенных поселениях стремился не столько воссоздать существующий образ жизни колонистов, сколько создать новый, богоугодный.

Возможно, смешение мирского и религиозного в «молитвенных поселениях» объясняется происхождением идеи Элиота. Проект молитвенных поселений и впрямь смотрится чуждо на фоне традиций миссионерства, и особенно — миссионерства протестантского. Пожалуй, единственное явление в практике миссионерства на тот момент, в чем-то сходное с молитвенными поселениями — «государство» иезуитов в Парагвае и другие иезуитские редукции в Южной Америке. Но, при всем сходстве, заимствование кажется нам маловероятным. Для пуритан, и вообще радикальных протестантов того времени католики были, пожалуй главным противником — куда худшим, чем другие протестантские группы и даже чем иноверцы. Предположить, что пуританский проповедник добровольно заимствует методологию католиков довольно сложно. Во-вторых, при некотором внешнем сходстве, между проектами Элиота и иезуитов были и существенные различия. Создатели иезуитских редукций стремились всё таки в первую очередь к обращению индейцев в христианство, изменения же образа жизни индейцев происходили лишь постольку-поскольку. Кроме того, установившийся в редукциях порядок заметно отличался не только от традиционного для индейцев, но и от европейского образа жизни. И, конечно, иезуитские преобразования не предполагались как «испытательная площадка» для предполагаемых реформ в Европе.

При всей истовой религиозности Элиота библейская утопия «молельных поселений» многим обязана сугубо мирскому идеализму. Глобальная перестройка общества на основе некоего идеала не составляла и не составляет сущности миссионерской деятельности. Сама идея такого глобального преобразования органически вытекает скорее не из священного писания, а из «Государства» Платона⁴³⁸. Мирскую идею Элиот наполнил религиозным содержанием, но по сути своей она осталась мирской — Элиот предлагал и испытывал в молельных поселениях реформу не религиозную, но административную, мотивированную религией.

Деятельность Элиота повлияла на всю традицию американского миссионерства, неразрывно связанную с общими механизмами взаимодействия с индейцами, сохранявшими актуальность вплоть до девятнадцатого века. Рискнем предположить, что относительный успех весьма «отстраненного» миссионерства Новой Англии предопределил дальнейшее использование схожих методов христианизации при расширении английских колоний в Северной Америке, в отношении других групп индейцев, не склонных добровольно сотрудничать с англичанами. Отсюда и сопротивление, иногда пассивное, а иногда вполне активное и кровопролитное дальнейшему развитию идеи «молитвенных городков» — резервациям и интернатам для индейцев-подростков. От учеников этих интернатов требовали не только носить европейскую одежду, но и брать европейские имена, и отказываться от любых проявлений своей культуры — в точности по «рецепту» Эллиота. Сходные процессы происходили и в резервациях. Механизм форсированной ассимиляции, столь любимый американскими — уже американскими, а не колониальными — властями, разрабатывался в Новой Англии, более того — при непосредственном участии и невольной, неосознанной, поддержке самих индейцев, стремящихся сохранить

⁴³⁸ Подробнее о связи идей Элиота с классической философией и влиянии на них полученного миссионером классического образования см. Holstun J. A rational millennium: Puritan utopias of seventeenth-century England and America. Oxford: Oxford University Press, 1987.

относительно гармоничные отношения с колонистами, существовавшие до Пекотской войны, став частью колониального сообщества.

ИНДЕЙЦЫ-«ПОСРЕДНИКИ» И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ КОЛОНИЙ

Незадолго до начала войны короля Филиппа, поздней осенью 1675 Джосаю Уинслоу, губернатора Плимута, посетил индеец по имени Джон Сассамон. Он пришёл из «молельного городка» Намаскет, расположенного в пятнадцати милях от Плимута с одной целью — предупредить англичан о том, что МетакOMET (Филипп), сахем Маунт-Хоуп, готовится к войне против них. Уинслоу выслушал Сассамона, но проигнорировал и его предупреждение⁴³⁹, и его опасения — Сассамон боялся, что узнав о его «предательстве» Филипп расправится с ним. Удивленный, вероятно, сдержанной реакцией Уинслоу, Сассамон отправился обратно в Намаскет. Меньше чем через неделю, Сассамон пропал — тело его обнаружили только в феврале⁴⁴⁰. К этому времени и многие индейцы, и даже некоторые колонисты были уверены, что Сассамона убили люди Филиппа. Трое из них были осуждены и повешены, так и не признавшись в убийстве, а вскоре после этого Филипп и его союзники атаковали Свонси, положив тем самым начало войне короля Филиппа.

Авторы большинства источников упоминают о Сассамоне исключительно в связи с его убийством, и как правило называют его просто индейцем-христианином, не уточняя, чем он собственно занимался и как был связан с англичанами. Сассамон был представителем немногочисленной, но ключевой для развития колоний группы «посредников». Первыми из таких посредников в Новой Англии были уже упоминавшийся Скуанто и его соперник в борьбе за расположение англичан Хобомак. В дальнейшем такие посредники — переводчики, проводники, торговцы, упоминаются в источниках редко, что ограничивает возможность изучения этого

⁴³⁹ Mather C. Magnalia Christi Americana. P. 560; Acts of Comissioners of the United Colonies of New England // Plymouth Colonial Records (1675), vol. 10. P. 362 (Цит. по: Kennedy D. The American Spirit: United States History as seen by contemporaries. Lexington, Mass.: D.C.Heath, 1994. P. 36).

⁴⁴⁰ Hubbard. W. Op. cit. P. 72.

феномена. К счастью, помимо Скуанто, фигуры для Америки скорее мифологической, достаточно хорошо изучена жизнь ещё как минимум двух «посредников», хотя авторы «больших» источников о них обычно не вспоминают — речь идёт о Джоне Сассамоне и Вабане. Почему нам кажется важным вообще рассматривать каких-то индейцев в «индивидуальном порядке», и почему именно этих? Во-первых, несмотря на относительную распространённость молитвенных поселений, большинство наших источников уделяет им не так уж много внимания (что подтверждает высказанную ранее идею о сугубо «утилитарной» ценности христианизации индейцев для англичан). Во-вторых, отношение колонистов к индейцам, даже индейцам-христианам, лучше всего иллюстрируют именно истории этих двух индивидуумов. В-третьих, изучение их историй позволяет с некоторой долей уверенности оценить важность самого феномена «посредников» и его роль в жизни колоний. Посредники эти не были обычными «туземными проводниками» — хотя Скуанто в популярной культуре предстаёт именно в таком виде, как послушный и благонамеренный дикарь, знающий своё место и покорно выполняющий требования колонистов. На самом деле, как мы увидим на примерах Сассамона и Вабана, посредники играли значительно более важную роль в развитии Новой Англии, да и мотивации их были куда сложнее. Неоднозначность мотивов, впрочем, очевидна даже из истории Скуанто — вспомним его попытки манипулировать соотечественниками, угрожая чумой, которую якобы могут выпустить из-под земли англичане⁴⁴¹.

Точная дата рождения Джона Сассамона нам неизвестна. Его семья жила в Дорчестере среди англичан и со временем приняла христианство⁴⁴² — случай, видимо, не исключительный, хотя Уинтроп и Брэдфорд о таких индейских семьях

⁴⁴¹ Bradford W. Op.Cit. P. 113.

⁴⁴² Salisbury N. Manitou and Providence. P. 191. Коттон Мэзер называет Сассамона «сыном индейцев-христиан» не уточняя обстоятельств их обращения. Инкриз Мэзер так же утверждает, что его родители жили в Дорчестере, но пишет, что они «умерли христианами» — видимо, подразумевая, что обратились в христианство они на смертном одре (Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 1. Pp. 559-60; Mather I. Early History of New England. Boston, 1864. P. 234).

предпочитают не упоминать. Сам Сассамон, соответственно, с детства воспитывался как христианин. Вероятнее всего, родители Сассамона умерли от во время вспышки оспы в 1633⁴⁴³, и малолетний Сассамон остался на попечении англичан. К 1637 он уже был переводчиком, и участвовал в Пекотской войне — на стороне колонистов, само собой⁴⁴⁴. Во время войны произошёл примечательный эпизод — группа пекотов встретила молодого человека, с виду индейца, но в английской одежде и с ружьем в руках. Когда пекоты осведомились, кто он — индеец или англичанин, юноша ответил «подойдите поближе, я вам скажу». Стоило пекотам подойти на расстояние выстрела, юноша не задумываясь застрелил одного из них⁴⁴⁵. Нам неизвестно был ли этим юношей Сассамон. Если речь шла не о нём, эпизод оказывается ещё интересней — видимо, уже тогда, всего через пятнадцать лет после основания Плимута, индейцев, живших среди англичан постоянно и перенявших английский образ жизни было несколько. Шла ли речь о молодом Сассамоне или о ком-то из его коллег, реакция молодого человека на вопрос пекотов интересна и сама по себе — если вопрос был воспринят как оскорбление, отношение молодого человека к колониальной составляющей его образа жизни сложно назвать положительным, раз уж сомнения в его «индейскости» вызывают столь агрессивную реакцию. Впрочем, нам кажется более вероятным что ничего оскорбительного в вопросе не было, а пекоты были искренне удивлены увиденным. После войны Сассамон и сержант Калликот, с которым он служил, вернулись в Дорчестер с пленными — Сассамон привел с собой женщину-пекотку, позже ставшую его женой, а Калликот — раба, ставшего переводчиком на службе у Джона Эллиота, пастора из

⁴⁴³ Об этой и других эпидемиях, а также их восприятию как колонистами, так и индейцами см. подробнее Salisbury N. *Manitou and Providence*. P. 176.

⁴⁴⁴ Скорее всего, Сассамону было чуть меньше двадцати лет на момент начала войны — вполне «боеспособный» возраст. Эта оценка соответствует и примерному возрасту Сассамона, который приводит Сэмюель Морисон — «мужчина от сорока пяти до пятидесяти» (в 1670) (Morison S.E. *Harvard College in the Seventeenth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1936. P. 353).

⁴⁴⁵ Mason J. *A Brief History of the Pequot War*. P. 54.

соседнего Роксбери⁴⁴⁶. Сассамон, вероятно, встречался с Эллиотом и раньше, но с только с начала 1640-х началось их тесное сотрудничество. Эллиот едва ли не первым из колонистов приложил усилия к изучению индейского языка. Несмотря на то, что индейцы с симпатией относились к попыткам колонистов выучить алгонкинский, мало кто такие попытки предпринимал. Роджер Уильямс, конечно, составил свой разговорник, и, видимо, мог относительно свободно объясняться с наррагансеттами, но этим дело и ограничивалось. Среди индейцев многие знали английский, хотя бы немного, а вот англичане «дьявольского» языка старались избегать. Эллиот, убежденный протестант, считал, что настоящее обращение в веру возможно только с прочтением Писания. Так что обратившись к миссионерству он в первую очередь постарался изучить язык индейцев. Первым его учителем и переводчиком стал Кокеное, тот самый раб, захваченный Калликотом, но в начале 1640-х он вернулся на родину, на Лонг-Айленд⁴⁴⁷. А вот Сассамон, давно (если верить Хаббарду — с детства⁴⁴⁸) знакомый Эллиоту, отлично знающий английский и проживший значительную часть жизни среди англичан (возможно, с семьей Калликота) был как раз под рукой. Лучшей кандидатуры на роль нового переводчика и помощника и представить было сложно. Эллиот продолжил изучение языка массачусетс, а вскоре начал работу над изданием «библиотеки индейцев» — собрания религиозных и нравоучительных текстов, отпечатанных в Кембридже на языке индейцев, и распространявшихся в молельных городках. В 1650-м Сассамон участвовал в основании первого молельного городка — Натик, а позже стал в нём учителем⁴⁴⁹. Он же перевел для Эллиота несколько фрагментов из Библии. Если в начале молодой индеец был скорее слугой, помогающим Эллиоту изучить свой язык,

⁴⁴⁶ Drake S.G. *Book of the Indians*. P. 107; Peirce E.W. *Indian History, Biography, and Genealogy*. Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1972. P. 215.

⁴⁴⁷ Tooker W.W. *John Eliot's First Indian Teacher and Interpreter*. New York: Francis P. Harper, 1896. P. 18.

⁴⁴⁸ Hubbard W. *A Narrative of the Indian Wars in New England*. P. 60.

⁴⁴⁹ Lepore J. *The Name of War*. P. 84; Eliot J. *Letters of the Rev. John Eliot, the Apostle to the Indians // The New England Historical And Genealogical Register*. 1882. No 36. P. 298; Eliot J. *Strength out of Weakness; or a Glorious Manifestation of the further Progress of the gospel among the Indians in New-England (London, 1652) // Collections of the Massachusetts Historical Society*. 3rd series, 1834. No 4. Pp. 168, 169-70.

со временем отношения их стали более равноправными, напоминающими скорее отношения коллег — с учетом, конечно, заметной разницы в возрасте. В 1653 усилиями Эллиота Сассамон был принят в Гарвардский колледж, и провел там по меньшей мере один семестр — а возможно и больше, точной информации по этому поводу у нас нет⁴⁵⁰. Специальный колледж для индейцев открыли через несколько лет, но за весь семнадцатый век в нём было всего четверо студентов, трое из которых погибли, в том числе один — убитый индейцами⁴⁵¹. Несмотря на разногласия, которые, видимо, возникли между Эллиотом и Сассамоном в начале 1650-х, позже они снова работают вместе — к этому моменту у Эллиота уже два индейских переводчика, а также печатник-индеец, занимающийся технической стороной издания «библиотеки»⁴⁵². Позже, уже в 1670-х Сассамон становится пастором молельного городка Намаскет и получает там участок земли⁴⁵³. Его миссионерская деятельность описана не так подробно, как деятельность Эллиота, но очевидно была достаточно активной — в пользу этого говорит и доверие проповедника, назначавшего Сассамона сначала мирским, а после и духовным пастырем в одном из своих молитвенных поселений. Личные отношения Эллиота и Сассамона также пережили несколько тяжелых периодов, но под конец жизни обоим наладились, и о смерти Сассамона Эллиот пишет с нескрываемой горечью, называя его «человеком потрясающего ума»⁴⁵⁴. Неизвестно, сложилась бы без помощи Сассамона миссионерская кампания Эллиота, и уж по меньшей мере она не была бы столь масштабной и эффективной. Полезность Сассамона для англичан таким образом, очевидна. Полезен он и подобные ему «посредники» были и индейцам.

⁴⁵⁰ Morison S.E. Harvard College in the Seventeenth Century. Cambridge: Harvard University Press, 1936. Pp. 352-53.

⁴⁵¹ Morison S.E. Founding of Harvard College. Cambridge: Harvard University Press, 1968. Pp. 161-62; Morison S.E. Harvard College in the Seventeenth Century. Cambridge: Harvard University Press, 1936. Pp. 342-43.

⁴⁵² Drake S.G. Book of the Indians. P. 115.

⁴⁵³ Lepore J. The Name of War. 1999. P. 86.

⁴⁵⁴ Saltonstall N. A Continuation of the State of New England // Narratives of the Indian Wars, 1675-1699. New York: Scribner's Sons, 1913. Pp. 54-55; Rev. John Eliot's Records of the First Church in Roxbury, Mass. // NEHGR 33 (1879). P. 297. (Цит. по: Lepore J. The Name of War. 1999. P. 86).

В 1662 умер Массасойт, давний союзник англичан⁴⁵⁵. Его наследником стал Вамсута (Александр) — дружелюбность его и его брата Метакома (Филиппа) вызывала у англичан сомнения⁴⁵⁶. Сассамон выступил свидетелем в земельной сделке между жителями Провиденса и Александром. Судя по тому, что Александр подписывался отметкой («крестиком»), Сассамон вероятно был также и переводчиком⁴⁵⁷. Вскоре Александр также умер при невыясненных и сомнительных обстоятельствах. Новым великим сахемом вампаноаг стал Филипп. Сассамон же покинул Натик и отправился жить на Маунт-Хоуп к Филиппу. Хаббард утверждает, что у них с Эллиотом вышла размолвка и Сассамон «бежал»⁴⁵⁸ к Филиппу у которого стал «секретарем и верховным советником»⁴⁵⁹. С другой стороны, в чем именно была суть размолвки Хаббард не объясняет. Возможно и другое объяснение «бегства» Сассамона — он мог быть отправлен Эллиотом с целью обратить в христианство Филиппа. В 1664 Эллиот просил Совет по делам Новой Англии «поощрить» Сассамона, который учил Филиппа и его людей читать⁴⁶⁰. Впрочем, попытки обратить Филиппа не увенчались успехом, и со временем Сассамон вернулся в Натик, где и оставался в качестве учителя (“schoolmaster”) до назначения пастором в Намаксет. Для нас же важна не столько мотивация Сассамона, сколько тот факт, что он провел несколько лет при «дворе» Филиппа. Несмотря на то, что Сассамон раньше, кроме возможно раннего детства, не жил среди индейцев, и резонно предположить не имел всех «положенных» индейскому войну навыков, в первую очередь охотничьих, он сразу же занял достаточно высокое положение. В 1664-66 гг., когда Сассамон был советником Филиппа, его имя постоянно появляется в документах — будь то земельные сделки или торговые соглашения — в качестве

⁴⁵⁵ Hubbard W. Op.Cit. P. 59.

⁴⁵⁶ Ibidem

⁴⁵⁷ Early Records of the Town of Providence. Vol. 5. Providence, 1892. P. 283.

⁴⁵⁸ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 71.

⁴⁵⁹ Ibidem

⁴⁶⁰ John Eliot to the Commissioners of the United Colonies, August 25, 1664 // Records of the Colony of New Plymouth in New England. Boston: William White, 1861. Reprinted: New York: AMS Press, 1968. Vol.10. Pp. 383-384.

свидетеля и, вероятно, переводчика и писца⁴⁶¹. Те же функции, что Сассамон выполнял для англичан, он выполнял и для индейцев, с тем же успехом. И обе стороны щедро его за это вознаграждали, каждая в соответствии со своими представлениями — вряд ли «секретарь и верховный советник» сахема всех вампаноаг был нищим. Филипп, скорее всего, снабжал его не только всем необходимым, но и щедрыми подарками (как сахемы, в том числе отец Филиппа, заваливали подарками Скуанто десятилетиями раньше). Англичане же не только приняли его в своё поселение (в Натик Сассамон переехал по собственной воле, а до этого большую часть жизни прожил в Дорчестере), но и допустили его в колледж, и к переводу священного писания (учитывая фанатичную религиозность пуритан и заикленность на буквальной интерпретации Писания — большая честь), а позже признали его право проповедовать, пусть и среди индейцев. Губернатор Уинслоу не прислушался к его предупреждениям, но сам по себе факт того, что индеец, пришедший в одиночку, не как посланец возможных союзников и торговых партнеров, без всяких проволочек запросто встречается с губернатором, уже говорит о многом.

Вабан более всего известен как друг и соратник Джона Элиота. Представитель племени нипмак, в 1646 г. он предоставил Элиоту своё жилище для проведения его знаменитой проповеди перед индейцами — первой проповеди, прочитанной на языке индейцев⁴⁶². Обращение к родному языку индейцев оказалось удачным решением — и сам Вабан, и многие из его соплеменников приняли христианство. Сам Вабан переселился в молитвенный городок. Элиот называл его «chief minister of justice»⁴⁶³ нипмак, и видимо считал, что Вабан обладает какой-то властью в пределах племени. Подтвердить это или опровергнуть со стопроцентной точностью не

⁴⁶¹ Drake S.G. Book of the Indians. Boston, 1841. P. 10; Records of the Colony of New Plymouth in New England. Boston: William White, 1861. Reprinted: New York: AMS Press, 1968. Vol.12. P. 237.

⁴⁶² Moore M. Memoirs of the Life and Character of rev. John Eliot. Boston: Flag & Gould, 1822. P. 80.

⁴⁶³ Cogley R.W. John Eliot's Mission to the Indians before King Philip's War. Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 54.

представляется возможным, но известно, что сахемом Вабан не был, а других «должностей» в индейском сообществе не существовало, так что вероятнее всего Вабан был просто достаточно состоятельным и уважаемым членом племени, одним из тех «советников и старейшин», с которыми консультировался сахем при принятии решений. Позже, уже после войны короля Филиппа Вабан стал «justice of peace» своего поселения, Натик⁴⁶⁴. Хотя Вабан не представлял из себя «самостоятельной политической силы» — вообще никакой политической силы — в отличие от Ункаса, он, видимо, искренне проникся христианством и поддерживал колонистов исключительно из, как бы банально это не звучало, симпатии. И чем же ему за это отплатили пуритане? В апреле 1675 он явился к магистратам Массачусетса, и предупредил их о готовящемся среди вампаноаг восстании⁴⁶⁵. И через несколько месяцев, в октябре, был арестован и помещён в тюрьму как заговорщик, а после присоединился к остальным «молящимся», судьбу которых мы рассмотрим позже⁴⁶⁶. Освобождённые из заточения, он весной 1676 вернулся в Натик, где и умер (точная дата его смерти нам неизвестна)⁴⁶⁷.

Оба случая, обе попытки молящихся индейцев предупредить англичан о готовящемся восстании, были проигнорированы. И это только те попытки, о котором нам известно. Оба индейца, высказавших эти предупреждения — давние союзники англичан, оказавшие им значительную помощь, христиане, обратившиеся в эту веру без всякого принуждения. Как к ним относились? Либо с недоверием, либо просто не принимая всерьёз. Об уважении или равноправии единоверцев, равных перед богом, даже речи не идёт. Как относились к другим «молящимся», к населению молитвенных городков, представить несложно. «... В то время если индеец и казался дружелюбно настроенным, предубеждение против индейцев в целом было столь сильным, что едва ли нашёлся бы среди англичан хоть кто-нибудь, готовый

⁴⁶⁴ Drake S.G. The Book of the Indians. P. 115.

⁴⁶⁵ Northeastern Indian Lives, 1632-1816. Amherst: University of Massachusetts Press, 1996. P. 172.

⁴⁶⁶ Mandell D.R. Behind the Frontier. Lincoln: University of Nebraska Press, 1996. P. 26.

⁴⁶⁷ Northeastern Indian Lives, 1632-1816. Amherst: University of Massachusetts Press, 1996. P. 176.

допустить что индейцы могут быть честными и могут заслуживать доверия»⁴⁶⁸. Вместо того, чтоб сделать молящихся индейцев своими союзниками и опереться на них в борьбе с язычниками, пуритане предпочли игнорировать их советы и наблюдения, воспринимая их как «граждан второго сорта», по меньшей мере.

Сассамон, Вабан и подобные им посредники обеспечивали взаимодействие культур Новой Англии, и обе стороны понимали их важность. Для одной стороны они были прекрасным примером принципиальной возможности обращения и «цивилизации» индейцев — хотя интересовала она немногих. Если бы Джону Элиоту некий гипотетический оппонент (скажем, скептически относившийся к просвещению индейцев Коттон Мэзер⁴⁶⁹) сказал, что все его труды тщетны — ему достаточно было бы продемонстрировать образованного, воспитанного и дипломатичного Сассамона в качестве примера своих достижений. Для другой же стороны, для индейцев, посредники были примером и доказательством возможности мирного сосуществования с англичанами даже и при агрессивном росте колоний. Но и в чисто практическом смысле посредники были ключевым элементом сообщества Новой Англии. Пока между двумя культурами сохранялось хоть какое-то подобие сотрудничества, пока отношения их не превратились в откровенное завоевание, нужны были посредники. Не «проводники из местных», каких позже использовали американцы при покорении региона великих равнин, а самостоятельные, образованные (по меркам обеих культур), сознательные посредники. Без их участия не было бы ни договоров, ни торговли, ни миссионерства. Ключевой момент в добровольности этого участия — никто не заставлял Сассамона оставаться среди англичан. Он вполне мог сбежать ещё в детстве или юношестве, и учитывая знание английского быть принят с распростертыми объятиями любым крупным сахемом. Однако известен случай, когда один из осиротевших подростков-индейцев сбежал из Дорчестера, опасаясь видимо наказания за нарушение суровой пуританской

⁴⁶⁸ Drake S.G. The book of the Indians. P. 10.

⁴⁶⁹ Pearce R.H. Savagism and Civilisation. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 29.

дисциплины, к которой индейские дети были непривычны — сбежал, и добровольно вернулся и принял наказание, предпочтя остаться с англичанами. Точно мы этого сказать не можем, но место и время совпадают, этим мальчиком вполне мог быть Сассамон. Никто не заставлял Вабана налаживать связи с Джоном Эллиотом. Никто не заставлял, если уж на то пошло, Скуанто помогать колонистам. Посредниками становились не под давлением обстоятельств, а по собственному выбору — из эгоистичных ли соображений, или из альтруизма — другой вопрос. Оставаясь невидимыми, эти посредники поддерживали само существование Новой Англии в том виде, в котором она существовала в 1620-1670-х. За каждым договором, за каждой сделкой о покупке земли, за каждой продажей партии шкур, в конце концов за каждым визитом сахемов к правительству колоний, стояли такие посредники. И вновь мы сталкиваемся с феноменом «исчезновения» тех или иных ключевых аспектов взаимодействия культур из источников, из последующих ранних исследований и, в результате, из сложившихся представлений об облике Новой Англии и вообще колониальной Америки. Сассамон упоминается — помимо дневников Эллиота — лишь в связи со своей смертью, и судом над предполагаемыми убийцами. Он всплывает периодически в записях современников, но даже авторы следующего поколения — тот же Хаббард или Инкриз Мэзер (бывший, кстати, однокашником Сассамона в Гарварде) — уже избегают упоминаний о нём. Вабан, обеспечивший успех проповеди Эллиота, также оказывается почти забыт, а если о нем и вспоминают — то лишь как о архетипическом «хорошем» индейце. Пожалуй, единственный из посредников, кого не вычеркнули из истории — Скуанто. Но его образ настолько отличается от реального человека, даже в описании Брэдфорда, что не имеет с ним почти ничего общего. Зато такой Скуанто удачно вписывается в историю об отважных покорителях Нового Света, которым помогает наивный, но добросердечный дикарь.

СОЗДАНИЕ КОНФЕДЕРАЦИИ НОВОЙ АНГЛИИ

Политическая ситуация в Новой Англии в межвоенный период заметно изменилась. Обострились противоречия между колониями разных европейских держав, усилилось соперничество между английскими колониями — в силу как внутренних причин, так и событий, происходивших в метрополии. В то же время, было положено начало кооперации колоний перед лицом общего врага — будь то индейцы или французы. Свою роль в развитии политической ситуации сыграли и индейцы, как союзники англичан, так и их противники.

При всей важности «молящихся индейцев» как свидетельства успешного распространения Слова Божьего на американских землях, по-настоящему важными союзниками колонистов оставались всё-таки язычники. Говоря о союзных англичанам племенах, следует упомянуть в первую очередь два — мохеган под предводительством Ункаса и вампаноаг под предводительством Массасойта (Усамекина) и, позже, его сына Метакомета (Филиппа). Рассмотрим подробнее мохеган и их вождя Ункаса, к войне короля Филиппа оставшегося едва ли не единственным крупным сахемом, поддерживающим колонистов.

Ункаса связывали с англичанами долгие и уважительные — насколько это возможно для индейцев и колонистов — отношения, начавшиеся ещё до Пекотской войны. После Пекотской войны мохеганы заняли более высокое положение, но самостоятельной силой всё же не стали. На протяжении последующих десятилетий Ункас хоть и наращивал собственные силы и влияние, но и врагов наживал немало — в частности, племена наррагансеттов и абенаков. Так что к началу 1670-х гг. престарелый (к тому моменту ему было уже около девяноста) Ункас, с одной стороны, управлял относительно многочисленным и сильным племенем, с другой же стороны разорения его племени и — зачастую это было даже важней — смерти лично Ункаса, желали два фактически сильнейших племени региона. Каким бы благородным, верным слову и вообще замечательным человеком ни был Ункас (тем

более по нашим источникам о личности его судить довольно сложно), не следует заблуждаться — главным мотивом его союза с англичанами всегда была безопасность его самого и его племени, и расширение их владений.

Положение «вассала» хоть и давало Ункасу определённую защиту, но ставило в его зависимость от англичан — собственно, ещё в 1638 Ункас формально признал себя «слугой» англичан⁴⁷⁰. Но даже будучи формально «слугой», Ункас не упускал возможности направить колонистов против своих противников — как мы уже говорили, его манипуляции сыграли заметную роль в развязывании пекотской войны, да и в межвоенный период Ункас умело стравливал своих противников — наррагансеттов с колонистами⁴⁷¹.

Другие союзники англичан — после Пекотской войны это были в основном сахемы небольших племён — поддерживали колонистов из тех же побуждений (к примеру Авашонкс, см. ниже), но не придерживались своих обязательств так твёрдо, поскольку не имели столь сильных врагов. Кроме того, одной из важных причин стремления индейских племён заручиться расположением колонистов был страх.

Согласно автору «Хроники индейских войн»: «с самого подавления пекотов в году 1637 и до года 1675, существовали с <индейцами> дружеские отношения и постоянное общение, и весьма мало известно случаев, чтоб англичанин подвергался нападению или какому-либо вреду с их стороны до года 1674») ⁴⁷². На наш взгляд, в значительной мере такое спокойствие могло объясняться страхом — или, по меньшей мере, осторожностью — индейцев после Пекотской войны. В пользу такого вывода говорит также приведённая в «Хронике...» речь великого сахема Пассаконавая (Passaconaway). Речь эту он произнёс незадолго до смерти, обращаясь к наследникам и соплеменникам⁴⁷³. Вряд ли в источнике приведена вся речь целиком — тем не менее, основную идею даже этот фрагмент вполне передаёт: «Я, как и всё

⁴⁷⁰ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 50; Drake S.G. The book of the Indians. P. 61.

⁴⁷¹ Cave A. The Pequot War. P.165; Winthrop J. Journal. Pp. 74-76.

⁴⁷² Hubbard W. Op. cit. P. 57.

⁴⁷³ Ibid. P. 60.

живое, умираю, и больше не увижусь с вами <...> я был таким же врагом англичан с самого момента их прибытия сюда, как и любой другой, и всеми возможными путями старался уничтожить их или, по крайней мере, не позволить им здесь остаться, но не смог этого сделать, так что я советую вам не бороться с англичанами и не вступать с ними в войну»⁴⁷⁴.

Несколько странным кажется заявление сахема о том, что он был врагом англичан с момента их прибытия. Всё-таки в первые годы после основания колоний открытых конфликтов с индейцами не было. Более того, племя Пассаконавая даже не соседствовало с первыми поселениями англичан. Риснём предположить, что речь шла не о прибытии англичан в Новый Свет, а о прибытии их именно на земли данного племени — то есть, о начале расширения территорий колонии.

В самом содержании речи отражается тенденция, с одной стороны, к осознанию опасности англичан, а с другой — страху перед ними и нежеланию открытой борьбы. Примечательно и место произнесения речи — на празднике (автор «Хроники...» называет его просто «Great Dance») ⁴⁷⁵, куда были приглашены англичане. Учитывая, что ранее ни в одном из источников участие колонистов и даже просто их присутствие на этом празднестве, судя по всему для индейцев весьма значительном, не упоминается, сложно избавиться от ощущения, что приглашены они были именно для данной речи. Она была своеобразной попыткой сахема оградить своих подданных от возможных неприятностей с колонистами, ясно обозначить своё дружеское отношение. Общий тон речи многое говорит о самом характере этой «дружбы» — не столько союза, сколько признания главенства колонистов по праву сильного. Весь эпизод на празднике выглядит почти как принесение вассальной клятвы верности.

Хотя после пекотской войны по крайней мере некоторые племена вынуждены были признать военное превосходство англичан, отдельные сахемы не оставляли

⁴⁷⁴ Ibid. Pp. 60-61.

⁴⁷⁵ Ibidem

попыток манипулировать колонистами для достижения внутривнутриполитических целей. Как и в случае с конфликтом с пекотами, особенно отличился тут Ункас. Причиной очередных трений стала вражда наррагансеттов и мохеган. Хотя во время Пекотской войны они действовали как союзники, речь шла скорее о союзе и тех и других с англичанами, чем о союзе между племенами. И после разгрома пекотов вражда возобновилась с новой силой — наррагансетты планировали и пытались осуществить покушения на Ункаса — впрочем, безуспешно⁴⁷⁶. Тот, в свою очередь, поддерживал тесный контакт с колонистами, сообщая им обо всех нарушениях Хартфордских соглашений со стороны наррагансеттов⁴⁷⁷.

Узнав от руководства Коннектикута и Нью-Хейвена о готовящемся заговоре — он должен был завершиться нападением на англичан во время торговли после сбора урожая и полным их истреблением, сначала в «отдалённом» Коннектикуте, колонисты приготовились к ответным действиям. Заметим, что такие же сведения предоставили губернатору Массачусетса и некоторые из индейцев. Жители Коннектикута просили выслать вооруженный отряд против индейцев, но вместо этого магистраты приняли решение обратиться к переговорам — и «вызвали к себе»⁴⁷⁸ Миантонимо, великого сахема наррагансеттов. Он, естественно, отрицал свою виновность — и смог это доказать. Более того, он пытался обвинить Ункаса в распространении дезинформации о «заговоре»⁴⁷⁹. Очевидно, что после «вызова» — заметим сам факт того, что правителя крупнейшего из племён региона даже не приглашают, а «вызывают» и собираются судить, причём не совсем ясно, по каким именно законам — нападение, если оно и планировалось, было отменено или, по крайней мере, отложено. Впрочем, по словам автора «Хроники...», многие из присутствовавших при его «даче показаний», заметили, что внешне проявляя дружелюбие и готовность сотрудничать, Миантонимо, на самом деле, был настроен

⁴⁷⁶ Cave A. The Pequot War. Pp.165-66; Winthrop J. Journal. Pp. 131-34;

⁴⁷⁷ Ibid

⁴⁷⁸ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. P. 55.

⁴⁷⁹ Ibidem

вовсе не так дружелюбно. Важное свидетельство в пользу его недоверия к колонистам — тот факт, что во время «разбирательства» он настаивал, чтобы рядом с ним постоянно присутствовал кто-либо из его советников, с тем чтобы потом кто-нибудь мог подтвердить его слова⁴⁸⁰. Ранее подобные предосторожности при переговорах не упоминаются.

Впрочем, закончилась эта история печально. Позже в том же году наррагансетты начали войну против мохеган, в которой потерпели поражение, а сам Миантонимо был обезглавлен Ункасом⁴⁸¹. Потерпев поражение, потеряв «харизматического лидера» и внешне присмирив, наррагансетты затаили злобу — что вполне объяснимо — на мохеган, Ункаса лично и заодно на союзников мохеган, англичан, поскольку обезглавлен их сахем был «по их совету и под их руководством»⁴⁸².

Через год, в 1645 г., и позже, в 1646 г., наррагансетты продолжили досаждать англичанам, причём настолько «набрались наглости» («grew so insolent»)⁴⁸³, что англичане всё-таки дошли до применения силы и послали вооружённый отряд. Узнав о его приближении, наррагансетты раскаялись, принесли извинения и пообещали заплатить издержки по подготовке к войне. И не заплатили — пока, через несколько месяцев, не был послан ещё один отряд — после чего им пришлось возмещать издержки на формирование уже двух «войск».

К сожалению, авторы источников не объясняют, в чём же заключалась пресловутая «наглость» наррагансеттов и, утверждая, что в дальнейшем те продолжали строить козни против колонистов («они не хотели поддерживать добрососедских отношений с англичанами, но и не пытались открыто выступить против них до нынешнего восстания [войны короля Филиппа]»⁴⁸⁴, не упоминают более никаких конкретных фактов.

⁴⁸⁰ Ibidem

⁴⁸¹ Bradfrod W. Op.Cit. P. 424; Hubbard W. Op.Cit. P. 56.

⁴⁸² Hubbard W. Op.Cit. P. 57.

⁴⁸³ Ibidem

⁴⁸⁴ Ibidem

На первый взгляд, весь конфликт кажется обычной межплеменной враждой, в которой англичане задействованы лишь «по необходимости». Тем не менее, даже если рассматривать конфликт исключительно с такой точки зрения, некоторые из его аспектов заслуживают внимания. Для начала обратимся к мотивам действий наррагансеттов. В интерпретации автора «Хроники...» они звучат так: «то ли недовольные тем, что им не досталась власть над остальными индейцами, то ли из зависти к тому, что Ункас, верховный сахем мохеган, внушал англичанам больше доверия, чем они»⁴⁸⁵. Первый мотив кажется нам несколько натянутым — в конце концов, мохеганам, другим участниками победы над пекотами «власть над всеми индейцами» тоже не досталась. Вероятно, речь шла об оставшихся в живых пекотах, но во-первых, не все из них перешли под власть Ункаса, а во-вторых, земли пекотов — которые, наверняка, и волновали наррагансеттов на самом деле, остались под контролем англичан, и Ункас мог распоряжаться ими в очень ограниченных пределах. Второй же мотив более реалистичен. Сам по себе факт соперничества за расположение англичан свидетельствует об изменении их роли в регионе — подобная борьба напоминает соперничество вассалов за расположение сеньора или придворных за расположение короля. В принципе на основании одного этого факта можно утверждать, что колонисты стали главной силой в регионе и индейцы вполне это осознали. Ещё более яркое подтверждение тому встречаем ниже — в описании хартфордских соглашений 1638 года. При описании заключения самого договора, окончившего официально Пекотскую войну, подобные пункты не упоминаются, так что вероятно речь идёт о ещё одном соглашении. Итак, предоставим слово автору источника: наррагансетты продолжали вражду с мохеганами, «также, несмотря на тройное соглашение, заключенное между наррагансеттами, мохеганами и англичанами в Хартфорде (главном городе Коннектикута) в 1638 году, согласно которому названные индейцы поклялись не враждовать с мохеганами или другими

⁴⁸⁵ Ibid, P. 51.

индейцами, не спросив совета англичан, чьим решением они обязались руководствоваться во всех своих разногласиях»⁴⁸⁶. Можно было бы предположить, что англичане выступали лишь в качестве посредников при рассмотрении споров — с таким мы уже сталкивались — но «не начинать вражды без совета» и «руководствоваться решениями во всех конфликтах» — на наш взгляд, подобные детали не слишком соответствуют роли посредника. На основании этого фрагмента, можно говорить об установлении отношения не просто неравноправных, но едва ли не подчинённых. Не только буква, но и дух этих договоров, да и всех описанных автором взаимоотношений с индейцами после войны, заставляет непредвзятого читателя «Хроники...» воспринимать теперь индейцев как «вассалов» англичан.

Следующий интересующий нас момент — собственно «заговор» Миантонимо и его соратников. К сожалению, по нашим источникам невозможно судить о его реальности. Впрочем, как ни парадоксально, был заговор или нет — для нас не так уж важно. Во-первых, отметим что колонисты, хотя в итоге и признали доказательства недостаточными и «оправдали» Миантонимо, рассматривали заговор индейцев «всей страны»⁴⁸⁷ как вполне реальную угрозу. Можно утверждать, что несмотря на установившиеся дружественные отношения, недоверие к индейцам сохранялось. С одной стороны, источником этого недоверия, несомненно, были культурные — в первую очередь религиозные — различия и никуда не исчезнувший постоянный страх перед индейцами. В конце концов, как можно доверять дикарям-язычникам? И всё же одними этими противоречиями столь бурную реакцию — требование Коннектикута выслать вооружённый отряд⁴⁸⁸, «суд» над Миантонимо — объяснить нельзя. Источником такого всеобщего заговора — а, повторимся, речь шла не только о наррагансеттах, недовольство которых было в целом ожидаемо — могло быть только существующее среди всех индейцев

⁴⁸⁶ Ibid. P. 53.

⁴⁸⁷ Ibid. P. 54.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 55.

недовольство англичанами. И сам факт того, что магистраты колоний готовы были признать существование заговора, говорит о том, что недовольство это они осознавали. Причин у него было две — жестокость англичан во время Пекотской войны и опасение повторения подобного в отношении других племён. Повторение же это было возможно только в том случае, если колонии продолжили бы расширяться на индейские земли. Проще говоря — индейцы видели в колонистах угрозу своим землям и хотели ей противостоять. В основе «недовольства» индейцев при всей его многогранности — тут и религиозные противоречия, и потрясение от жестокости во время войны, и, вероятно, материальный фактор, и межплеменная вражда с союзниками англичан — лежали территориальные вопросы.

В пользу такого вывода говорит и ещё один, на первый взгляд, не столь важный факт. Пересказывая планы «заговорщиков», автор указывает, что первыми целями нападений должны были стать колонии Коннектикут и Нью-Хейвен (уже объединённые в одну)⁴⁸⁹. Почему именно они? Вспомним, что и одной из причин начала Пекотской войны был конфликт вокруг заселения долины реки Коннектикут. Именно эти колонии активно расширяли свою территорию за счёт земель индейцев. Именно на территории этих колоний «планировалось» полное уничтожение англичан. Из чего можно сделать вывод, что главной причиной «заговора» — если он существовал — был именно территориальный вопрос. Вспомним и пункт Хартфордского договора, запрещавший индейцам селиться на бывших землях пекотов, и последовавшее через несколько лет выдворение силой небольшой группы пекотов, вернувшейся на старое место⁴⁹⁰.

Хотя, как уже говорилось, период после окончания Пекотской войны и вышеописанных событий (т.е. до 1646) и до войны короля Филиппа описан в источниках крайне скупо, сложно предположить, что между индейцами и англичанами и впрямь царили исключительно «дружба и взаимопонимание». В

⁴⁸⁹ Ibid. P. 51.

⁴⁹⁰ Mason J. A Brief History of the Pequot War. Pp. 40-43, 138-39;

конце концов, как минимум наррагансетты продолжали «строить козни», а следовательно, недовольство индейцев никуда не исчезло, но страх перед открытой войной его пересиливал. В результате чего, не находя выхода, это недовольство накапливалось, напряжение росло и «взрыв» был неизбежен.

Новая Англия в межвоенный период стала также объектом пристального внимания других колоний — и английских, и европейских. Раньше, до 1640-50х гг. новоанглийские колонии, слабые и немногочисленные мало волновали соседей — французов, голландцев и индейцев, не живущих в непосредственной близости от них. К концу 1660-х постепенно расширяясь на Север английские колонии оказались в опасной близости от французских поселений в Канаде. Уже в 1660-70-х возникли первые земельные споры. Хотя вооруженных конфликтов между англичанами и французами не происходило до войны короля Вильгельма⁴⁹¹, напряжение между колониями двух европейских держав возникло значительно раньше. Причинами этого напряжения были не только территориальные конфликты. Англичане и французы были заинтересованы в торговле мехом, а для ведения успешной крупномасштабной торговли и тем и другим необходим был союз с ирокезами, контролирующими богатый пушниной регион Великих Озер. Ирокезы, в отличие от большинства племен Новой Англии были достаточно сильны, так что о каком-либо давлении на них, не говоря уж о прямом завоевании до XVIII века ни англичане, ни французы и помыслить не могли. Союз Пяти Народов проводил и свою политику — продолжая давно существовавший, но несколько утихший в середине XVII века конфликт с алгонкинскими племенами Новой Англии и Канады. Англичане и французы вынуждены были искать союза с ирокезами, «подыгрывая» им по мере возможности. В итоге — хотя это и выходит за хронологические рамки нашей работы — англичане поддержали ирокезов в их конфликте с канадской

⁴⁹¹ Война короля Вильгельма — боевые действия в Северной Америке во время войны Аугсбургской лиги, первый из франко-английских конфликтов в Северной Америке. Название «война короля Вильгельма» (англ. King William's War) используется в англоязычной литературе — по имени правившего тогда в Англии короля Вильгельма III.

конфедерацией вабанаки, которую поддерживали французы⁴⁹². Отношения между участниками этого «треугольника», англичанами, французами и ирокезами оставались напряженными на протяжении XVIII, вылившись в серию конфликтов⁴⁹³. «Французская» коалиция проиграла, а союз англичан и ирокезов оказался выгоден обеим сторонам — англичане отвоевали французскую Канаду, ирокезы избавились от давних соперников. В XVII же веке эта многосторонняя «холодная война» только зарождалась. В частности, на межвоенный период приходятся первые значительные контакты англичан с ирокезами, положившие со временем начало победоносному союзу (с распадом которого прекратилось по большому счету всякое сотрудничество колонистов с индейцами на территории Северной Америки). Впрочем, с самого начала в отношениях англичан с ирокезами участвовали как минимум три значительных силы — колонии Новой Англии, ирокезы (конкретно — могавки, но внутри Союза кооперация была достаточно тесной) и Нью-Йорк. Могавки уже некоторое время назад заключили взаимовыгодный союз с властями Нью-Йорка. Учитывая важность контактов с ирокезами, губернатор Нью-Йорка Эндрос⁴⁹⁴ был совершенно не расположен позволять кому-либо вмешиваться в его отношения со столь важными союзниками. Да и растущие колонии Новой Англии он, с одной стороны, поддерживал как соотечественников, с другой — считал конкурентами и мечтал подчинить своей власти — чего и добился, пусть и ненадолго в 1686 с образованием Доминиона Новой Англии⁴⁹⁵. До поры до времени отношения Нью-

⁴⁹² Подробнее о союзе англичан с ирокезами и их участии в англо-французском соперничестве см., к примеру: Jennings F. *Empire of Fortune: Crowns, Colonies and Tribes in the Seven Years' War in America*. New York: Norton, 1988; Jennings F. *The Ambiguous Iroquois Empire: the Covenant Chain confederation of Indian tribes with English colonies from its beginnings to the Lancaster Treaty of 1744*. New York: Norton, 1984. Pp. 356-365.

⁴⁹³ Война короля Вильгельма (1689-1697), Война королевы Анны (1702-1713), Война короля Георга (1744-48), Франко-индейская война (1754-1763).

⁴⁹⁴ Эдмунд Эндрос — английский колониальный чиновник. В 1674 назначен Герцогом Йоркским (губернатором Нью-Йорка и Джерси, хотя его права на управление Джерси оспаривалась. Во время своего правления Эндрос обвинялся в присвоении средств колонии, но обвинения оказались беспочвенными. Хотя в целом его правление можно считать успешным, среди собственно колонистов он был непопулярен.

⁴⁹⁵ Доминион Новой Англии — объединение английских колоний в Новой Англии. Было создано с целью облегчить управление колониями, усилить контроль над ними королевской власти и обеспечить регулирование торговли в Новой Англии. Администрация Доминиона формально включала представителей колоний, но фактически власть оказывалась

Йорка с могавками мало касались Новой Англии, но в начале 1660-х ситуация изменилась. По мере расширения колоний, всё активней велась торговля через Атлантику — соответственно, в колонии начали поступать деньги, к 70-м годам практически полностью заменившие вавпум при торговле между колонистами⁴⁹⁶. Кроме того, по мере сокращения количества пушного зверя в Новой Англии «местная» торговля мехом приносила всё меньше прибыли, зато продажа земли в связи с притоком новых поселенцев — всё больше⁴⁹⁷. Племена Южной Новой Англии, в том числе Коннектикута, основная ценность которых для общей экономики региона была в производстве вавпума и добыче меха, оказались не у дел⁴⁹⁸. Подорвано было и влияние крупных «племен», которым платили дань эти «поставщики», в первую очередь наррагансеттов. Могавки, давно соперничающие с алгонкинскими племенами⁴⁹⁹ и истощенные постоянными войнами увидели в ослабленных племенах Новой Англии источник добычи и пленных — для ирокезов именно захват пленных, пополняющих ряды племени, был главной целью войны⁵⁰⁰. В начале 1660-х они поняли также, что защищать своих «малых» соседей ни англичане, ни другие ещё сохранившие прежние силу и влияние группы — вавпаноаг или мохеганы — не будут, поскольку полезность их исчерпана. Недавние торговые партнеры стали для ирокезов «законной» добычей. Первые рейды могавков на индейцев севера долины Коннектикута оказались успешными, и на юг

в руках назначаемого королем губернатора. Доминион просуществовал до 1689 года, и почти всё это время его губернатором был Эндрос.

⁴⁹⁶ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. P. 94.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 95.

⁴⁹⁸ Ibid. Pp. 94-95.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 54.

⁵⁰⁰ Mourning war — распространенная среди ирокезов практика восполнения потерь, вызванных войнами, болезнями или несчастными случаями. Семья, потерявшая одного или нескольких членов обращалась к военному лидеру своей группы или поселения, который в свою очередь организовывал набег — как правило, но не всегда, на племя, с которым данная группа враждовала — с целью захвата пленных, которые иногда позже выкупались родственника, но обычно — и в этом была основана цель всего мероприятия — принимались в новую семью и оставались в ней. «Войны горя» были, видимо, распространены по всему Вудленду, но особенно среди ирокезов. Подробнее см., к примеру: Fenton W.N. The Great Law and the Longhouse: A political History of the Iroquois Confederacy. Norman: University of Oklahoma Press, 1998. Pp. 31-32; Richter D. War and culture: the Iroquois experience // William and Mary Quarterly, 3d series, 40, 1983. Pp. 528-59.

Коннектикута, а также в Новую Францию, хлынул поток беженцев⁵⁰¹. С собой они принесли рассказы о зверствах могавков, и опасения, что несколькими набегами дело не ограничиться⁵⁰². В результате враждебность к ирокезам выросла, и их посол к покумтук — возможно, принесший предложение мира, хотя это сомнительно — был убит, что привело к новым атакам могавков, уничтожившим значительную часть поселений покумтук и рассеявшим представителей этого племени по всей южной Новой Англии⁵⁰³. Некоторые из них нашли убежище в молельных городках — по утверждению Дэниэла Гукина «могавки прогнали от их полей и <...> они не решаются даже заходить в лес искать себе пропитания»⁵⁰⁴. Многие индейцы старались тем или иным способ угодить англичанам, лишь бы обезопасить себя от ирокезов. Их страхи ещё больше усилились, когда мохеганы — тесно связанные с англичанами — наладили дипломатические отношения с могавками, а сами англичане, узнав о том, что земли покумтук «осовободились» не долго думая основали на месте одного из крупных поселений городок Дирфилд (Deerfield)⁵⁰⁵. Индейцы Новой Англии, ранее заключавшие с англичанами союзы были горько разочарованы, когда поняли, что их «друзья» — колонисты вовсе не собираются прилагать усилий к их защите, и все их попытки «вписаться» в общество колонистов и использовать его к своей выгоде были напрасны. Неудивительно, что многие из них, в том числе наррагансетты, стали относиться к англичанам заметно прохладней. Англичане же — и мохеганы, под руководством тонко чувствующего политическую обстановку и отлично понимающего колонистов Ункаса — сделали первые, пока

⁵⁰¹ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 55.

⁵⁰² Подробнее о вражде ирокезов с алгонкинами см. к примеру: Day G.M. The Outrage War: A Case History in Iroquois-New England Indian Relations // *Extending the Rafters: Interdisciplinary Approaches to Iroquoian Studies*. Albany: SUNY Press, 1984. Pp. 35-50; Melvoin R.I. New England Outpost: War and Society in Colonial Deerfield. New York: Norton, 1989. Pp. 17-48; Salisbury N. Toward the Covenant Chain: Iroquois and Southern New England Algonquians, 1637-1684 // *Beyond the Covenant Chain: The Iroquois and Their Neighbors in Indian North America, 1600-1800*. Syracuse: Syracuse University Press, 1987. Pp. 64-69.

⁵⁰³ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 55.

⁵⁰⁴ Gookin D. Historical Collections of the Indians in New England // Boston: Collections of the Massachusetts Historical Society. 1792. Vol. I. P. 162.

⁵⁰⁵ Подробнее об истории Дирфилда и его значении в истории Новой Англии см. Melvoin R.I. New England Outpost: War and Society in Colonial Deerfield. New York: Norton, 1989.

ещё робкие шаги, к союзу с могавками, который сыграет решающую роль уже в войне короля Филиппа, а позже — в конфликтах с французами. Губернатор Эндрос, в свою очередь, начал относиться к колониям Новой Англии с ещё большей подозрительностью — религиозные фанатики, строящие свою маленькую пуританскую утопию его не волновали, а вот те же религиозные фанатики, лезущие в его политику и «отбивающие» его союзников — ещё как. Да и ответные набеги алгонкинов на ирокезов часто происходили на «его» территории.

К началу формирования союза с ирокезами и периодическим спорам о земле добавлялись, усиливая напряжение между англичанами и французами, устоявшиеся пуританские стереотипы. С самого основания колоний англичане считали, что французы (католики) и индейцы (дьяволопоклонники) тесно связаны между собой — настолько, что некоторые французы настолько одичали, что Коттон Мэзер описывал вторгшихся в 1690 г. в Новую Англию как «наполовину офранцузившихся индейцев, наполовину одичавших французов»⁵⁰⁶. Французы продавали индейцам огнестрельное оружие (действительно продавали), что свидетельствовало либо об их крайней непредусмотрительности, либо о существовании коварного заговора против истинных христиан. Католические миссионеры обращали индейцев в свою дьявольскую веру, пародирующую христианство — опять-таки, видимо, с целью навредить избранникам Божиим. Естественно, французы в любой момент могли натравить своих диких «друзей» на англичан — что вскоре и произошло. Интересно, что даже когда речь идёт о более поздних колониальных войнах, индейцам совершенно отказывают в самостоятельности политики — любое нападение индейцев из Канады обязательно инспирировали французы, сами же индейцы не то что из политических соображений нападать не могут, даже собраться и отомстить за потерянные земли и убитых товарищей не в состоянии. На самом деле союз индейцев с французами далеко не всегда подразумевал право французов

⁵⁰⁶ Mather C. Magnalia Christi Americana. Hartford, 1853. P. 595.

«приказывать», да и «натравливали» они индейцев редко, и возможностей для этого было не так много — большинство индейских атак даже с участием французов организовывались самими индейцами из разных, но почти всегда «внутренних» побуждений, что весьма доходчиво показали Эван Хэфели и Кевин Свини⁵⁰⁷. Тем не менее такая гремучая смесь из разумных опасений (союз индейцев и французов существовал и взаимопомощь его участники действительно проявляли немалую), стереотипов и дремучих суеверий (чего стоит «французско-индейский след», который многие участники событий усматривали в деятельности Салемских «ведьм» в 1692⁵⁰⁸) в умах пуритан не способствовала мирным отношениям английских и французских колоний.

Внешние воздействия на Новую Англию не ограничивались взаимодействиями с другими североамериканскими колониями. Рост английской торговли через Атлантику усилил Новоанглийские колонии, укрепив связи не столько даже с метрополией, сколько с колониями Карибского бассейна — Новая Англия стала частью торговых отношений, в которых метрополия участвовала лишь опосредованно, и со временем эти отношения только окрепли. Метрополия сыграла свою роль и в отношениях с индейцами. Мы уже упоминали основание Род-Айленда — при активном участии, или по меньшей мере одобрении, наррагансеттов. Основатели Род-Айленда пытались легитимизировать своё владение с помощью наррагансеттов. В начале 1660 наррагансетты решили воспользоваться тем же приемом — утвердить своё право на землю в глазах англичан, обратившись к «третьей силе» — каковой была в данном случае королевская власть. В 1663 г. наррагансетты получили королевское подтверждение своего права владеть землей⁵⁰⁹. Позже и другие индейцы апеллировали к королевской власти в спорах с

⁵⁰⁷ Haefeli E., Sweeney K. Revisiting The Redeemed Captive: New Perspectives on the 1704 Attack on Deerfield // After King Philip's War. Pp. 29-71.

⁵⁰⁸ Le Beau B. Philip, English and the Witchcraft Hysteria // Historical Journal of Massachusetts, Vol. 15 No. 1. January, 1987. Pp. 1-20.

⁵⁰⁹ Mandell D.R. King Philip's War: the Conflict over New England. New York: Chelsea House, 2007.

колонистами. Так, в 1669 г. сахем ниантик Нинигрет был обвинен властями Род-Айленда в заговоре против англичан. Он утверждал что невиновен — и, что интересней, считает себя подданным английского короля, также как англичане-колонисты. Более того, как подданные одного короля, англичане и его «племя» обязаны были помогать друг другу, в том числе и во время войны — сахем явно пытался использовать власть короля в своих интересах⁵¹⁰. Когда англичане требовали дани от сахемов наррагансеттов, те отвечали, что заплатят самому королю и никому другому, и уж точное не колонистам⁵¹¹. Индейцы начали активно апеллировать к королевской власти в 1660-х, незадолго до войны Короля Филиппа. До этого такие обращения, даже если индейцы и решили бы к ним прибегнуть, не принесли бы результата — власти метрополии были слишком заняты, чтобы уделять внимание Новой Англии.

Конфликт королевской власти и праламента, начавшийся в середине 1620-х, продолжался. Не желая сзывать Парламент, Карл I вводил новые налоги и возвращал старые, давно не собиравшиеся. Эти меры вызывали возмущение в обществе, но оно было несравнимо с возмущением, которое вызывала религиозная политика Карла. Его поддержка Высокой англиканской церкви возмущала пуритан, ещё больше их возмущало преледование политических противников короля, и совершенно нетерпима для них была политика принудительно «английтканизации» пуритан, в том числе принудительно участие в англиканском богослужении. Эти меры, постепенно вводившиеся на протяжении 1630-х стали одной из основных причин «Великого переселения».

Для многих пуритан — и не только пуритан — далекая и спокойная Новая Англия казалась безопасным убежищем, где можно, укрыться от политических бурь. Многие лидеры пуритан заранее готовили себе убежища в Новой Англии, просто «на всякий случай» — что лучше всего иллюстрирует царившую в Англии

⁵¹⁰ Records of the Colony of Rhode Island and Providence Plantation, in New England. Vol. 2. Providence, 1856. P. 270.

⁵¹¹ Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York. Vol. 3. Albany, N.Y., 1853. P. 182.

неуверенность в завтрашнем дне. В частности, колония Коннектикут и конкретно форт Сэйбрук были основаны как убежище для богатых и влиятельных пуританских лордов (Брук, Сэй и Сэле и др.). В итоге, правда, побывал там лишь один из них, Фенвик.

Но по настоящему колонисты вынуждены были задуматься о том, что же значат для них, не собирающихся уже возвращаться в Англию, тревожнения на родине, во время Пекотской войны. Пусть по европейским стандартам конфликт этот сложно назвать масштабным, для колонистов Пекотская война была самой настоящей войной — со всеми сопутствующими ей страхами и неуверенностью. Их поселения атаковали орды кровожадных дикарей, мирные фермеры погибали от рук индейцев, женщин утаскивали в плен, поля и сады сжигали и разграбляли. А что же друзья и помощники на родине, обещавшие всеми силами помогать колонии, и богатые и влиятельные лорды-пуритане, так горячо поддерживающие «Град на Холме»? Что же, в конце концов, королевская власть, которая обязана защищать своих подданных? Друзья, покровители и правители были заняты. У них не было ни времени, ни ресурсов, ни желания вникать в ссору колонистов с какими-то местными дикарями, которые что-то там где-то там сожгли и кого-то там похитили. Пожалуй, именно в этот момент колонисты осознали, насколько одиноки в окружающей их «пустоши» — когда дикая пустошь ополчилась против них, справляться пришлось своими силами. К чести их надо сказать, колонисты забыли о своих внутренних противоречиях, о грызне за долину Коннектикута, о конкуренции в Мэне, о том, что губернатор Массачусетса нагло врал губернатору Плимута, защищая финансовые интересы Бостонских купцов, и справлялись с опасностью сообща — заложив основы Конфедерации Новой Англии.

Формально Конфедерация Новой Англии была создана только в 1643, через несколько лет после окончания Пекотской войны. На деле колонии объединились во время этого конфликта. Плимут, Массачусетс, Сэйбрук и Коннектикут воевали

вместе — с общим ополчением, снабжением и командованием. Вскоре колония Сэйбрук перестала существовать, слившись с колонией Коннектикут⁵¹², зато к Конфедерации присоединился Нью-Хэйвен⁵¹³, также со временем — ещё до войны короля Филиппа — присоединившийся к Коннектикуту⁵¹⁴.

Конфедерация времен Пекотской войны была организацией сугубо практической. Обязательства сторон были слабо формализованы и касались в основном количества поставляемой провизии. Сиюминутная и практическая сущность этого союза очевидна даже стилистически — не стали бы пуритане, прекрасно осознающие торжественность любого «исторического» момента, включать в официальный документ, написанный для потомков в той же степени что и для современников, обязательство отдельных поселений Коннектикута предоставить героическому воинству «пятьдесят свинины, тридцать фунтов риса и четыре больших сыра», и уж точно не стали бы оговаривать необходимость снабжения ополчения пивом⁵¹⁵. Тем не менее, со своей задачей объединение колоний справилось — совместными усилиями пекоты были побеждены. Если бы речь шла об одном конфликте, на этом история конфедерации и закончилась бы.

Но в 1640-х обстановка в Англии стала ещё более нестабильной. Война с Шотландией, восстание в Ирландии в 1641 г., непрекращающийся конфликт короля с Парламентом — Англия неуклонно двигалась к гражданской войне. А среди пуритан циркулировали слухи, что король поддерживает восставших католиков в Ирландии и готовится чуть ли не вернуть католическую церковь в Англию. Все эти противоречия вылились наконец в открытый конфликт летом 1642 г.

Один раз уже оказавшись без всякой поддержки во время войны, колонисты, осведомленные о событиях на родине, понимали, что и в дальнейшем помощи из

⁵¹² The Winthrop Papers, vol. 3. Boston: Massachusetts Historical Society, 1871. Pp. 281-82; Black R.C. The Younger John Winthrop. New York: Columbia University Press, 1966. Pp. 96-97.

⁵¹³ Bradford W. Op.Cit. P. 416.

⁵¹⁴ Andrews C.M. The Colonial Period of American History: The Settlements. New Haven: Yale University Press, 1964. Pp. 187-94.

⁵¹⁵ Public Records of the Colony of Connecticut. Hartford, 1850. Vol. 1. Pp. 9-10.

Англии ждать нечего, а опасность нападения «дикарей» никуда не делась. Так что в 1643 колонии объединились уже официально — с подписанием «статей конфедерации»⁵¹⁶ и созданием соответствующего выборного управляющего органа. Что особенно важно — без одобрения метрополии. Собственно говоря, власти в метрополии даже узнали о существовании этого военного альянса далеко не сразу. Мы не станем говорить о столь раннем зарождении идей независимости, но заметим, что уже в начале 1640-х колонии Новой Англии не колеблясь берут на себя всю ответственность за собственную безопасность, снимая таким образом часть ответственности с метрополии — а следовательно снимая с себя часть обязанностей по отношению к метрополии, и добровольно ослабляя свою связь с ней. Заметим, что Виргиния, к примеру, с началом англо-поухатанской войны немедленно запросила помощи, а главное совета — как быть дальше и что же делать с индейцами — у метрополии⁵¹⁷. Новая Англия защищалась сама, но и мирный договор подписывала сама, и решала, что делать с побежденными сама. Свободолюбие основателей Новой Англии стало частью мифологии основания Америки. С самого начала колонии устраивали свою жизнь на свой вкус. Прямо об этом говорят редко, но негласно принято считать, что с самого начала существования колоний Новой Англии отважные пилигримы не слишком интересовались мнением метрополии, которая всегда была этакой злобной мачехой, всячески ставящей палки в колеса несчастной свободолюбивой Новой Англии. Это, конечно, не так. Новая Англия зависела от метрополии не меньше, а то и больше, чем Виргиния. Метрополия снабжала всем необходимым, метрополия выдавала патенты на владение землей, из неё приезжали новые поселенцы. На метрополию, на богатую и влиятельную её часть, был направлен неослабевающий поток новоанглийской пропаганды. Речь идет, наверное, не столько о стремлении к

⁵¹⁶ Bradford W. Op.Cit. P. 416; Статьи Конфедерации также доступны на сайте Йельского университета, URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/art1613.asp (accessed: 15.11.2016)

⁵¹⁷ Подробнее об индейской политике в Виргинии см. Cave A. Lethal Encounters.

независимости, сколько о готовности к ней. Пилигримов Плимута подготовила к ней жизнь в Голландии⁵¹⁸, пуритан Массачусетса — жизнь полуподпольных религиозных диссидентов⁵¹⁹. Они были англичанами, считали себя англичанами и рады были существовать в рамках английского мира — но при необходимости могли обходиться и своими силами. В конце концов, в Новом Свете они строили свою утопию — которая была не столько Новым Иерусалимом, сколько идеализированной и обновленной Англией. И какие бы независимые решения колонисты не принимали, эта связь с Англией существовала, и существовала ещё долго. Возможно, именно поэтому руководство колоний так медлило с «юридическим» закреплением Конфедерации — ожидая возможного мирного разрешения конфликтов на родине. И статьи конфедерации — документ, ставший, по мнению некоторых исследователей, основой других, куда более известных Статей Конфедерации — были подписаны только в 1643⁵²⁰, когда по настоящему разгорелась гражданская война в Англии. Революция по другую сторону Атлантики дала толчок развитию независимости колоний — куда более важный, чем любые религиозные и идеологические представления пуритан и всё их свободолюбие.

Естественно, создание конфедерации само по себе не прекратило конфликтов между колониями — союз то был исключительно на случай войны. Споры и конкуренция никуда не исчезли. Более того, альянс, созданный для общей безопасности со временем начал использоваться в политических целях — власти Массачусетса не стеснялись использовать членство других колоний в Конфедерации для давления на них. Коннектикут был вынужден отправить войска в Мэн под давлением губернатора Массачусетса⁵²¹. В 1677 Плимут вынужден был участвовать в борьбе с индейцами в Мэне — то ли недобитыми сторонниками Филиппа, то ли

⁵¹⁸ См. подробнее: Demos J. *A Little Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Bunker N. *Making Haste From Babylon. The Mayflower Pilgrims and their world: A New History*. London: Pimlico, 2011.

⁵¹⁹ См. подробнее Adair J. *Founding Fathers: The Puritans in England and America*. London: Baker Publishing Group, 1982. Acheson R.J. *Radical Puritans in England, 1550-1660*. New York: Longman, 1990.

⁵²⁰ Bradford W. *Op.Cit.* P. 416.

⁵²¹ Drake J.D. *King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676*. P. 166.

абенками, хотя ресурсы колонии были истощены, непосредственного интереса у Плимута не было, компенсации от Массачусетса Плимут не получил, индейцев, по убеждению совета Плимута, спровоцировали колонисты Массачусетса, а входит ли Мэн в «юрисдикцию» Конфедерации было не совсем понятно⁵²². Помимо военного сотрудничества, Статьи конфедерации требовали взаимной выдачи беглых сервентов и преступников, а конфедерация в целом должна была стать ареной для решения споров между колониями⁵²³ — впрочем, ни одна из этих целей не была достигнута.

Тем не менее, хотя бы в случае войны с индейцами колонии Новой Англии выступали единым фронтом, и представляли собой довольно значимую в масштабах колоний военную силу. С Конфедерацией же связан и первый случай неповиновения властям метрополии. В 1654 Массачусетс отказался участвовать в Англо-Голландской войне, за ним последовали и остальные колонии. Новая Англия, несмотря на все свои внутренние противоречия, всё больше становилась единым целым. Важно, что речь идёт не только о колонистах. Мы уже говорили о безуспешных попытках индейцев интегрироваться в колониальное сообщество и упоминали о — зачастую значительно более успешных — союзниках англичан. Но процесс консолидации сообщества не ограничивался этими тенденциями. Другие формы консолидации менее очевидны — для нас, по крайней мере. В очередной раз мы сталкиваемся с «исчезновением» индейцев из традиционного колониального нарратива. Сосуществование с индейцами должно было быть значительно более тесным, чем принято считать уже в первые годы после основания колоний, но авторы «больших» пуританских источников предпочитали об этом не говорить — об этом мы также упоминали. К счастью, в межвоенный период нам на помощь приходят документы, наглядно демонстрирующие как много индейцев было среди англичан и как тесно сосуществовали две культуры. Индейцы пока ещё присутствуют в документах, но совершенно исчезают из нарратива — Хаббард,

⁵²² Ibidem

⁵²³ Bradford W. Op.Cit. P. 416.

Чёрч, Мэзеры и другие авторы, писавшие историю Новой Англии, уже о них не упоминают. Индейцы отдельно, колонисты отдельно — таков образ Новой Англии межвоенного (и послевоенного, но об этом позже) периода в литературе.

А вот документы (records) колоний рисуют совсем другую картину. О постоянном близком присутствии индейцев говорит и постоянное наращивание военной мощи колоний — тренировка ополчений, привлечение офицеров из Европы и т.п. Но ещё красноречивей записи о повседневной жизни и законодательство колоний. Англичане сочли нужным законодательно запретить индейцам входить в английские дома без стука; сформулировать своё отношение и законодательную базу индейско-английских браков; запретить индейцам шуметь в городе по субботам во время церковной службы⁵²⁴. Присутствие где-то на периферии колоний враждебных дикарей не требовало ничего из перечисленного. И дело не ограничивалось законодательными запретами. Индейцы, живущие в английских городках служили в ополчении; Индейцы, наравне с охотниками-англичанами, получали плату за отстрел волков⁵²⁵. В Дэдхеме индеец по имени Эфраим платил налоги и участвовал в строительстве дороги и молитвенного дома (“meeting house”) наравне с англичанами⁵²⁶. Индейцы часто работали на англичан — в качестве домашних слуг, батраков, наемных охотников⁵²⁷ (даже печатником у Джона Эллиота был, как уже упоминалось, индеец⁵²⁸). Часть этих работников, возможно, была пленниками. Вспомним, что пекоты как племя практически перестали существовать — в то время как потери во время войны, хоть и значительные, всё же не составляли целого племени. Часть пленных отправилась к мохеганам и наррагансеттам — где,

⁵²⁴ Massachusetts Colonial Records, 3:7, 1:140; Plymouth Colony Records, 11:66, 184.

⁵²⁵ Massachusetts Colonial Records, 3:397; 4:86, 257; 2:85, 103, 252.

⁵²⁶ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 42; The Early Records of the Town of Dedham, Massachusetts, Vol. 4. Dedham, 1894. Pp. 170, 208, 210, 212.

⁵²⁷ Salisbury N. Social Relationships on a Moving Frontier: Natives and Settlers in Southern New England, 1638-1675 // *Man in the Northeast*, 33 (1987): P. 90; Marshall J.M. Melancholy People: Anglo-Indian Relations in Early Warwick, Rhode Island, 1642-1675 // *New England Quarterly* (Sept. 1995). Pp. 402-29.

⁵²⁸ Moore M. *Memoirs of the Life and Character of rev. John Eliot*. Boston: Flagg & Gould, 1822. P. 133; Drake S.G. *Book of the Indians*. Pp. 50-51; Amory H. *First Impressions: Printing in Cambridge, 1639-1989*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 41.

вероятно, были со временем включены в племя, как обычно происходило с пленниками у индейцев⁵²⁹. Часть была продана в рабство на Карибы — именно продажа захваченных во время Пекотской войны индейцев положила начало работорговле в Новой Англии, составившей одну из основ благосостояния региона в следующем веке⁵³⁰. Единицы вернулись на родные земли. Остальные же были выкуплены местными колонистами, со скидками тем, чье имущество больше всего пострадало во время войны⁵³¹. Но даже если бы всё племя пекотов в полном составе осталось в качестве слуг в колониях, общего количества работников-индейцев это не объяснило бы. Тем более, что рабам-пленникам вряд ли полагалась зарплата, а большинству слуг-индейцев, а тем более батракам и охотникам всё же платили. Судить о точном количестве индейцев, постоянно контактирующих или даже живущих с англичанами, сложно, но судя по всему уже к концу Пекотской войны даже вне молитвенных поселений, индейцы присутствовали в жизни колонистов постоянно. Мы уже говорили, что благодаря повсеместному распространению вампума и важности для колоний торговли с индейцами — как мехом, так и продуктами питания — экономика индейцев и колоний была в сущности единой. Кажется, что и в повседневной жизни индейцы и колонисты существовали как одно сообщество, и провести точную границу — вот здесь кончается колония и начинается территория индейцев — попросту невозможно. Это верно для периода до Пекотской войны, и это тем более верно для межвоенного периода. Эта близость постепенно изменила восприятие индейцев колонистами — они, конечно, остались

⁵²⁹ A Companion To American Indian History. Malden, Mass.: Blackwell, 2001; Richter D. War and culture: the Iroquois experience // William and Mary Quarterly, 3d series, 40, 1983. Pp. 528-59; Richter D. The ordeal of the longhouse. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992. Pp. 32-3, 148; Trigger B.C. The children of Aataentsic. Kingston: McGill-Queen's University Press, 1987. P. 103; Merrell J.H. The Indians' New World. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989. P. 121.

⁵³⁰ Fickes M.L. They Could Not Endure That Yoke: The Captivity of Pequot Women and Children after the War of 1637 // New England Quarterly, vol. 73, no. 1. (Mar., 2000). Pp. 58-81; Boissevain E. Whatever Became of the New England Indians Shipped to Bermuda to be Sold as Slaves // Man in the Northwest, 11 (Spring 1981). Pp. 103-114; Kupperman K.O. Providence Island, 1630-1641: The Other Puritan Colony. Cambridge: Harvard University Press, 1993. P. 172; Wood B. Origins of American Slavery. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997. Pp. 94-95, 103; Wood B. Slavery in Colonial America, 1619-1776. New York: Rowman & Littlefield, 2005. P. 13.

⁵³¹ Mason J. A Brief History of the Pequot War. P. 39; подробнее см.: Newell M.E. Brethern by Nature. New York: Cornell University Press, 2015. Pp. 108-109.

«дикарями», но англичане всё чаще воспринимали их как «подданных» — формально подданных короля, а по факту — подданных колониальных властей. Постоянное присутствие индейцев в жизни колонистов этому только способствовало. Если во время и сразу после Пекотской войны высказывались опасения не нарушили ли колонисты «международные законы», а договоры с индейцами заключались как с независимыми народами⁵³². А вот война короля Филиппа уже воспринималась как «восстание», а сам Филипп — как «государственный изменник»⁵³³. Индейцы наконец заняли определенное место в колониальном обществе — но вовсе не место равноправных партнеров, на которое рассчитывали те из них, кто осознанно старался в это общество влиться.

Такое тесное сосуществование культур стало возможным не только благодаря стремлению индейцев поддерживать мирное сосуществование в рамках сообщества — хотя оно и играло важную роль. Частично оно было возможно благодаря, как это ни удивительно, сходству политической культуры индейцев и колонистов. В нашем этнографическом обзоре мы уделили немало внимания различиям, в том числе и политическим, между двумя культурами. Тем не менее, готовность индейцев использовать инструменты политики колонистов — в том числе обращаться к королевской власти — говорит о том, что в политической культуре англичан и индейцев всё же было что-то общее. Рискнём даже сказать, что сходство это касается политической культуры англичан, но не всех европейцев. Хотя до эпохи просвещения «официально» оставалось ещё несколько десятилетий, англичанам была вполне знакома концепция, если не теория, общественного договора. Как отмечает Ричард Бушман, политическая культура Англии строилась на взаимных обязательствах — в самом простом случае, подчинение в обмен на защиту — и

⁵³² Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 112; Vaughan A.T. From White Man to Redskin: Changing Anglo-American Perceptions of the American Indian // *American Historical Review*, 87 (Oct. 1982). Pp. 917-53.

⁵³³ Calendar of State Papers, Colonial Series, America and the West Indies. Vol. 9. London, 1893. Pp. 109, 317; Harris W. A Rhode Islander Reports on King Philip's War: The Second William Harris Letter of August, 1676. Providence: Rhode Island Historical Society, 1963. P. 20.

подразумевала возможность расторжения общественного договора при нарушении одной из сторон своих обязательств⁵³⁴. Для пуритан в особенности ковенант, соглашение было основой общественной структуры — ковенант человека с богом как основа общества, и ковенант между людьми как организующее начало. Ключевым элементом ковенанта при этом — заключается он по доброй воле обоих участников⁵³⁵. Даже заключая ковенант с королевской властью, чтобы обезопасить себя от посягательств других колоний, власти Род-Айленда исходили из того же принципа — верность королю в обмен на его защиту.

Отчасти сходным образом формировалась и власть у индейцев — через взаимные обязательства сахема и «подданных». Соглашения между группами, создающие отношения подчинения, также заключались на основе взаимных обязательств, скрепляемых дарами⁵³⁶. Эта общность позволила индейцам участвовать в политике колоний и договариваться с колониями на некоторой общей основе — которую признавали и колонисты. При всей неприязни к индейцам, если колонисты принимали на себя определенные обязательства, заключая ковенант, пусть даже и с дикарями, они их соблюдали. Когда индейцы массачусетс обратились к властям колонии с просьбой о защите от наррагансеттов, колонисты признали свои обязательства по отношению к «подданным» индейцам, и право индейцев не соблюдать соглашение, если обещанная защита не будет предоставлена⁵³⁷. Колонисты помогали своим союзникам, в первую очередь мохеганам, в строительстве фортификаций, посылали вооруженные отряды в порядке демонстрации силы по просьбе своих союзников, и т.п.⁵³⁸. Сахемы индейцев

⁵³⁴ Bushman R.L. *King and People in Provincial Massachusetts*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992. Pp. 14, 37.

⁵³⁵ Breen T.H. *Character of a Good Ruler*. Acls History E-Book Project, 2008. P. 47; *Massachusetts Colonial Records*. Vol. 4. Pp. 25, 26.

⁵³⁶ Hauptman L.M., Wherry J.D. *Pequots in Southern New England*. Norman: University of Oklahoma Press, 1993. Pp. 48-64; Salisbury N. *Manitou and Providence*, Pp. 147-65; Speck F. *The Functions of Wampum Among the Eastern Algonkian* // *American Anthropological Association Memoirs*, 6 (1919). Pp. 3-71; подробнее см.: White R. *The Middle Ground*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

⁵³⁷ *Massachusetts Colonial Records*. Vol. 2. P. 72.

⁵³⁸ *Ibidem*

пользовались, как уже неоднократно отмечалось, союзами с англичанами для достижения своих целей — и умение сотрудничать с колонистами лишь увеличивало их авторитет среди соплеменников⁵³⁹.

В межвоенный период с одной стороны укрепилось сотрудничество и взаимопроникновение культур колонистов и индейцев. Индейцы предпринимали попытки влиться в колониальное сообщество принимая христианство, работая на англичан или занимая «промежуточное» положение посредников между двумя культурами. Сходство базовых установок политической культуры, общность экономики и стремление индейцев поддержать мирное сосуществование с колонистами обеспечило относительное спокойствие в развитии сообщества Новой Англии. Консолидация колоний, вызванная гражданской войной в Англии, также способствовала развитию взаимодействий с индейцами. В то же время жестокость колонистов во время Пекотской войны и вызванный ей страх, а также расширение колоний и всё более активное пренебрежение правами индейцев вызвали до поры до времени скрытый рост напряжения между культурами. Изменения в экономике Атлантического мира подорвали баланс сил в Новой Англии и привели к началу конфликта алгонкинов с ирокезами и зарождению союза англичан с ирокезами. В этих изменившихся условиях напряжение между колониями и индейцами вырывалось на поверхность и вскоре вылилось в открытые противоречия.

В третьей главе мы проанализировали изменения в отношениях между индейцами и колонистами в межвоенный период.

Расширение английских колоний, начавшееся с заселения англичанами долины Коннектикута, продолжилось, и даже ускорилось, благодаря постоянному притоку новых поселенцев из Англии. Хотя сами колонисты не хотели этого признавать —

⁵³⁹ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 53.

почему об этом практически не упоминают источники — косвенные свидетельства позволяют заключить, что соседство с индейцами существенно повлияло на сам процесс расширения колоний. Места новых поселений выбирались с учетом перспектив торговли с индейцами, а для переселения часто использовались тропы, обеспечивавшие связь между индейскими поселениями на протяжении веков.

Индейцы стремились продолжить мирное сосуществование с колонистами, сложившееся до Пекотской войны. Они предпринимали попытки влиться в колониальное сообщество принимая христианство, работая на англичан или занимая «промежуточное» положение посредников между двумя культурами. По крайней мере некоторые индейцы поддерживали весьма тесное сотрудничество с колонистами — настолько, что потребовались законы, регламентирующие смешанные браки и т.п. Об этом авторы источников также стараются не упоминать.

Сходство базовых установок политической культуры, общность экономики и стремление индейцев поддержать мирное сосуществование с колонистами обеспечило относительное спокойствие в развитие сообщества Новой Англии, несмотря на экспансию колоний. Консолидация колоний, вызванная гражданской войной в Англии, также способствовала развитию взаимодействий с индейцами — понимая, что помощи из Англии не будет, колонисты стремились собрать возможных союзников и укрепить своё господствующее положение в отношении «подчиненных» им групп. Отношения с коренным населением продолжали играть значительную роль в жизни колоний.

В то же время жестокость колонистов во время Пекотской войны и вызванный ей страх, а также расширение колоний и всё более активное пренебрежение правами индейцев вызвали до поры до времени скрытый рост напряжения между культурами. Внешние факторы влияли и на внутрииндейскую политику. Изменения в экономике Атлантического мира подорвали баланс сил в Новой Англии и привели к началу конфликта алгонкинов Новой Англии с ирокезами и зарождению союза последних с

англичанами. В этих изменившихся условиях напряжение между колониями и индейцами вырывалось на поверхность и вскоре вылилось в открытые противоречия.

ГЛАВА 4. ВОЙНА КОРОЛЯ ФИЛИППА (1675-1676 ГГ.)

Тело утонувшего Джона Сассамона была обнаружено в феврале 1676, подо льдом замерзшего пруда недалеко от его дома. Его спешно похоронили. Но слухи о смерти Сассамона не утихали — и среди индейцев, и среди колонистов шептались, что Сассамон был убит. Наиболее вероятным подозреваемым был Филипп, вернее кто-то из его сторонников. Убийство Сассамона заставило руководство колоний наконец задуматься, насколько правдивы были его обвинения против Филиппа. В конце февраля Филипп добровольно явился в суд — хотя судьи подозревали, что он и впрямь готовится к войне, никаких доказательств у них не было. Так что Филипп был отпущен «дружески»⁵⁴⁰, в надежде, что раскрытие его планов заставит его от них отказаться. Убийство Сассамона требовало расследования, но никаких «зацепок» у колониальных властей не было, хотя они и «допросили многих индейцев»⁵⁴¹ — пока вдруг не объявился свидетель. «Молящийся» индеец по имени Патуксон утверждал, что видел как трое приближенных Филиппа — Маттасунанамо, Тобиас и Вампакуан, убили Сассамона и сбросили его тело в реку⁵⁴². Все трое были арестованы и на следующем регулярном заседании суда, в июне, дело об убийстве Сассамона наконец было рассмотрено. Присяжными выступали двенадцать колонистов и шестеро индейцев⁵⁴³. Впрочем, включение в состав суда присяжных индейцев кажется нам показательным жестом, призванным успокоить наиболее агрессивно настроенных сторонников Филиппа, не более того. В конце концов, даже если бы все присяжные-индейцы считали нужным оправдать подсудимых, а колонисты — осудить, по количеству голосов всё равно выиграла бы колонисты. Не говоря уж о том, что в состав присяжных вошли «дружественные» англичанам

⁵⁴⁰ Acts of Comissioners of the United Colonies of New England // Plymouth Colonial Records (1675). Vol. 10. Pp. 362-364. Цит. По: Kennedy D. The American Spirit: United States History as seen by contemporaries. P. 36.

⁵⁴¹ Ibidem.

⁵⁴² Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 2. Hartford, 1858.

⁵⁴³ Ibidem

индейцы, вероятно из числа жителей молельных городков. Патуксон, выступил в качестве свидетеля, рассказав, что притаившись недалеко от места происшествия видел убийство Сассамона, и более того — тут же рассказал о нём другому «молящемуся» индейцу, Уильяму Нахаутону⁵⁴⁴. Почему он не пришёл к властям раньше и ждал несколько месяцев, прежде чем связаться с колониальным судом — наши источники умалчивают, а возможно умолчал и сам Патуксон. Нахаутон подтвердил его слова, хотя так же не объяснил, почему не пошёл в суд немедленно. Кроме того, обследование коронером⁵⁴⁵ показало, что у эксгумированного Сассамона сломана шея, как если бы её целенаправленно «выкрутили», а нашедшие тело индейцы показали, что из легких утонувшего, когда они извлекали тело из пруда, не выливалась вода — что возможно, если в пруд он попал уже мертвым. На теле были обнаружены и другие «ранения»⁵⁴⁶. Впрочем, к этим выводам стоит относиться осторожно — тело сперва провело почти месяц в воде, а после пролежало ещё почти полгода в могиле. Несмотря на суровый климат, вечной мерзлоты в Новой Англии нет. Коронер же — вероятно, кто-то из умеренно квалифицированных медиков из числа колонистов — вряд ли может считаться квалифицированным специалистом по судебной медицине. Судя по всему, понимали это и судьи, так что главное свидетельство обвинению «предоставил» Суд Божий. Одного из обвиняемых, Тобиаса, подвели к телу, которое начало кровоточить «как будто он был убит лишь недавно»⁵⁴⁷. Эксперимент повторили ещё дважды, с тем же результатом. Можно было бы предположить, что хитрые колонисты надеялись таким образом убедить суеверных присяжных-индейцев, если бы у индейцев вообще существовала традиция «Божьего суда». Но такой традиции у них не было, а вот сами пуритане нечто подобное вполне могли использовать и в сугубо «внутренних» судебных процессах

⁵⁴⁴ Mather I., Mather C. The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather And History of the same War by rev. Cotton Mather. P. 48.

⁵⁴⁵ Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 2. P. 560.

⁵⁴⁶ Ibidem

⁵⁴⁷ Ibidem

— вспомним, опять же, Салемскую охоту на ведьм. Вопрос кто же убил Сассамона и убивали ли его вообще остается открытым и по сей день. Квакер Джон Истон, губернатор Род-Айленда, писал, что говорил с «надежными и непредвзятыми в этом деле индейцами», которые убеждали его, что индейцы если и совершали убийства, не скрывали их, предпочитая обычно заплатить виру семье убитого, и вообще Нахаутон, пастор одного из молельных городков, просто хотел угодить англичанам, обвинив Филиппа, Сассамон же утонул случайно, а горло его повредил лед, когда он пытался выбраться из воды⁵⁴⁸. Впрочем, квакер Истон не жаловал пуритан, отношения Род-Айленда с остальными колониями оставались напряженными, и если можно заподозрить индейцев в желании опорочить Филиппа (в случае Нахаутона) или оправдать его (в случае собеседников Истона), то и Истона можно подозревать в стремлении выставить пуритан жестокими и несправедливыми. Приходится признать, что кто же на самом деле убил Джона Сассамона мы так и не узнаем. В историографии высказывались различные, зачастую противоположные версии. Самая логичная, из всех версий именно убийства — как раз официальная. У сторонников Филиппа, действительно, как покажут последующие события, готовившегося к войне, были все основания попытаться «заткнуть рот» Сассамону. Мог он стать жертвой предрассудков против христиан среди радикально настроенных соплеменников — впрочем, о такой явной агрессии против христиан со стороны других индейцев нам больше ничего не известно. Выгодна его смерть была и противникам Филиппа, если те надеялись, что конфликт начнется, пока он и его союзники не готовы. Ну и не стоит забывать, что Сассамон был уже немолод, а провалившись под лёд выбраться без посторонней помощи не всегда удается и физически крепким и здоровым людям. Так что версию о несчастном случае тоже нельзя списывать со счетов.

Кто бы ни убил Сассамона, многие исследователи подозревали колонистов в

⁵⁴⁸ Narratives of the Indian Wars, 1675-1699. NY, 1913. Pp. 7-17.

предвзятости и стремлении использовать суд над убийцами Сассамона как предлог для начала агрессии против Филиппа и его союзников⁵⁴⁹. Якобы дело «шито белыми нитками», что случилось с Сассамоном неизвестно, а хитрые пуритане нашли удачный повод обвинить Филиппа, даже в присяжные для виду позвали своих «ручных» индейцев. Такая интерпретация событий, конечно, возможна, и Филипп безусловно вызывал у англичан опасения. Но обвинение и казнь советников Филиппа как средство оправдания агрессии кажется маловероятным. В первую очередь, потому что если англичане действительно хотели войны, они могли бы найти множество других предлогов, не требующих таких сложностей, как организация судебного процесса, поиск свидетелей, коронерское освидетельствование давно похороненного тела, и так далее. В конце концов, если бы колонисты хотели войны, они могли бы задержать или даже убить Филиппа ещё в феврале, когда он добровольно явился в Плимут. Как мы уже видели, этого не произошло — более того, его отпустили, несмотря на подозрения, как раз с целью избежать конфликта. Да и набирать, пусть и для виду присяжных-индейцев для разжигания конфликта не требовалось, как раз наоборот. Казнь предполагаемых убийц Сассамона стала поводом к войне короля Филиппа, но видеть в ней сознательную попытку развязывания войны со стороны колонистов, а следовательно и возлагать на них вину за начало войны, на наш взгляд, оснований нет.

Так или иначе, присяжные единогласно приговорили обвиняемых к смерти, и 8 июня те были казнены⁵⁵⁰. Всего через три дня, 11 июня войны Филиппа уже собрались неподалеку от Плимута, а 24 они атаковали Свонси, убив девять колонистов⁵⁵¹. Через два дня случилось лунное затмение — его наблюдали в том числе ополченцы, отправленные из Бостона в Свонси. Они потом утверждали, что

⁵⁴⁹ Miller D.R. The Forced Removal of American Indians from the Northeast. Jefferson, N.C.: McFarland & Company, 2011. P. 25; подробнее см. Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest.

⁵⁵⁰ Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 2. P. 560.

⁵⁵¹ Acts of Commissioners of the United Colonies of New England // Plymouth Colonial Records (1675). Vol. 10. Pp. 362-364. Цит. По: Kennedy, D. The American Spirit: United States History as seen by contemporaries. P. 36.

когда затмение уже кончалось, видели на небе темное пятно в форме не то индейского скальпа, не то индейского же лука. Недоброе знамение это предвещало долгую и кровопролитную войну. Впрочем, в тот момент, через три недели после казни «убийц» Сассамона, и без знамений было очевидно, что война, вскоре названная войной короля Филиппа, уже началась.

КОРОЛЬ ФИЛИПП И ЕГО СОЮЗНИКИ. ФОРМИРОВАНИЕ ИНДЕЙСКОГО СОЮЗА ПРОТИВ АНГЛИЧАН

К началу войны короля Филиппа против англичан выступал вполне сложившийся союз нескольких индейских племён. В этом разделе мы рассмотрим процесс формирования этого союза.

Сразу оговоримся, что подготовка к войне велась втайне от англичан, и хотя позднее колонисты узнали о ней, в источниках по понятным причинам отражено далёко не всё. Мы не можем даже точно сказать, когда именно начались переговоры о создании союза.

К примеру, говоря о начале войны короля Филиппа Мэзер упоминает «непорядки»,⁵⁵² которые Филипп устраивал в 1671 г., о непосредственной подготовке к войне же он говорит: «он вооружил своих людей, и отослал их женщин, и принимал у себя многих индейцев, собравшихся с разных концов страны, и начал волнения».⁵⁵³ Автор «Хроники» пересказывает даже генеральный план индейцев «атаковать всем разом, как одному человеку, все поселения англичан рядом с ними»⁵⁵⁴ — но о плане этом англичане узнали из недавно полученных показаний пленников — то есть уже во время войны, или даже после неё⁵⁵⁵. До этого же Филипп просто начал «планировать»⁵⁵⁶ выступление, но как именно это

⁵⁵² Mather I., Mather C. The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather And History of the same War by rev. Cotton Mather. P. 53.

⁵⁵³ Ibidem

⁵⁵⁴ Hubbard W. A Narrative of the indian wars in New England. P. 69.

⁵⁵⁵ Ibidem

⁵⁵⁶ Ibidem

происходило, какие племена и как к нему присоединились, не сказано.

Возможно, наиболее подробно этот вопрос рассматривает Бэнджамин Чёрч. Он пишет: «каждый день м-р. Чёрч слышал, что индейцы задумали кровавый заговор. И Филипп, великий сахем Маунт-Хоуп был их лидером, и так и оказалось. Он рассылал гонцов ко всем соседним сахемам, чтобы вступить с ними в союз против англичан»⁵⁵⁷. Более того, в дальнейшем Чёрч стал свидетелем деятельности таких послов. Рассмотрим этот эпизод подробнее. Филипп посылает послов к Авашонкс, «королеве» покассет (чаще она именуется в тексте просто сахемом, и один раз, при первом упоминании — скво-сахемом). Авашонкс, выслушав их, созывает «Торжество» (“Great Dance”)⁵⁵⁸, чтобы посоветоваться со своими подданными (подобные празднества, которые англичане называют либо «Great Dance», либо «festival», собирались довольно часто, и были не столько праздниками — хотя и праздниками тоже, но в первую очередь «народным собранием», на котором сахемы и другие авторитетные фигуры индейского сообщества обсуждали «государственные» дела). Одновременно Авашонкс посылает двух из своих подданных, знающих английский (одного из них даже называют по-английски, Джорджем, хотя вряд ли это было его настоящее имя), к Чёрчу. Когда он прибывает, Авашонкс собирает своих советников и при них рассказывает Чёрчу, что Филипп прислал шестерых из своих людей и двоих её подданных, бывших на Маунт-Хоуп (живших? Гостивших? В тексте не объясняется)⁵⁵⁹. Послание Филиппа просто и понятно — либо Авашонкс присоединяется к союзу против Англичан, либо Филипп пришлёт своих людей, которые перебьют скот англичан-соседей Авашонкс, сожгут их поселения, после чего англичане покарают Авашонкс и её подданных. Чёрч советует «королеве» держаться англичан, обещает ей защиту и советует «стукнуть

⁵⁵⁷ Church B. The history of Philip's war: commonly called the great Indian war, of 1675 and 1676. Also, of the French and Indian wars at the eastward, in 1689, 1690, 1692, 1696, and 1704. P. 20.

⁵⁵⁸ Ibid. P. 21.

⁵⁵⁹ Ibidem

посланцев Филиппа по голове»⁵⁶⁰. Авашонкс благосклонно относиться к его советам, но те двое её подданных, которые гостили у Филиппа и один из её советников, начинают «бурно возражать», а с послами Филиппа Чёрч чуть не устраивает драку⁵⁶¹.

Этот достаточно короткий эпизод — возможно лучшее из доступных нам описаний подготовки Филиппом восстания. Обратим внимание на несколько моментов — помимо возможного романтического подтекста отношений Черча и Авашонкс, который вполне мог бы послужить основой Голливудского фильма. Общий механизм действий Филиппа понятен. Что важно — он угрожает Авашонкс, угрожает поссорить её с англичанами. Всех ли своих союзников Филипп «убеждал» таким способом? Или только Авашонкс, явно бывшую союзником англичан? И сколько из тех, кто присоединился к Филиппу, поддались угрозам? Во-вторых, даже среди индейцев союзного англичанам племени, нашлись те, кто выступал за союз с Филиппом. Окончательное решение по видимому принимал всё-таки сахем, но ясно, что при достаточно сильной оппозиции со стороны населения, сахем подчинился бы решению большинства. Следовательно, если в племенах, выступивших против англичан, и были те, кто поддерживал союз с колонистами, таких было меньшинство — следовательно, высказанная некоторыми из авторов источников мысль о том, что война стала результатом «хитрости» Филиппа, обманом втянувшего вождей отдельных племён в войну, совершенно несостоятельна. Большинство индейцев — не вождей, а индейцев в целом, действительно хотели войны, хотели ограничить влияние англичан. Многие ли из них испугались угроз Филиппа? Вряд ли нам когда-нибудь удастся получить точный ответ на этот вопрос. Рискнём предположить, что всё же немногие — скорее всего, Филипп угрожал лишь племенам, союзным англичанам, и достаточно слабым. Вряд ли он использовал тот же метод в отношении, например, наррагансеттов, способных собрать, по меньшей мере, тысячу воинов. Впрочем, это наше предположение, и подтвердить или опровергнуть его не

⁵⁶⁰ Ibid. P. 25.

⁵⁶¹ Ibid. Pp. 21-25.

представляется возможным. И последнее — англичане знали о готовящемся заговоре, но не придавали свидетельствам индейцев значения (об отношении к индейцам как к свидетелям и информаторам см. выше) и недооценивали масштабы заговора.

Теперь, когда мы знаем — насколько нам позволяют использованные источники — как именно происходило формирование «конфедерации» индейцев, определим, кто собственно в неё вошёл: вампаноаг, нипмак, покумтук, наррагансетт, массачусет, абенаки, часть могикан. Конфедерацию Новой Англии поддерживали мохеганы, позже — могавки, «молящиеся» индейцы и небольшие группы представителей разных «племен».

Вампаноаг, «родное» племя Филиппа рассмотрим чуть позже. Причины недовольства наррагансеттов — казнь Миантонимо по приказу Ункаса, «обделённость» наррагансеттов в результате Пекотской войны, угроза расширения колоний. Остаётся вопрос, кого наррагансетты воспринимали как основного противника — англичан или союзных им мохеган и могавков, но тут наши источники помочь не могут.

Племя массачусетс, как и наррагансетты — наиболее очевидные из потенциальных союзников Филиппа. С самого начала XVII века племя преследовала неудача за неудачей — сначала эпидемия 1616-19 гг., экспедиция Майлза Стэндиша 1623 г.⁵⁶², заселение земель племени колонистами в 1630-х гг. В результате от недавно ещё одного из важнейших племён региона осталась небольшая группа, обитающая на землях, «зажатых» между Плимутом и Бостоном, колониями Плимут и Массачусетс, постоянно расширяющимися. Отношение массачусетс к англичанам при таких условиях предугадать не сложно.

Нипмак — объединение представителей различных народностей, проживающих

⁵⁶² См. к примеру: Jenks T. Captain Myles Standish. New York: Century Company, 1905. Pp. 174-175; Philbrick N. Mayflower: A Story of Community, Courage and War. Pp. 149-152.

в центральном Массачусетсе⁵⁶³. Они жили относительно независимыми небольшими группами, некоторые из которых были в союзе или подчинены другим окрестным племенам, а некоторые сохраняли независимый статус⁵⁶⁴. Общую численность нипмак — как и других рассматриваемых нами племён — до контакта с англичанами определить сложно, оценки колеблются от 3 до 10 тысяч. После эпидемий и Пекотской войны это количество неизбежно сократилось. Усреднённая цифра на начало 1640-х гг. будет порядка 2-3 тысяч, но реальное число может заметно отличаться. Среди нипмак к началу 1650-х гг. было много «молящихся индейцев», представители «племени» заселили несколько «молельных поселений» (Литлтон, Графтон, Мальборо, Хопкинтон, Натик, Мендон-Уксбридж). Казалось бы, у нипмак было меньше всего причин присоединиться к войне на стороне Филиппа. На наш взгляд, их участие в войне объясняется тремя основными факторами — территориальным положением нипмак (как и массачусетс, между «молотом» Бостона и «наковальной» Плимута), союзническими обязательствами по отношению к другим племенами, и жестокостью англичан по отношению к племени — ко всему племени, включая его христианских представителей. Последний вопрос мы рассмотрим подробнее, говоря о последствиях войны.

Присоединение к Филиппу племени Покумтук также не вызывает особых вопросов. Во-первых, обитающие в западном Массачусетсе покумтук меньше других сталкивались с попытками англичан занять их земли, но не могли не предвидеть усиления таких попыток в ближайшее время. Кроме того, они враждовали с мохеганми, а вернее с Ункасом, и поддерживали наррагансеттов⁵⁶⁵.

Абенаки — племя, жившее на севере Новой Англии, на юге Квебека и на юге приморских провинций Канады. Как и нипмак и массачусет, абенаки оказались зажаты между двумя европейскими колониями — Массачуссетсом и французскими

⁵⁶³ Nipmuc History. URL: <http://www.dickshovel.com/nipmuc.html> (accessed 15.11.2016).

⁵⁶⁴ Drake S.G. The Book of the Indians, P. 42; Connole, D. A. Indians of the Nipmuck Country in Southern New England, 1630-1750: an Historical Geography. Jefferson, N.C.: McFarland & company, 2001.

⁵⁶⁵ Swanton J.R. The Indian tribes of North America. Pp. 23-24.

поселениями в Квебеке. Ситуация усугублялась тем, что англичане и французы не просто собирались расширять свои территории, но не могли договориться между собой, и абенаки были вынуждены поддерживать одну из сторон, неизбежно вступая в конфликт с другой. Абенаки решили поддержать французов — задним числом нужно сказать, что решение было, видимо, всё-таки правильным, потому что, переселившись после поражения в войне короля Филиппа в Квебек, абенаки получили территорию, а за участие в войнах против английских колоний — поддержку от французского правительства, вплоть до признания отдельных вождей «помещиками», фактически вассалами французского короля, наравне с французскими дворянами, военными, священнослужителями⁵⁶⁶. В Квебека абенаки живут до сих пор и достаточно многочисленны (порядка 8-10 тысяч на территории Канады, что, по-видимому, не меньше численности племени в начале 17 века). Участие их в конфликте с англичанами, таким образом, объясняется поддержкой французов и территориальными соображениями. Из всех племён, абенаки (их сахемы) вероятно лучше других понимали европейцев и отношения между различными группами европейцев. Резонно предположить, что для них война была не освободительной, а сугубо «политической».

Последняя, но для нас не менее важная группа — отдельные представители различных племён. К войне присоединились многие индейцы, племена которых официально не вступали в войну, в том числе — могавки и могикане. Оба эти племени не выступали против англичан, и тот факт, что многие представители этих племён решились присоединиться к Филиппу «самостоятельно», показывает, что неприязнь к англичанам широко распространилась среди индейцев, даже среди племён официально им союзных. Итак, последнее племя, которое мы рассмотрим —

⁵⁶⁶ В Новой Франции существовала своеобразная полуфеодальная система землепользования. Земли в долине реки Святого Лаврентия делились на участки (фр. *seigneuries*), каждый из которых отдавался в пользование помещику (фр. *seigneur*), а он в свою очередь распределял землю между поселенцами, собирал налоги и обеспечивал строительство общественных сооружений. Судебная власть оставалась прерогативой интенданта Новой Франции, а земля де-юре принадлежала королю. «Помещиками» и стали некоторые из вождей абенаков. См. к примеру: Coleman E.L. *New England Captives Carried to Canada Between 1677 and 1760 During the French and Indian Wars*. New York: Heritage Books, 1925. Pp. 27-28.

вампаноаг, племя короля Филиппа. Вампаноаг были союзниками англичан с момента прибытия первых колонистов в Новую Англию. Скуанто, «туземный благодетель», принадлежал к этому племени. Великий сахем вампаноаг Массасойт был вернейшим из местных союзников англичан — незадолго до смерти он даже принял христианство, и просил дать своим сыновьям христианские имена — Вамсутта стал Александром, а Метакомет — Филиппом. К 1650 г. многие вампаноаг приняли христианство, а некоторые даже вели вполне европейский образ жизни (проблемы тут возникали только у женщин, которые в индейском сообществе были фактически равноправны с мужчинами, в отличие общества пуритан XVII века). В целом вампаноаг были надёжными, верными и послушными союзниками. После смерти Массасойта, великим сахемом стал его сын Александр, чем были недовольны англичане — Александра считали слишком независимым и слишком приверженным старым традициям⁵⁶⁷. Его вызвали в Плимут, и, возвращаясь оттуда, он заболел и скоропостижно скончался⁵⁶⁸. Ни малейших свидетельств тому, что англичане имеют хоть какое-то отношение к его смерти нет, но сложно поверить, что такая «удобная» для них смерть не вызвала подозрений ни у Филиппа, ни у других индейцев — впрочем открыто англичан обвиняли только в том, что они то ли заставили Александра отправиться в путь уже болевающим, то ли их врачи плохо за ним ухаживали ещё в Плимуте⁵⁶⁹. Итак, Филипп стал новым великим сахемом вампаноаг в 1661 г. К этому моменту англичане уже наверняка чувствовали растущее среди индейцев напряжение, но вампаноаг оставались одним из немногих племён, которым англичане готовы были доверять.

Войну короля Филиппа иногда пытаются представить как антиколониальную, освободительную⁵⁷⁰. Доля правды в такой характеристике есть, но согласиться с ней

⁵⁶⁷ Hubbard W. Op.Cit. Pp. 61-62.

⁵⁶⁸ Hubbard W. Op.Cit. Pp. 62-63.

⁵⁶⁹ Ibidem

⁵⁷⁰ См. к примеру: Webb S.S. 1676: The End of American Independence. New York: Alfred A. Knopf, 1984; Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest.

полностью нельзя. В первую очередь потому, что, как и в случае с Пекотской войной, англичане воевали против Филиппа не одни. Хотя многие из тех, кто поддерживал их в Пекотской войне — в первую очередь наррагансетты — теперь оказались их противниками, союзников у англичан хватало. Колонисты прекрасно понимали важность союзников, и прилагали активные усилия к формированию своего союза — как мы уже упоминали, значительную роль тут сыграл Бенджамин Чёрч, который пытался привлечь на сторону англичан Авашонкс в описанном выше эпизоде.

Глупо предполагать, что колонисты были настолько слепы и настолько самоуверенны, чтобы не опасаться возможного выступления индейцев. Более того, как уже говорилось, страх перед индейцами и недоверие к ним были постоянным фактором, определяющим поведение и политику колонистов. Учитывая наличие союзных колонистам англичан индейцев и количество англичан, не следует ожидать что, Филипп мог долго скрывать подготовку восстания. Первые слухи дошли до англичан, вероятно, в конце 1660-х гг., но им не придали значения (об отношении к индейцам как к свидетелям см. выше). К 1671 г. количество слухов перевалило за некоторую критическую отметку, и колонисты решили наконец отреагировать. Филипп был вызван в Таунтон, где и подписал «признание» и соглашение⁵⁷¹, которые мы сейчас и рассмотрим.

Признание в целом сводится к тому, что Филипп приносит извинения, обещает вести себя хорошо, а в доказательство отдаст англичанам всё имеющееся у его племени огнестрельное оружие⁵⁷². Каково было гордому Филиппу, власть которого среди индейцев, по большому счёту, поддерживалась исключительно его авторитетом, было подписывать написанное в таком тоне соглашение, представить, наверное, нетрудно.

Соглашение, подписанное Филиппом в качестве дополнения к извинениям, разительно отличается от всех предыдущих соглашений, заключённых с индейцами.

⁵⁷¹ Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. Pp. 64-65.

⁵⁷² Ibidem

Согласно этому документу: 1) вампаноаг признают себя подданными английского короля и обещают подчиняться законам Плимута 2) выплачивают регулярную «дань», налог 4) любые конфликты между подданными Филиппа и колонистами разрешаются судом в Плимуте 5) вампаноаг могут начинать войну только с разрешения губернатора 6) распоряжаться своими землями опять-таки может разрешить только губернатор.⁵⁷³ Помимо самого Филиппа соглашение подписали и некоторые другие сахемы, включая вышеупомянутую Авашонкс. Если первое соглашение между колонистами и вампаноаг было практически равноправным, второе — давало колонистам определённые преимущества, но всё же не носило откровенно подчинительного характера, соглашение 1671 г. практически лишало индейцев независимости, ставило их в положение даже не «туземных союзников» а фактически подданных англичан. Резонно предположить, что заключение этого договора не просто не смирило Филиппа, а напротив заставило его активизировать подготовку восстания, ясно показав ему, какое будущее ждёт индейцев, если англичан не изгнать.

Как уже говорилось, наши источники не позволяют судить, когда именно союзники присоединялись к Филиппу. Судя по источникам, с 1671 до 1675 гг. практически ничего не происходило — за единственным исключением вышеописанной истории встречи Чёрча с посланцами Филиппа у Авашонкс. На самом деле резонно предположить, что именно на этот период приходится наиболее активная подготовка к восстанию.

Ход войны короля Филиппа

Война короля Филиппа, как уже говорилось, рассмотрена в историографии и источниках гораздо подробнее Пекотской. Поскольку ход войны описан в мельчайших подробностях в литературе, а также потому, что рассмотрение всех

⁵⁷³ Ibid. P. 66.

перипетий военных действия не является нашей основной задачей, мы не будем рассматривать ход войны чрезмерно подробно и остановимся лишь на основных этапах и наиболее заметных столкновениях.

Итак, война началась вскоре после суда над предполагаемыми убийцами Джона Сассамона. Индейцы нанесли первый удар, атаковав Миддлборо, Дартмут (8 июля 1675 г.), Мендон (14 июля), Брукфилд и Ланкастер (1 и 9 августа соответственно). Дирфилд, Хэдли и Норсфилд подверглись нападениям в сентябре. 9 сентября Конфедерация Новой Англии официально объявила войну («подтвердив» юридически уже идущий конфликт). 12 сентября отряд ополчения колонистов сопровождал «караван», отправившийся собрать необходимый, чтобы пережить зиму урожай, оставленный на заброшенных полях у атакованных поселений. Нипмак атаковали колонну. Это событие, известное как «битва у Кровавого Ручья» («Battle of Bloody Brook»), принесло победу индейцам — из 80 англичан погибли 57⁵⁷⁴. Потери среди индейцев точно не установить, но, в любом случае, успех был достигнут. Урожай, за которым собственно отправлялись, колонии не получили.

8 октября индейцы впервые атаковали Спрингфилд (Массачусетс), крупнейшее поселение на реке Коннектикут на тот момент. Хотя многим жителям удалось укрыться в укрепленном доме Майлса Моргана и отправить гонца к полчению под командованием капитана Эплтона⁵⁷⁵. Подошедшее ополчение выдворило индейцев из города, Майлс Морган заслужил памятник (поставленный, правда, значительно позже), но 30 домов и ряд хозяйственных построек сожгли, нанеся поселению значительный урон⁵⁷⁶.

Следующий месяц принес первую военную удачу — довольно, впрочем, спорную — и колонистам. Под руководством самого губернатора Плимута, Джосайи Уинслоу,

⁵⁷⁴ Schultz E., Tougias, M. King Philip's War. Woodstock, VT: Countryman Press, 1999. P. 173.

⁵⁷⁵ Hubbard W. Op.Cit. Pp. 118-120; Appleton's Cyclopedia of American Biography, New York: Appleton, 1900. (статья Morgan, Miles)

⁵⁷⁶ Hubbard W. Op.Cit. P. 120.

объединённое ополчение колоний выступило против наррагансеттов⁵⁷⁷. Формально наррагансетты на тот момент ещё не вступили в войну, но они укрывали женщин и детей вампаноаг, раненых сторонников Филиппа, да и отдельные представители племени участвовали в набегах. Проходя по территории Род-Айленда (единственной из колоний, формально сохранявшей нейтралитет), ополченцы сожгли несколько поселений наррагансеттов, уже заброшенных, и вышли с помощью проводников из числа союзных индейцев, к форту, в котором укрылись большинство местных наррагансеттов, и, что даже важнее, хранились зимние запасы племени⁵⁷⁸. Форт находился посреди болота, но из-за холодной зимы болото замёрзло, и добраться до него было относительно легко. Погибло около трёх сотен индейцев, ещё столько же умерли от ран. Остальные смогли сбежать. С одной стороны, колонисты одержали победу и нанесли наррагансеттам удар, от которого племя так и не оправилось. С другой стороны, наррагансеттов по-прежнему было достаточно много, и если до этого они хотя бы формально сохраняли нейтралитет, после Great Swamp Fight их присоединение к Филиппу было неизбежно.

Зима 1675-76 гг. была удачной для индейцев. Объединённые племена смогли уничтожить множество поселений: Андовер, Бриджуотер, Келмсфорд, Гротон, Ланкастер, Мальборо, Медфилд, Медфорд, Миллис, Портланд, Провиденс, Рехобот, Скитуэйт, Сиконк, Симсбёри, Сэдбёри, Саффилд, Уорвик, Веймут и Врэнтам⁵⁷⁹. 12 марта 1676 г. индейцы напали на Плимут — город устоял, но сам факт нападения на город в самом сердце английской территории наглядно продемонстрировал их силу⁵⁸⁰. Провиденс, столица Род-Айленда, был сожжен, хотя жители успели его покинуть⁵⁸¹.

Ситуация склонялась в пользу индейцев. Помимо экономических потерь,

⁵⁷⁷ Ibid. P. 132.

⁵⁷⁸ Ibid. Pp. 135-140; Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 119.

⁵⁷⁹ См. Mather I. Mather C. The History of King Philip's War... Pp. 112-140; Church B. The History of Philip's War: Commonly Called the Great Indian War, of 1675 and 1676: also, of the French and Indian Wars at the Eastward, in 1689, 1690, 1692, 1696, and 1704. P. 65.

⁵⁸⁰ Mather I. Mather C. The History of King Philip's War... P. 123.

⁵⁸¹ Mather I. Mather C. The History of King Philip's War... P. 132; Hubbard W. Op.Cit. P. 163.

осложнивших жизнь даже в незатронутых войной районах колоний, многократно возрос всегда присутствовавший страх, боязнь индейцев. Колонистам казалось, что любой может стать жертвой этого «стихийного бедствия». Уже, казалось бы, освоенные леса Новой Англии опять превратились в негостеприимную «пустошь», полную кровожадных дикарей-дьяволопоклонников. Эти чувства прекрасно выражены в сочинении Мэри Роулендсон, первой из «хроник пленения», созданных в Новой Англии и одном из первых произведений этого жанра в целом⁵⁸². Очевидно, что индейцам, уже живущим рядом с колонистами — в молельных городках — пришлось нелегко.

К весне ситуация начала меняться. Колонисты были фактически заперты в крупных поселениях, но некоторые из более мелких поселений успели возвести укрепления и собрать ополчение, которое позволило им продержаться, несмотря на многочисленные атаки. Однако колонистам удалось собрать часть урожая — выходя в поле большими хорошо вооруженными группами. Кроме того, колонии получали помощь по морю — пусть и незначительную, поскольку английские власти были не слишком заинтересованы в поддержке пуритан, а колонистам в Виргинии хватало и своих проблем. Индейцы же не получали никакой поддержки. Вдобавок многие племена были слишком заняты войной, и мирное население вынуждено было отступить с насиженных мест (хуже всего в этом смысле пришлось наррагансеттам), а охота, которая всегда поддерживала индейцев и приносила значительную часть их «дохода», сошла на нет — охотники были одновременно и войнами, и не могли отвлекаться от боевых действий. Наконец, запасы пороха и свинца для пуль, пополнявшиеся в основном за счёт англичан сокращались, и возможности пополнить их у индейцев не было. Надежды на французов, способных предоставить порох и оружие, не оправдались. Силы Филиппа и его союзников постепенно истощались. Тем не менее, на первый взгляд индейцы всё ещё побеждали, постепенно оттесняя

⁵⁸² Rowlandson M.W., Harrington T. A Narrative of the captivity, Sufferings, and Removes, of Mrs. Mary Rowlandson who was Taken Prisoner by the Indians at the Destruction of Lancaster in 1675. Pp. 9,12,60,40,46,47,49 и т.д.

колонистов с пограничных территорий и удачно избегая крупных столкновений.

Исход войны был предопределен событиями начала 1676 г, хотя поначалу не всем её участникам это было очевидно. К этому моменту и колонисты, и Филипп вынуждены были искать новых союзников. Англичане проигрывали, им пришлось покинуть некоторые из окраинных поселений, другие уцелели лишь благодаря спешному возведению укреплений, а нападения индейцев продолжались и даже участились. Филипп и его союзники побеждали, но, как было сказано выше, были истощены войной, и не могли долго продолжать активное давление на англичан — а стоило им это давление ослабить, и колонии могли начать наносить ответные удары. Отчаянно нуждаясь в сильном союзнике, который помог бы ему «дожать» англичан и окончательно обеспечить ему победу, Филипп решил рискнуть и попытаться заключить союз с могавками. В случае успеха вмешательство в войну могавков, а при удаче и других ирокезов, поставило бы под вопрос не просто победу англичан, а само существование колоний. Но вражда ирокезов с алгонкинами Новой Англии продолжалась уже не одно десятилетие, и от послов Филиппа требовалось недюжинное дипломатическое искусство, чтобы убедить их поддержать вампаноаг. В январе 1676 послы Филиппа отправились в Скагтиккок (Schaghticoke)⁵⁸³, поселение на реке Гудзон, в надежде привлечь могавков на свою сторону. Мы не знаем, что именно произошло — возможно, у послов Филиппа хватило наглости пытаться «запугать» могавков, как они это делали с сахемами маленьких новоанглийских групп. Возможно, на ход переговоров повлиял губернатор Эндрос. Может быть, послы Филиппа были просто недостаточно убедительны. Так или иначе, союза с могавками они не заключили⁵⁸⁴. Они даже прибегли к отчаянной тактике — напали на группу могавков и попытались представить нападение как дело рук колонистов. К несчастью для Филиппа, одна из «жертв» выжила, и без того хрупкий мир с могавками рухнул окончательно. Сторонники Филиппа, пытавшиеся укрыться в

⁵⁸³ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. P. 122.

⁵⁸⁴ Ibidem

Нью-Йорке зимой 1676 были перебиты могавками⁵⁸⁵.

Но даже если бы люди Филиппа не прибегали к таким сомнительным методам, союз с ирокезами кажется крайне маловероятным. Есть как минимум три важные причины, почему могавкам такой союз был невыгоден. Во-первых, с англичанами они были вполне дружны, и никакой угрозы для себя в них не видели — на тот момент англичане её и не представляли. С племенами же Новой Англии они враждовали давно, и сами периодически воевали. Для могавков события Новой Англии были не освободительной войной индейцев против колонистов — для них, до поры до времени наблюдающих со стороны, их союзники воевали с их давними противниками, пусть и с переменным успехом. Даже без вмешательства могавков, силы алгонкинов очевидно были бы подорваны, открывая могавкам простор для дальнейшей экспансии. В общем, идущая в Массачусетсе война была им выгодна. Филиппу пришлось бы сделать могавкам очень, очень выгодное предложение, чтобы заставить их вмешаться. Во-вторых, предложить Филиппу было нечего. О безопасности и «коллективной обороне» от колоний речи не шло — могавкам колонии Новой Англии не угрожали. Торговля через долину Коннектикута сходилась на нет, так что любые возможные привилегии в этом смысле, даже если Филипп и мог их пообещать, были не слишком соблазнительны — тем более, что после войны могавки могли бы без особого труда отнять их силой у ослабленных племен Коннектикута и не ссорясь с англичанами. В третьих могавки были связаны союзом с губернатором Эндросом и колонией Нью-Йорк. Эндрос не мог прямо указывать могавкам, что делать, но союз с ним был выгоден, так что к его советам, вероятно, прислушивались. Нью-Йорк, конечно, конкурировал с колониями Новой Англии, и отношения их были непростыми, но это не значит, что Эндрос готов был способствовать уничтожению этих колоний, и вообще войне против англичан. Кроме того, ослабление индейцев Новой Англии позволило бы Нью-Йорку расширить свою

⁵⁸⁵ Church B. The History of Philip's War. Pp. 68-69.

территорию за счет пограничных регионов, и в любом случае помощь Нью-Йорка в войне давала ему дополнительное преимущество в любых спорах с колониями Новой Англии — настолько, что колонисты Коннектикута не хотели просить Эндроса о помощи, потому, что боялись, что он использует эту помощь как предлог для расширения своей колонии⁵⁸⁶. В целом попытка заключить союз с могавками свидетельствует то ли о храбрости Филиппа, граничащей с наглостью, то ли о его отчаянном желании избавиться от англичан любой ценой. Естественно, никакой помощи Филиппу могавки не предоставили. Филипп потерпел пока не военное, но дипломатическое поражение. Со временем могавки совершат несколько рейдов на территорию союзных Филиппу племен, а его союзники начнут один за другим выходить из войны и сдаваться, опасаясь не столько англичан, сколько возможной войны с могавками⁵⁸⁷.

Поражение Филиппа было предопределено не военными успехами англичан, а скорее политикой самих индейцев, в первую очередь его союзников. В ходе войны короля Филиппа практически невозможно выделить конкретное сражение или вообще конкретное событие, после которого индейцы лишились всякой надежды на победу. Поражение Филиппа заключалось не в потере войск или территорий, а в потере союзников. Для него война, может быть, и была освободительной, но для его сторонников в подавляющем большинстве случаев — нет. Поддерживая Филиппа по разным причинам, союзники его не защищались от поработителей, а пытались решить определенные задачи. В такой ситуации о войне «до победы любой ценой» речи не шло. Большинство лидеров «восставших» здраво оценивали свои шансы, оценивали возможные потери, и в какой-то момент возможный риск для них перевешивал потенциальную выгоду — после чего они предпочитали прекратить боевые действия и договориться с колонистами.

Некоторые предпочли сдаться англичанам, узнав о первых нападениях могавков,

⁵⁸⁶ Ibidem

⁵⁸⁷ Lepore J. The Name of War. P. 315; Mather I. Mather C. The History of King Philip's War. Pp. 207-208.

потому что даже в самом худшем случае плен английский представлялся удачной альтернативой плену моговков. Ещё в мирное время многие племена Новой Англии искали у англичан защиты от ирокезов, та же тенденция наблюдается и в войне короля Филиппа, когда участие ирокезов стало общеизвестно. «Войны горя»⁵⁸⁸ ирокезов внушали такой страх, что даже рабство у англичан казалось лучшей участью — не говоря уж о том, что англичане соблюдали какие-никакие правила обращения с пленными, а после войны могли их и амнистировать (что, собственно и произошло со многими из бывших сторонников Филиппа). Моговки же внушали такой ужас, что, по свидетельству собеседника Инкриза Мэзера, побывавшего в плену у индейцев, они «по ночам не зажигают костров, опасаясь, что моговки узнают их местонахождение»⁵⁸⁹. Первыми откололись от союза Филиппа индейцы Коннектикута — что и неудивительно, учитывая что они теснее всего контактировали с моговками ещё до войны. Часть сдалась англичанам, часть и вовсе перешла на сторону колонистов, а некоторые просто вернулись к обычной жизни. Колонистам такое поведение было совершенно непонятно. Мы уже говорили о разнице в способах ведения войны. Во время войны короля Филиппа индейцы начали иногда отказываться от традиционной стратегии отдельных молниеносных набегов, засад и относительно небольших потерь с обеих сторон, но их представление о победе и поражении оставалось сугубо «индейским». Война не представлялась им непрерывным конфликтом, ведущимся до полной победы одной из сторон. Собственно, победа в войне, состоящей из отдельных набегов вообще понятие относительное — речь обычно идет об успешности отдельного набега и их частоте, заставляющей противника поступиться землей или ещё каким-нибудь ценным ресурсом. Представление о всепоглощающей войне, полностью определяющей политику группы было индейцам чуждо — именно поэтому

⁵⁸⁸ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676. Amherst, Massachussets, 1999. P. 155; См. также: Richter D.K. War And Culture: The Iroquois Experience // William and Mary Quarterly, 3rd ser., 40 (Oct. 1983). Pp. 528-59.

⁵⁸⁹ Mather I. Mather C. The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather, D.D. And History of the same war by rev. Cotton Mather, D.D. Pp. 208-207.

представление о войне короля Филиппа как освободительном антиколониальном движении не кажется нам убедительным. Война в европейском понимании, как организованное действие, контролирующееся из единого центра, а тем более война «на уничтожение», даже ради освобождения, настолько чужда индейской традиции, что вряд ли о таком явлении вообще можно говорить применительно к Новой Англии. Европейский подход к войне усвоят группы индейцев, дольше прожившие бок о бок с европейцами, и уже знакомые, пусть и опосредованно с опытом Новой Англии. Пока же, многие из бывших союзников Филиппа просто вернулись к обычному образу жизни — как, к примеру, обитатели Пескеомпскута (Peskeompscut), которые к удивлению обнаружившего их английского ополчения спокойно сушили рыбу и распахивали поля — в мае 1676 г., когда совсем рядом бушевала война, в которой они участвовали всего пару месяцев назад. Англичане и их союзники (в данном случае в основном мохегане) не стали задумываться о культурных различиях в понимании войны, и просто сожгли поселение, перебив или захватив обитателей, 18 мая 1676⁵⁹⁰.

В апреле 1676 г. погиб сахем наррагансеттов Канонкет⁵⁹¹, а в июле — «королева» Куиннапин (Quinnapin)⁵⁹², а с ними и большинство ещё остававшихся войнов племени, и наррагансетты вышли из войны.

12 июня 1676 г. объединённые силы колонистов и мохеган отразили масштабную атаку на Хэдли, и рассеяли силы Филиппа и его союзников⁵⁹³. После этого война свелась к отлову отдельных групп вампаноаг, нипмак и немногочисленных оставшихся наррагансеттов. Не последнюю роль в привлечении мохеган и других союзных индейцев сыграл также тот факт, что индейцам, принесшим головы бунтовщиков, платили⁵⁹⁴. Одна из «охотничьих команд» в конце концов нашла и

⁵⁹⁰ Steele I.K. *Warpaths: Invasions of North America*. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 136.

⁵⁹¹ Hubbard W. *Op.Cit.* P. 165.

⁵⁹² Одним из судей во время процесса над Куиннапин был Джон Истон, впоследствии обвинявший Массачусетс в негуманном ведении войны. См. Lepore J. *The Name of War*. 1999. P. 284.

⁵⁹³ Church B. *The History of Philip's War*. P. 108.

⁵⁹⁴ Church B. *The History of Philip's War*. P.317; Hubbard W. *Op.Cit.* P. 94.

самого Филиппа — отряд под руководством Бенджамина Чёрча и Джосайи Стэндиша столкнулся с отрядом Филиппа у Маунт Хоуп в Род-Айленде, во владениях Филиппа. Индеец по имени Джон Алдерман застрелил Филиппа⁵⁹⁵. Голова мятежного сахема была доставлена в Плимут и демонстрировалась там следующие двадцать лет⁵⁹⁶. А отрезанную руку Филиппа Алдерман демонстрировал всем желающим за умеренную плату⁵⁹⁷.

На этом война, по большому счёту, закончилась. Отдельные нападения индейцев продолжались до 1677 г., но результатов они не приносили, и отбивались без особых трудностей⁵⁹⁸. Филипп погиб, альянс распался, война закончилась.

Формального мирного договора заключено не было. В основном потому, что со стороны индейцев его некому было заключать. В Новой Англии не осталось коренного населения, способного сопротивляться дальнейшему расширению колоний. Конфликты с индейцами продолжались на севере Массачусетса, в Нью-Гемпшире и Мэне⁵⁹⁹, но Коннектикут, Массачусетс и Род-Айленд теперь принадлежали англичанам безраздельно.

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ КОРОЛЯ ФИЛИППА

Даже во время войны между колониями Новой Англии сохранялись противоречия (Род Айленд и вовсе сохранял формальный нейтралитет). После победы над Филиппом и его союзниками противоречия эти усилились. Действия колоний во время войны стали новым аргументом в старых спорах между

⁵⁹⁵ Church B. The History of Philip's War. P. 125.

⁵⁹⁶ Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 1. P. 576.

⁵⁹⁷ Church B. The History of Philip's War. P. 126.

⁵⁹⁸ Church B. The History of Philip's War. P. 128; Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 1. P. 577.

⁵⁹⁹ Дрейк отмечает отличия в характере взаимоотношений колонистов с индейцами севера Новой Англии. Индейцы севера практически не заключали договоров с англичанами. Политическая культура этих в основном кочевых групп также сильнее отличалась от английской, что предотвращало возможность налаживания диалога. В результате, когда конфликт на севере Новой Англии, в Мэне, всё-таки начался, боевые действия отличались большей жестокостью и шли значительно дольше чем на юге региона. С другой стороны, как отмечают многие исследователи, характер конфликта в Мэне и мотивы индейцев Севера настолько отличаются от юга, что, как вынужден был признать Рассеел Борн, события на севере «приняли форму, не вписывающуюся в общую картину войны короля Филиппа» (Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 163; Bourne R. The Red King's Rebellion: Racial Politics in New England, 1675-1678. New York: Atheneum, 1990. P. 211).

колониями. Даже в Коннектикуте, где большинство индейцев поддерживало англичан, и где их оставалось достаточно много даже после войны, с новой силой разгорелись старые земельные споры⁶⁰⁰ — и теперь «недостойное» поведение во время войны стало в них ключевым аргументом⁶⁰¹. Выросло и напряжение между Нью-Йорком с одной стороны и Массачусетсом и Коннектикутом с другой. Губернатор Нью-Йорка не стеснялся обвинять своих «коллег» в неправильном ведении войны не только во внутренних спорах, но и в общении с метрополией. Одним из главных обвинений в адрес властей Новоанглийских колоний было недостаточно активное использование помощи могавков. Опубликованный в Лондоне памфлет Натаниэля Солтонстолла утверждал, что «не знаю по каким причинам» советы союзных индейцев, рекомендовавших обратиться к губернатору Нью-Йорка, который мог бы использовать своё влияние чтоб привлечь на сторону колонистов «единственных, кто мог бы прекратить войну» (могавков) были проигнорированы⁶⁰².

Весной 1678 г. губернатор Эндрос писал Совету по торговле и плантациям (Lords of Trade and Plantations) что Коннектикут и Массачусетс не приняли его помощь во время войны с индейцами, что, конечно, очень удивило губернатора, поскольку «во время войны колонии должны представлять единую силу, как один народ и одна страна»⁶⁰³. Эндрос прямо говорил о необходимости «его величеству контролировать ополчение некоторых колоний, законами, которым будут беспрекословно подчиняться все они в будущем»⁶⁰⁴. Власти Массачусетса и Коннектикута в ответ обвиняли Нью-Йорк в поставках оружия и пороха враждебным индейцам — что, откровенно говоря, в отличие от обвинений Эндроса, звучит крайне неправдоподобно. Война короля Филиппа дала властям Нью-Йорка повод привлечь

⁶⁰⁰ Дрейк приводит следующую статистику — с января 1673 по декабрь 1674 в Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies Новой Англии посвящено 13 документов, а с января 1677 по декабрь 1678-27, в два раза больше. Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 186.

⁶⁰¹ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 192.

⁶⁰² Цит. по: Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 192.

⁶⁰³ DRCNY, 3:263,257-58, 2585-9; CSP, vol. 10. Pp. 502, 652, 653, 654, 660, 677, 678.

⁶⁰⁴ Цит. по: Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 193.

внимание королевской власти к колониям Новой Англии, поставив под угрозу их автономию. Метрополия, оправившись от собственных потрясений, обратила, наконец, внимание на Новую Англию. В 1680 от Массачусетса в приказном порядке отделили Нью Гемпшир⁶⁰⁵, губернатор которого назначался королем. А в 1686 был создан Доминион Новой Англии, в пределах которого автономия колоний была крайне ограничена. Управлял же доминионом бывший губернатор Нью-Йорка Эндрос — во многом он же и был автором политики, ограничивающей политическую и даже религиозную автономию Новой Англии, в первую очередь Массачусетса. Испытания войны короля Филиппа сплотили и закалили сообщество пуритан Массачусетса, укрепив заодно и новоанглийскую идентичность в противоречиях с Нью-Йорком. Но основным политическим противником этого сообщества стали вовсе не индейцы, а другие англичане — и в колониях, и в метрополии. Впрочем, несмотря на упорство пуритан победа над индейцами не принесла им особой выгоды, и в последующие годы они оказались в положении, чем-то напоминающем положение индейских сахемов в отношениях с самими пуританами до войны. Окрепшая Новая Англия, лишённая вдруг политической автономии вынуждена была бороться за сохранение своей с таким трудом обретенной идентичности, оставаясь в рамках навязанной извне системы управления. Возможно, лидеры пуритан, такие как Инкриз Мэзер, даже осознавали всю иронию ситуации в которой они оказались — авторитет их теперь формировался в основном их умением «договориться» с властями, использовать к выгоде своего сообщества чуждые властные структуры и найти равновесие между активным сопротивлением и компромиссом с властями. Точь в точь, как приходилось делать многим индейским сахемам всего десятилетие назад. Слишком смело будет предполагать, что за годы сосуществования с индейцами пуритане усвоили у индейцев несколько «уроков» выживания, но и исключать этого мы не можем. Так

⁶⁰⁵ The Comission constituting a President & Councell for ye Province of New Hampshire in New-England; URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/nh08.asp; (accessed 15.11.2016).

или иначе, победа оказалась для колоний Новой Англии удивительно невыгодной.

Наибольшую выгоду от войны короля Филиппа получил Нью-Йорк. Причем и колония Нью-Йорк и индейцы, с этой колонией соседствующие. Достижения губернатора Эндроса уже описаны выше. Могавки же, не прилагая особых усилий, окончательно разрешили свои противоречия с алгонкинами Новой Англии, получили доступ к ряду освободившихся территорий — оставшиеся на них индейцы вряд ли были в силах обороняться, и укрепили свой многообещающий союз с англичанами.

Судьба противников колонистов была предрешена с того момента как инициатива в войне перешла к англичанам. Не так предсказуема оказалась судьба их союзников и немногих индейцев, решивших сохранить нейтралитет во время войны.

С индейскими союзниками колонистов отношения были достаточно понятны — они сражаются вместе с колониальным ополчением, служат проводниками и отлавливают разбегающихся сторонников Филиппа. К ним относились если не с доверием, то по крайней мере с некоторым уважением. Но вот молящиеся индейцы, большинство из которых не были войнами — что произошло с ними? Насколько «доверяли» им колонисты, мы уже обсуждали. А когда в связи с нападениями союзников Филиппа традиционная опаска по отношению к индейцам переросла в настоящий ужас, стало очевидно, что в глазах англичан молящиеся индейцы ничем не лучше своих «диких» собратьев — всё равно они индейцы, и доверять им нельзя.

В отличие от Пекотской войны, во время войны короля Филиппа не произошло таких заметных сражений, как «резня в Мистик». По эмоциональному воздействию на индейцев и популярности среди авторов современной научно-популярной литературы к «резне в Мистик» приближается заключение индейцев на Оленьем острове (Deer Island). Когда набеги Филиппа сильно потрепали колонистов, и те начали всерьёз опасаться поражения, индейцы-христиане были сперва «закреплены» за своими поселениями — не имели права покидать пределов «городка»⁶⁰⁶, а позже

⁶⁰⁶ Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings of the Christian Indians in New England in the Years 1675, 1676, 1677.

многие из них были переселены на тот самый Олений Остров — крошечный полуостров в гавани Бостона, соединяющийся с континентом узким перешейком. Около пятисот индейцев были переселены туда зимой 1675-76, причём оставили их без зимней одежды, запасов еды и без крыши над головой. Это переселение стало результатом не столько обдуманного стратегического решения, сколько общественного давления: «враждебность, недоверие и возмущение многих были столь велики, что магистраты были вынуждены отправить их всех на остров, <где они> питались в основном моллюсками, которых находили у берега; остров был пустынным и холодным, одежда их — немногочисленной и тонкой, а вигвамы — бедными; лишь немного их кукурузы по приказу совета (магистратов) доставили с их полей и выдавали им....»⁶⁰⁷

Не все молящиеся индейцы смирились с таким обращением англичан. Многие просто сбежали, а некоторые даже присоединились к союзникам Филиппа⁶⁰⁸. В начале ноября, когда союзные Филиппу представители Нипмак напали на молельные городки Кабанаконгкомун, Хассанамесит и Магункаквог, часть молящихся присоединилась к нападавшим. Не поддержавшие нападавших были в основном захвачены, в их числе и Джеймс Принтер, печатник Эллиота — впрочем, учитывая что альтернативой была отправка на Олений Остров, захваченные «молящиеся», видимо, не слишком активно сопротивлялись⁶⁰⁹. Даже те, кто не поддержал прямо нападавших, зная, какое обращение их ждет от англичан, и предвидя, что в дальнейшем ситуация вряд ли улучшится, вряд ли сопротивлялись нападавшим и боялись пленения.

Выпустили индейцев с острова только в 1677 г., по окончании войны, но вернувшись, они обнаружили, что знакомая им расстановка сил в регионе

⁶⁰⁷ Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings of the Christian Indians in New England in the Years 1675, 1676, 1677. Pp. 485-486.

⁶⁰⁸ Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England. P. 104; Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings, P. 462. Bodge G.M. Soldiers in King Philip's War. Baltimore: Genealogical Publishing, 1976. P. 67.

⁶⁰⁹ Bodge G.M. Soldiers in King Philip's War. P. 67.

изменилась до неузнаваемости, и вернулись они в совершенно незнакомый мир.

Индейцы из молельных городков, сражавшиеся вместе с англичанами, также находились в не слишком выгодном положении. С одной стороны, «рота» молящихся индейцев была создана и показала себя в боевых действиях вполне достойно, с другой стороны часть населения колоний настолько не доверяла всем индейцам без исключения, что в августе 1675 г., чуть больше чем через месяц после создания, «индейская рота» была распущена под давлением общественности⁶¹⁰, а солдаты её вернулись в молельный городки, и наравне с прочим их населением, не имели права удаляться дальше чем на милю от центра городка, и то в сопровождении англичанина — а англичан, желающих поселиться в молельных городках было очень немного.

Ещё одним важным, но не столь очевидным последствием войны короля Филиппа стало укрепление страха колонистов перед индейцами. Парадоксально, но как раз после войны короля Филиппа этот страх был менее обоснован, чем когда-либо. Страх перед индейцами возник впервые едва ли не до основания колоний как таковых. Но, как мы уже упоминали в самом начале работы, представления колонистов об индейцах до прибытия в Америку были весьма ограничены, и поначалу речь шла не столько о страхе, сколько об опасности — примерно также колонисты опасались возможного неурожая, холодной зимы или штормов. Когда опасность сменилась страхом? Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Возможно, в первые же месяцы после прибытия в колонии. — когда выяснилось, что индейцев на самом деле значительно больше, чем предполагалось. Страшно подумать, как чувствовали бы себя колонисты, окажись они в Новой Англии на несколько лет раньше, до разрушительных эпидемий, сокративших численность индейского населения. С другой стороны, никаких особых конфликтов поначалу не было, и отношения с индейцами были вполне дружескими. На наш взгляд, переломным моментом следует считать, как и в политическом отношении, Пекотскую войну. Не

⁶¹⁰ Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings... Pp. 442-444.

только индейцы после неё начали бояться. С одной стороны, колонисты несомненно вышли из войны победителями. С другой стороны, они удостоверились, что индейцы вовсе не собираются отдавать свою землю «избранникам Божиим» просто так. Они должны были понимать, что расширение колоний будет встречено дальнейшим сопротивлением со стороны индейцев. С момента занятия земель в долине Коннектикута, принадлежащих пекотам, англичане всё время ждали нападения «вероломных дикарей». Причём касалось это не только жителей «окраинных» поселений, но всех колоний — поскольку не так они были велики, и чувство общности между колониями было очень сильно. Война короля Филиппа окончательно утвердила индейцев в роли главной «страшилки» колоний. Во-первых, сам по себе факт выступления чуть ли не всех крупных индейских племён не мог не напугать колонистов — кровожадные дикари наконец показали свою дьявольскую сущность и обрушились на избранный Богом народ. Жестокая жаждущая крови орда туземцев, которой ждали с момента окончания Пекотской войны, наконец, явилась. Индейцы персонифицировали все возможные опасности, угрожающие колонистам.

Одно из лучших свидетельств распространения страха перед индейцами, особенно во время и после войны короля Филиппа — появление и популярность так называемых «*captivity narratives*» — историй европейцев, побывавших в плену у индейцев. Жанр сам по себе существовал уже какое-то время. К примеру, в Англии были достаточно популярны истории вернувшихся из плена берберских пиратов. Произведения этого жанра часто носили не только познавательно-приключенческий, но и назидательный характер — показывая спасение пленников через веру, готовность довериться Всевышнему, а сам плен — как наказание за грехи⁶¹¹.

Похожие рассказы появлялись и в Америке, естественно с индейцами в качестве

⁶¹¹ Помимо уже упоминавшейся книги Роулэндсон, заслуживают внимания: Williams J. *The Redeemed Captive* (1709); Mather C. *The Captivity of Hannah Dustan* (1696-97); Johnson S.W. *A Narrative of the Captivity of Mrs. Johnson, Containing an Account of Her Sufferings During Four Years With the Indians and French* (1796); Harbison M. *The Capture and Escape of Mercy Harbison* (1792); Подробнее об особенностях жанра см., к примеру: White Slaves, African Masters: *An Anthology of American Barbary Captivity Narratives* / Ed. by P. Baeppler. Chicago, University of Chicago Press, 1999. Strong P.T. *Transforming Outsiders: Captivity, Adoption, and Slavery Reconsidered // A Companion to American Indian History*. Oxford: Blackwell, 2002.

антагонистов. Показательно, что — хотя пленных индейцы захватывали и раньше, зачастую, это были племена союзные французам, живущим в Канаде, и пленные в итоге оказывались как раз у французов, первое литературное изложение истории пленника появилось только после войны короля Филиппа и посвящено событиям 1676 г. Речь идёт о «Рассказ о похищении и освобождении госпожи Мэри Роулэндсон», жены пастора из Ланкастера, Массачусетс. Захваченная в плен в набеге на рарагансеттов и вампаноаг в феврале 1676 г., она провела с индейцами в качестве пленницы, фактически на положении рабыни, почти 12 недель. Срок, возможно, кажется не таким уж большим — три месяца это конечно не многолетнее пленение берберийскими корсарами — но учитывая, что индейцы были в состоянии войны и постоянно перемещались — а вместе с ними и пленники — почти непрерывный трёхмесячный «марш» с редкими остановками, в незнакомых и так или иначе суровых условиях, без нормального питания, для женщины, никак к такому не подготовленной — безусловно, это было суровое испытание. И это не считая страха, неуверенности и чувства потери — вместе с Роулэндсон были похищены трое её детей, с двумя из которых она оказалась разлучена, а третий умер меньше чем через неделю после пленения. Поразительно, но даже прожив несколько десятилетий в Америке, Роулэндсон по-прежнему была совершенно не знакома с территорией хоть сколько-нибудь отдалённой от поселения, и явно боится не только индейцев как таковых, но и “wilderness” самой по себе — индейцы лишь часть этого агрессивного окружения, пусть и наиболее опасная, в своём роде персонификация «пустоши» — порождение тёмных, негостеприимных лесов. Страх перед индейцами не ограничивается обычным опасением по отношению к потенциальному противнику, он носит почти сверхъестественный характер. Неудивительно, что во время Салемской «охоты на ведьм» 1692 г. вспомнили и о «колдовстве» индейцев, и о тесных, почти дружеских отношениях с ними католиков-французов⁶¹².

⁶¹² Подробнее об «индейском следе» в Салемской охоте на ведьм см.: Norton M.B. In the Devil's Snare: The Salem Witchcraft Crisis Of 1692. New York: Vintage Books, 2002.

Повальный характер распространения страха перед индейцами, который действительно можно сравнить с эпидемией, и его интенсивность в конце XVII века очевидны. Но как этот страх развивался в дальнейшем? К сожалению, объём работы не позволяет нам в подробностях рассмотреть все проявления страха перед индейцами в американской культуре, но в качестве иллюстрации значительности влияния «индейского фактора» полезно обратить внимание на роль индейцев во многих литературных произведениях, относящихся к так называемой массовой, «популярной» литературе — роль, сохранявшуюся вплоть до начала двадцатого века. Не будем касаться печально известного эссе Чарльза Диккенса, предлагающего «цивилизовать индейцев до полного уничтожения»⁶¹³ — в конце концов, Диккенс всё-таки англичанин, и бояться индейцев ему соответственно не из-за чего. Индейцы в ранних «вестернах» — не только кино, но и рассказах, “pulp”-журналах и комиксах — опасные, агрессивные, невежественные дикари. В литературе интересно отметить регулярное появление индейцев в литературе ужаса — жанра, в первую очередь концентрирующегося на сверхъестественном. Индейцы выступают в роли прислужников дьявола или других тёмных сил в произведениях Мора, Гормана, Лавкрафта и его последователей, до некоторой степени даже По и Готорна. Американцы воспринимали индейцев (по меньшей мере подсознательно, что для нас даже важней) как угрозу, причём угрозу сверхъестественную — сложно не заметить параллели с встречающимися в наших источниках утверждениями о «дьявольской» сущности «дикарей». Интересно, что большинство упомянутых авторов — уроженцы Новой Англии, где индейцев, тем более индейцев агрессивных, не встречалось с начала XVIII века, в то время как большинство произведений были созданы в середине XIX — начале XX века. Страх перед индейцами как нечеловеческой, чуждой, природной или сверхъестественной силой утвердился в сознании колонистов настолько, что проявлялся — осознанно или нет — даже три

⁶¹³ Dickens Ch. The Noble Savage // Works of Charles Dickens: The old curiosity shop, and reprinted pieces. London: Chapman and Hall, 1869. Pp. 284-191.

века спустя после окончательного покорения индейцев Новой Англии.

Долгое время считалось, что после войны короля Филиппа индейцы «исчезли» из Новой Англии⁶¹⁴. Элемент правды тут, конечно, есть. Политического влияния индейцев Массачусетса и Коннектикута больше не имели. Но представление о том, что индейцы буквально исчезли, если не физически, то по крайней мере как культура. Если индейцы и оставались — ну не могли же они и впрямь все вымереть — но быстро ассимилировались, и растворились в «плавильном котле» колониальной Америки. От культуры же их ничего не осталось — так что если и находились отдельные индивиды, чем-то напоминающие индейцев, то они никак не могли быть «настоящими» индейцами. Настоящие живут в дикой местности, носят головные уборы из перьев, и говорят с акцентом. И уж точно встречаются исключительно на диком фронтире, а не в цивилизованной Новой Англии. На самом деле индейцы не только пережили войну короля Филиппа, но и сохранили свою идентичность. Естественно им приходилось адаптироваться, но, оставаясь незамеченными, живя на задворках американского общества индейцы смогли сохранить поразительно много из своей культуры — начиная от зачастую полукочевого образа жизни (превратившись, правда, из охотников в сезонных рабочих)⁶¹⁵, до способов ведения охоты и организации охотничьих угодий (которые используются до сих пор). Они сохранили свой язык, продолжали использовать старые названия групп — хотя индейские имена из обихода практически пропали⁶¹⁶. Они продолжали работать на англичан, в качестве слуг и наемных рабочих. Записанные в категорию «цветных»⁶¹⁷ они были практически лишены доступа к образованию, так что в подавляющем большинстве случаев оставались

⁶¹⁴ Подробнее см. Doughton T.L. *Unseen Neighbours // After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England*. Pp. 207-231.

⁶¹⁵ Подробнее см.: Ghre D.L. The “Disapperance” of the Abenaki in Western Maine: political Organization and Ethnocentric Assumptions // *After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England*. Pp. 72-90.

⁶¹⁶ Подробнее см.: Herndon R.W., Sekatau E.W. The Right to a Name: The Narraganset People and Rhode Island Officials in the Revolutionary Era // *After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England*. Pp. 114-144.

⁶¹⁷ Подробнее см.: Doughton T.L. *Unseen Neighbours // After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England*. Pp. 207-231.

неквалифицированными работниками, но, по крайней мере в сельской местности, стали важной частью рынка рабочей силы.

В четвертой главе мы рассмотрели войну короля Филиппа, ставшую кульминацией скопившихся за десятилетия, прошедшие после Пекотской войны, противоречий между англичанами и индейцами, а также её последствия для будущего Новой Англии.

Война короля Филиппа носила двойственный характер. С одной стороны она стала, возможно, первым в Новой Англии антиколониальным конфликтом, освободительной войной индейцев против колонизаторов. С другой стороны, многие из союзников Филиппа руководствовались сиюминутными соображениями и стремились использовать войну для решения конкретных политических задач. О таком отношении к войне свидетельствует и легкость, с которой союзники Филиппа отступались от него, когда продолжение войны оказывалось невыгодно или требовало чрезмерных усилий.

Война закончилась победой колонистов, во многом благодаря вмешательству могавков Нью-Йорка, сначала отказавшихся поддержать Филиппа, а позже выступивших против него на стороне англичан. Они же получили наибольшую выгоду в результате поражения Филиппа и его союзников и последующего разорения алгонкинов Новой Англии.

По окончании войны индейцы Новой Англии фактически утратили политическую независимость и были вынуждены подчиниться англичанам. Парадоксально, но страх колонистов перед индейцами после войны не ослабел, скорее наоборот — усилился, что проявилось, например, во время Салемской охоты на ведьм.

Индейцы, и до этого практически не упоминающиеся в нарративных источниках, после этого практически полностью «исчезают» из истории Новой Англии, как если

бы они были уничтожены. Формально записанные в категорию «цветных», они сумели приспособиться и сохранить свою культурную идентичность до сегодняшнего дня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новая Англия в первой четверти XVII в. была не самым «популярным» направлением английской колонизации. Пилигримы, основавшие в 1620 г. Новый Плимут были изолированы от других английских колоний и получали лишь очень ограниченную поддержку от метрополии. В этих условиях важнейшим ресурсом для поддержания существования колонии стали дружественные отношения с коренным населением. Ещё до отплытия из Голландии будущие основатели Плимута составили на основе имеющихся географических описаний и свидетельств очевидцев определенное представление о выбранном для колонизации регионе. Но имеющуюся информацию об индейцах они практически игнорировали. В сознании пилигримов индейцы были частью дикой природы, некоей потенциально опасной стихийной силой. Установление добрососедских отношений с этой точки зрения кажется практически невозможным. Колонисты воспринимали индейцев в первую очередь как потенциальную опасность.

В отличие от колонистов индейцы были готовы к встрече с новыми соседями — они были знакомы с европейцами, знали о потенциальных прибылях от торговли с ними, о возможности получения важных и редких товаров, таких как железные инструменты и огнестрельное оружие. Кроме того, в изменчивой политической обстановке индейской Новой Англии, где шла непрерывная борьба за власть и влияние (пусть и редко приводящая к открытым конфликтам), было множество групп, постоянно искавших новых союзников, которыми могли стать и английские колонисты. Нужно помнить и об опустошительных эпидемиях, поразивших индейцев незадолго до прибытия англичан, и оставивших множество незанятых земель. Поэтому по прибытию в Новую Англию немногочисленная группа англичан была гостеприимно встречена индейцами вампаноаг. С ними и был заключен первый из многих «договоров о дружбе». Вампаноаг также помогали англичанам с ведением

хозяйства в непривычных условиях. Союз этот был взаимовыгодным — колонисты получили хозяйственную помощь и торговых партнеров (у которых в крайнем случае можно было приобрести даже пищу в достаточных для обеспечения колонии объемах), индейцы же получили ценных союзников. Вскоре договоры с англичанами заключили и представители других групп. Колонисты оказались невольно втянуты во внутреннюю политику индейцев. Зависящие от помощи своих новых союзников, они стали инструментом политики индейских вождей-сахемов, которые не стеснялись использовать союз с англичанами в своих целях. В первые десятилетия существования колоний отношения с индейцами были практически равноправными. Политика властей Плимута не подразумевала подчинения, а тем более завоевания индейцев. Ситуация изменилась с основанием колонии Массачусетского залива. Массачусетс, с момента своего основания более многочисленный, чем Плимут, почти сразу начал активно расширяться.

Интересы растущего Массачусетса столкнулись с интересами Плимута, голландцев и племени пекотов в долине Коннектикута. Противоречия между различными группами европейцев и индейцев, каждая из которых преследовала свои интересы, существовали в этом регионе и раньше, но с вмешательством Массачусетса они обострились, и вылились в итоге в открытый конфликт. Пекотская война не была результатом некоей политики колоний, специфически направленной на подчинение или уничтожение индейцев. Конфликт культур, который видит в истории ранней Новой Англии Фрэнсис Дженнингс, на наш взгляд, не существовал. Пекотская война стала результатом слабо контролируемого расширения колонии Массачусетского залива. Тем не менее, на наш взгляд, Пекотскую войну вообще нельзя считать конфликтом колонистов и индейцев. Вмешательство Массачусетса привело к эскалации конфликта, но в основе его лежали уже существующие противоречия между, в первую очередь, различными группами индейцев — многие из которых во время войны поддержали англичан, что и обеспечило им победу над

пекотами. Фактически, без их участия шансы англичан на победу были весьма невелики, так что речь идет о скорее о войне между двумя фракциями индейцев, одной из которых удалось привлечь на свою сторону англичан. Оппозиции индейцев и колонистов как колонизаторов и колонизируемых до Пекотской войны не существовало. Представление о фундаментальных различиях между двумя культурами были свойственны англичанам, но не находили практического выражения. Лишь английские методы ведения войны, чрезвычайно жестокие и всеохватывающие с точки зрения индейцев, заставили даже союзников англичан взглянуть на них по новому и начать относиться к колонистам с опаской, искать их расположения даже ценой частичной утраты политической самостоятельности.

Этот страх перед колонистами обеспечил относительное спокойствие в отношениях с индейцами в следующие несколько десятилетий. Колонии продолжали расти, не встречая открытого сопротивления. Индейцы старались поддержать дружеские отношения с англичанами, в идеале добившись возвращения к равноправным отношениям, существовавшим до Пекотской войны. В этот период среди индейцев выработалось несколько механизмов, использовавшихся в попытках интегрироваться в колониальное сообщество и сохранить хотя бы частично территориальную, политическую и культурную независимость от англичан. Некоторые группы индейцев вступали в союзы с англичанами, оказываясь практически на положении вассалов, лишенных политической самостоятельности, но сохраняя свою культурную идентичность и, как правило, свои земли и свободу самоуправления.

Довольно значительное число индейцев приняло христианство. Многие из новообращенных переселились также в основанные миссионером Джоном Элиотом «молельные городки», где от них требовалось не только принятие христианства, но и полный отказ от традиционного образа жизни. На наш взгляд, именно смена образа жизни, потенциально позволяющая в представлении индейцев добиться равноправия

с колонистами, и привлекала их в первую очередь. Важно заметить, что успех миссионерской деятельности в Новой Англии, в отличие от других регионов европейской экспансии, обеспечили в первую очередь сами индейцы, активно стремящиеся «включиться» в колониальное общество. Без их добровольного и активного участия радикальный проект Элиота, практически лишенный поддержки как властей, так и широких слоёв населения колоний, был бы обречен на провал.

Существовали также отдельные индивиды, хорошо образованные индейцы, исполнявшие обязанности переводчиков и посредников в отношениях двух групп. Они пользовались уважением обеих сторон, а само их существование было необходимо для поддержания межкультурной коммуникации, но этот путь интеграции в колониальное общество был, очевидно, закрыт для большинства индейцев.

Сосуществование с индейцами в этот период было, по-видимому, гораздо более тесным, чем готовы были признавать авторы нарративных источников. Из официальных документов и некоторых случайных «оговорок» авторов понятно, что контакты с индейцами были постоянной и важной частью жизни колоний — законы колоний оговаривали смешанные браки и ограничения поведения групп индейцев в городах, некоторые индейцы жили среди колонистов постоянно, торговля с индейцами оставалась важной составляющей экономики колоний. Но такое тесное сосуществование не вписывалось в картину «пилигримов в пустоши», окруженных зловещими непроходимыми лесами и живущими в них дикарями, которую культивировали авторы источников.

Сосуществование с индейцами повлияло и на сам процесс расширения колоний. Индейские тропы, существовавшие на протяжении веков использовались при расселении колонистов. Места для основания новых городов часто выбирались в непосредственной близости от индейских поселений — с целью облегчения торговли, а возможно в надежде использовать индейцев в качестве рабочей силы.

Мирное сосуществование двух культур поддерживалось в первую очередь стремлением индейцев избежать конфликта с англичанами и общностью экономики, но и колонисты не искали открытого конфликта с индейцами. Они понимали, что в условиях политической нестабильности в Англии метрополия не сможет поддержать их в случае возможного конфликта. Отчасти решением этой проблемы стало создание Конфедерации Новой Англии — оборонительного союза, который руководство Массачусетса позже начало использовать как инструмент проведения своей политики. Кроме того, англичане поддерживали и укрепляли союзнические отношения с некоторыми группами индейцев, обеспечивая им защиту и поддержку. Такое сотрудничество облегчалось сходством основных принципов формирования власти и авторитета у индейцев с английской идеей ковенанта, соглашения, как основы политической жизни.

Несмотря на все попытки поддержания мирных отношений, расширение колоний, наступление на земли индейцев и постепенная утрата ими политической независимости, создавали напряжение, которое вылилось в итоге в открытый конфликт. Сахем вампаноаг Филипп (Метакомет) собрал вокруг себя значительное число представителей различных групп индейцев, и в 1675 г. между его альянсом и англичанами началась война. Несмотря на успехи Филиппа в начале конфликта, он закончился победой колонистов. Во многом этому способствовало вмешательство могавков, принадлежавшего к Лиги Ирокезов племени, представители которого в основном жили на территории нынешнего штата Нью-Йорк. Могавки давно соперничали с алгонкинскими племенами Новой Англии, а за несколько лет до начала конфликта заключили взаимовыгодный союз с англичанами. Вмешательство в войну короля Филиппа позволило им разом и укрепить этот союз, и избавиться от давних соперников, приложив при этом минимум усилий.

В отличие от Пекотской, война короля Филиппа была именно конфликтом коренного населения и колонизаторов. Хотя отдельные группы индейцев

поддерживали англичан, а победу им во многом обеспечил союз с могавками, именно противоречия с англичанами, борьба против расширяющихся колоний, за сохранение политической независимости индейцев, стала основой этого конфликта. В восприятии же самих колонистов война короля Филиппа была даже не «справедливой» завоевательной войной, а скорее подавлением восстания, упрочившим господство англичан над «дикарями».

После войны короля Филиппа индейцы Новой Англии потеряли остатки политической независимости. Часть из них мигрировала в Канаду, остальные же оказались в зависимом положении. В этот период индейцы практически полностью пропадают из источников и не играют сколько-нибудь значительной роли в политической жизни региона.

Исчезнув из политической жизни, индейцы оставались значительной силой в сознании колонистов, и в последующие десятилетия стали одной из главных «страшилок» Новой Англии. Страх перед индейцами проявлялся и в трагических событиях салемской «охоты на ведьм» 1692 г., и в многочисленных «хрониках пленения индейцами», приобретших популярность в XVIII в..

Сосуществование с индейцами было важной составляющей жизни Новой Англии XVII в. с самого момента основания английских колоний. На протяжении XVII в. эти отношения радикально изменились. Культуры народов Новой Англии постепенно интегрировались, при этом одна из них заняла господствующее положение. Начавшись как равноправные и добрососедские, их отношения трансформировались под воздействием экспансии Массачусетса. При этом сосуществование их становилось всё более тесным. Мирный характер взаимоотношений поддерживали обе стороны, колонисты — из боязни конфликта, индейцы — надеясь добиться утраченного равноправия. И, наконец, после войны короля Филиппа, вызванной продолжающейся экспансией колоний и провалом попыток интеграции, культуры Новой Англии окончательно слились, но индейцы оказались в положении

ограниченного в правах меньшинства. Важнейшей, на наш взгляд, особенностью отношений с индейцами в Новой Англии XVII в. было стремление обеих сторон избежать конфликта. Конфликт оказывался результатом провала попыток наладить мирное сосуществование, устраивающее и колонистов, и индейцев, «последним доводом» к которому не стремилась прибегать ни одна из сторон. Несмотря на популярность сюжетов индейских войн, история столкновения культур в Новой Англии XVII в. — всё же в большей степени история сотрудничества и сосуществования, лишь в последние годы обернувшегося трагедией.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

1. Хроники, дневники и мемуары:

- 1) Bradford W. History of Plymouth Plantation. Boston: Little, Brown, and Co., 1856.
- 2) Church B. The History of Philip's War: Commonly Called the Great Indian War, of 1675 and 1676: also, of the French and Indian Wars at the Eastward, in 1689, 1690, 1692, 1696, and 1704. Exeter, New-Hampshire: J. & B. Williams, 1829.
- 3) Gookin D. An Historical Account of the Doings and Sufferings of the Christian Indians in New England in the Years 1675, 1676, 1677. New York: Arno Press, 1972.
- 4) Hubbard W. A General History of New England: From the Discovery to MDCLXXX. Cambridge, Mass.: Massachusetts Historical Society, 1815.
- 5) Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. Stockbridge, Mass.: Heman Willard, 1803.
- 6) Knowles J.D. Memoir of Roger Williams. Boston: Lincoln, Edmands & Co, 1834.
- 7) Mason J. A Brief History of the Pequot War (1736). Bedford, Mass.: Applewood Books, 2009.
- 8) Mather I. Mather C. The History of King Philip's War by the rev. Increase Mather, D.D. And History of the same war by rev. Cotton Mather, D.D. Albany, New York: J. Munsell, 1862.
- 9) Moore M. Memoirs of the Life and Character of rev. John Eliot. Boston: Flagg & Gould, 1822.
- 10) Rowlandson M.W., Harrington T. A Narrative of the captivity, Sufferings, and Removes, of Mrs. Mary Rowlandson who was Taken Prisoner by the Indians at the Destruction of Lancaster in 1675. Boston, Thomas & John Fleet, 1856.
- 11) Travels and Works of Captain John Smith. Vols. 1-3. Edinburgh: J. Grant, 1910.

12) Winthrop J. The journal of John Winthrop, 1630-1649. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1996.

13) Winthrop J. The History of New England from 1630 to 1649. Boston: Phelps and Farnham, 1825.

2. Теологические сочинения:

1) Eliot J. The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ. London, 1659.

2) Eliot J. A Brief Narrative of the Progress of the Gospel amongst the Indians in New England, in the Year 1670. London, 1671.

3) Eliot J. Strength out of Weakness; or a Glorious Manifestation of the further Progress of the gospel among the Indians in New-England (London, 1652) // Collections of the Massachusetts Historical Society. 3rd series, No 4, 1834.

4) Mather C. Magnalia Christi Americana. New York: Russell & Russell, 1967.

3. Географические и этнографические описания:

1) Abbot G. A Briefe Description of the Whole World. London, 1664.

2) de Champlain S. Voyages. Boston: Boston Prince Society, 1878.

3) Drake S.G. Book of the Indians. Boston, 1841.

4) Morton T. Manners and Customs of the Indians // Old South Leaflet, vol. 4, no. 87. Boston, 1897.

5) Smith J. The General History of Virginia, Bedford, Mass.: Applewood Books, 2006.

6) Smith J. A Description of New England. Boston: William Veazie, 1865.

7) The Voyage of John de Verazzano along the Coast of North America // New York Hist. Soc. Collections. 2nd series, 1841. Vol. 1.

8) Williams R. A key into the language of America. Bedford, Mass.: Applewood Books, 1997.

4. Памфлеты:

- 1) Cotton J. Gods Promise to His Plantations (London, 1630) // Old South Leaflets 3:53. Pp. 14-15.
- 2) New England's First Fruits: with divers other special matters concerning that country. New York: Joseph Sabin, 1865.
- 3) Whitaker A. Good Newes from Virginia. London, 1613.
- 4) White J. The planters' plea: or, The grounds of plantations examined, and usual objections answered, together with a manifestation of the causes moving such as have lately undertaken a plantation in New England, for the satisfaction of those that question the lawfulness of the action (1630). New York: Theatrum Orbis Terrarum, 1968.
- 5) Winslow E. Good Newes From New England. Cambridge, Mass.: University of Massachusetts Press, 2014.
- 6) Wood W. New England's Prospects. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1977.

5. Источники официального характера:

- 1) Bartlett J.R. (ed.) Records of the Colony of Rhode Island and Providence Plantation, in New England. Vol. 2. Providence, 1856.
- 2) Cotton J. An abstract Of The Laws Of New England As They Are Now Established. London, 1641.
- 3) Early Records of the Town of Providence. Vol. 5. Providence, 1892.
- 4) Records of the Colony of New Plymouth in New England. Boston: William White, 1861. Reprinted: New York: AMS Press, 1968.
- 5) The Royal Charter, or Patent, of the Colony of the Massachusetts Bay // Proceedings of the Massachusetts Historical Society. 1930. No 62. Pp. 235-236.

6) The Colonial Laws of Massachusetts: Reprinted from the edition of 1672, with the supplements through 1686. Boston, 1887.

7) The Book of the General Laws for the People Within the Jurisdiction of Connecticut. Hartford, 1673.

6. Сборники документов:

1) Dawnland Encounters / ed. by C.G. Calloway. London: University Press of New England, 1991.

2) Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York. Vol. 3. Albany, N.Y, 1853.

3) American Historical Documents, 1000-1904. / Ed. by C.W. Eliot. New York: CosimoClassics, 2009. Vol. XLIII.

4) Eliot J., Thorowgood T., Baxter R., Clark M. The Eliot Tracts: With Letters from John Eliot to Thomas Thorowgood and Richard Baxter. Westport: Greenwood Publishing Group, 2003.

5) Eliot J. Letters of the Rev. John Eliot, the Apostle to the Indians // The New England Historical And Genealogical Register. 1882. No 36.

6) Jameson J. Narratives of New Netherland. Bedford, Mass.: Applewood Books, 2009.

7) Held Captive by Indians: Selected Narratives, 1642-1836. Knoxville, Tennessee: The University of Tennessee Press, 1994.

8) Vaughan A.T. Early American Indian Documents: New England treaties, Southeast, 1524-1761//Early American Indian Documents: Treaties and Laws, 1607-1789. Lanham: University Publications of America, 2004. Vol. 19.

7. Карты:

1) The Plymouth Colony Archive Project: Maps of New England and Plymouth // University of Illinois at Urbana-Champaign [official site].

URL: <http://www.histarch.illinois.edu/plymouth/plymaps.html> (accessed 28.05.2016).

2) Osher Map Library. URL: <http://oshermaps.org/> (accessed 28.05.2016).

Литература:

1. Отечественная историография:

- 1) Адамова Н.Э. Колонии Новой Англии и метрополия в XVII в.: проблемы идентичности // Вестн. С.Петербург. унта. Сер. 2. 2010. Вып. 4. С.61-65.
- 2) Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- 3) Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. : Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
- 4) Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. М.: Прогресс, 1993.
- 5) Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений: итоги и перспективы // Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010. С. 149.
- 6) Лабутина Т.Л. К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага» // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2015.
- 7) Лабутина Т.Л. Актуальные проблемы имагологии // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2016.
- 8) Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- 9) Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. 1606-1642. М.: Наука, 1978.

- 10) Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд. 1630-1642. М.: Наука, 1980.
- 11) Слезкин Л.Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М.: Наука, 1981.
- 12) Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. Наука: М.: Наука, 1965.
- 13) Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М.: Путь, 2002.
- 14) Хрулева И.Ю. Идеино-политический и духовный кризис пуританской Новой Англии в конце XVII века и сейлемская «охота на ведьм» // Русское открытие Америки. М.: РОССПЭН, 2002.

2. Зарубежная историография:

- 15) Adair J. Founding Fathers: The Puritans in England and America. London: Baker Publishing Group, 1982.
- 16) Acheson R.J. Radical Puritans in England, 1550-1660. New York: Longman, 1990.
- 17) Adams J.T. The Founding of New England. Boston: Atlantic Monthly Press, 1921.
- 18) Adolf L.A. Squanto's Role in Pilgrim Diplomacy // Ethnohistory. 1964. Vol. 11. No. 3. Pp. 247-261.
- 19) After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England / Ed. by C.G. Calloway. Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997.
- 20) Andrews C.M. The Colonial Period of American History: The Settlements. New Haven: Yale University Press, 1964.
- 21) The British Atlantic World, 1500-1800 / Ed. by D. Armitage, M.J. Braddick. Cambridge; New York: Palgrave, 2000.
- 22) Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. New York: Cambridge University Press, 2000.

- 23) Axtell J. *The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America*. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- 24) Axtell J. *Ethnohistory: An Historian's Viewpoint* // *Ethnohistory*, #26, 1979.
- 25) Bach R.A. *Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640*. New York: Palgrave, 2000.
- 26) Bailyn B. *Atlantic History: Concept and Contours*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.
- 27) *White Slaves, African Masters: An Anthology of American Barbary Captivity Narratives* / Ed. by P. Baepler. Chicago, University of Chicago Press, 1999.
- 28) *Beyond the Covenant Chain: The Iroquois and Their Neighbors in Indian North America, 1600-1800*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1987.
- 29) Bodge G.M. *Soldiers in King Philip's War*. Baltimore: Genealogical Publishing, 1976.
- 30) Bowden H.W. *American Indians and Christian Missions: Studies in Cultural Conflict*. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- 31) Bragdon K. J. *Native People of Southern New England, 1500-1650*. Norman: University of Oklahoma Press, 1996.
- 32) Bremer F.J. *The Puritan experiment: New England society from Bradford to Edwards*. Lebanon, New Hampshire: University Press of New England, 1995.
- 33) Bridenbaugh C. *Cities in the Wilderness. The First Century of Urban Life in America 1625-1742*. Oxford: Oxford University Press, 1971.
- 34) Bridenbaugh C. *Vexed and Troubled Englishmen*. Oxford: Oxford University Press, 1968.
- 35) Bross K. *Dry Bones and Indian Sermons: Praying Indians in Colonial America*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2004.
- 36) Bunker N. *Making Haste From Babylon. The Mayflower Pilgrims and their world: A New History*. London: Pimlico, 2011.

- 37) Burton W.J. *Hellish Fiends and Brutish Men: Amerindian and Euroamerican Interaction in Southern New England, An Interdisciplinary Analysis, 1600-1750*. Ph.D. diss., Kent State University, 1976.
- 38) Bushman R.L. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992.
- 39) Calloway C.G. *The Western Abenakis of Vermont, 1600-1800: War, Migration, and the Survival of an Indian People*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1994.
- 40) Calloway C.G. *New Worlds for All: Indians, Europeans, and the Remaking of Early America*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1998.
- 41) Carrol P.N. *Puritanism and the Wilderness: the Intellectual Significance of the New England frontier, 1629-1700*. New York: Columbia University Press, 1969.
- 42) Cave A.A. *The Pequot War*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1996.
- 43) Cave A. *Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia*. Oxford: Praeger, 2011.
- 44) Chilton E. S. *The archaeology and ethnohistory of the Contact period in the northeastern United States // Reviews in Anthropology*. No. 29, 2001. Pp.:337-360.
- 45) Clarke G.N.G. *Taking Possession: The cartouche as Cultural Text in Eighteenth Century American Maps // Word & Image*. 1988, Vol.4, No. 2. Pp.455-74.
- 46) Cogley R.W. *John Eliot's Mission to the Indians Before King Philip's War*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press , 1999.
- 47) Coleman E.L. *New England Captives Carried to Canada Between 1677 and 1760 During the French and Indian Wars*. New York: Heritage Books, 1925.
- 48) Connole D. A. *Indians of the Nipmuck Country in Southern New England, 1630-1750: an Historical Geography*. Jefferson, N.C.: McFarland & Company, 2001.
- 49) Cox J.H., Justice D.H. *The Oxford Handbook of Indigenous American Literature*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

- 50) Cressy D. *Coming Over: Migration and Communication Between England and New England in the Seventeenth Century*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1987.
- 51) Cronon W. *Changes in the Land*. New York: Hill & Wang, 1983.
- 52) DeJohn Anderson V. *New England's Generation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- 53) De Forest J.W. *History of the Indians of Connecticut*. Hartford: Wm. Jas, Hamersley, 1851.
- 54) Demos J. *A Little Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- 55) Doan D., Daniell J.R., MacDougall R.D. *Indian Stream Republic: Settling a New England frontier, 1785-1842*. Hanover, New Hampshire: University Press of New England, 1997.
- 56) Dorsey J.O. *A Study of Siouan Cults*. New York: Lakota Books, 1894.
- 57) Drake J.D. *King Philip's War: Civil War in New England, 1675-1676*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1999.
- 58) *Extending the Rafters: Interdisciplinary Approaches to Iroquoian Studies*. Albany, N.Y.: SUNY Press, 1984.
- 59) Fausz J.F. *The Powhatan Uprising of 1622: A Historical Study of Ethnocentrism and Cultural Conflict*. PhD diss., The College of William and Mary, 1977.
- 60) Fenton W.N. *The Great Law and the Longhouse: A political History of the Iroquois Confederacy*. Norman: University of Oklahoma Press, 1998.
- 61) Fenton W. N. *Field Work, Museum Studies, and Ethnohistorical Research // Ethnohistory*. #13, 1966.
- 62) Finch M.L. *Dissenting Bodies: Corporealities in Early New England*. New York: Columbia University Press, 2010.
- 63) Flannery R. *An Analysis of Coastal Algonquian Culture*. Washington: Catholic University Collections, 1939. Vol. 9.

- 64) Forbes A. *Other Indian Events of New England*. Boston: State Street Trust Company, 1941.
- 65) Fried M.H. *The Notion of Tribe*. Menlo Park, California: Cummings Publishing Company, 1975.
- 66) Friedel F. *Harvard Guide to American History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.
- 67) Glazier S.D., Flowerday C. *Selected readings in the anthropology of religion: theoretical and methodological essays*. No. 9. Santa Barbara, California: Greenwood Publishing Group, 2003.
- 68) Grenier J. *The First Way of War: American War Making on the Frontier*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 2005.
- 69) Hall D.D. *Worlds of Wonder, Days of Judgment*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
- 70) Harkin M. *Ethnohistory's Ethnohistory: Creating a Discipline from the Ground Up* // *Social Science History*, No. 34, 2010. Pp.113-128.
- 71) Hauptman L.M., Wherry J.D. *Pequots in Southern New England*. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.
- 72) Higginson F. *New England's Plantation* // *Mass. Hist. Society Proceedings*, 62.
- 73) *Histories of Maize*. / ed. by J.E. Staller, R.H. Tykot, B.F. Benz. Walnut Creek, California: Left Coast Press, 2009.
- 74) Hodder I. *Theoretical Archaeology: A Reactionary View* // *Symbolic and Structural Archaeology*. Cambridge University Press: Cambridge, 1982. Pp. 1-16.
- 75) Holstun J. *A rational millennium: Puritan utopias of seventeenth-century England and America*. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- 76) Jennings J.D. *Prehistory of North America*. New York: McGraw-Hill, 1968.
- 77) Jennings F. *The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest*. New York: Norton, 1976.

- 78) Jennings F. *The Ambiguous Iroquois Empire : the Covenant Chain confederation of Indian Tribes with English Colonies from Its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744.* New York: Norton, 1984.
- 79) Jennings F. *Empire of Fortune: Crowns, Colonies and Tribes in the Seven Years' War in America.* New York: Norton, 1988.
- 80) Kraus M., Joyce D.D. *The Writing of American History.* Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1990.
- 81) Kolodny A. *The Land Before Her: Fantasy and Experience of American Frontiers, 1630-1800.* Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press, 1984.
- 82) Kennedy D. *The American Spirit: United States History as seen by contemporaries.* Lexington, Mass.: D.C.Heath, 1994.
- 83) Kupperman K.O. *Providence Island, 1630-1641: The Other Puritan Colony.* Cambridge: Harvard University Press, 1993.
- 84) Leach D.E. *Flintlock and Tomahawk: New England in King Philip's War.* New York: Macmillan, 1958.
- 85) Lepore J. *The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity.* New York: Random House, 2009.
- 86) Levy B. *Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.
- 87) Limerick P.N. *The Legacy of Conquest: the Unbroken Past of the American West.* New York: Norton, 1988.
- 88) Macalister T. *New England Frontier: The Prescott Garrison — 1692.* Haverford, Pennsylvania: Infinity Publishing, 2008.
- 89) Mandell D.R. *Behind the Frontier.* Lincoln: University of Nebraska Press, 1996.
- 90) Mandell D.R. *King Philip's War: the Conflict over New England.* New York: Chelsea House, 2007.

- 91) Merrell J.H. *The Indians' New World*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989.
- 92) Melvoin R.I. *New England Outpost: War and Society in Colonial Deerfield*. New York: Norton, 1989.
- 93) Midtrodt T.A. *The Memory of All Ancient Customs: Native American Diplomacy in the Colonial Hudson Valley*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2012.
- 94) Miller D.R. *The Forced Removal of American Indians from the Northeast*. Jefferson, N.C.: McFarland & Company, 2011.
- 95) Miller P. *The New England Mind: The Seventeenth Century*. New York: Macmillan, 1939.
- 96) *Imagined Histories: American Historians Interpret the Past* / Ed. by A. Molho, G.S. Wood. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1998.
- 97) Moore C.B. *Building Our America*. New York: Scribner, 1958.
- 98) Morgan E.S. *Visible Saints. The History of a Puritan Idea*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1965.
- 99) Morison S.E. *Harvard College in the Seventeenth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1936.
- 100) Morison S.E. *Founding of Harvard College*. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
- 101) Morton T. *New English Canaan*. Scituate, Mass.: Digital Scanning, 2011.
- 102) Nash G.B. *Race and Revolution*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1990.
- 103) Nash G.B. *Red, White and Black: the Peoples of Early America*. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice-Hall, 1982.
- 104) Nash G.B. *The Urban Crucible: the Northern Seaports and the Origins of the American Revolution*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.
- 105) Nash G.B., Sweet D.G. *Struggle and Survival in Colonial America*. Berkeley, California: University of California Press, 1981.

- 106) Northeastern Indian Lives, 1632-1816. Amherst: University of Massachusetts Press, 1996.
- 107) Norton M.B. *In the Devil's Snare: The Salem Witchcraft Crisis Of 1692*. New York: Vintage Books, 2002.
- 108) O'Brien J.M. *Dispossession by Degrees: Indian Land and Identity in Natick, Massachusetts, 1650-1790*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- 109) O'Callaghan E.B. *History of New Netherland*. New York: C.S. Appleton, 1845. Vol. 1.
- 110) Osgood. H.L. *The American Colonies in Seventeenth Century*. New York: Columbia University Press, 1904-1907. Vols. 1-3.
- 111) Palmer R.R. *The Age of the Democratic Revolution*. Princeton University Press: Princeton, 1959.
- 112) Parrington V.L. *Main Currents in American Thought: The Colonial mind*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1927.
- 113) Pearce R.H. *Savagism and Civilisation*. Berkeley: University of California Press, 1988.
- 114) Peckham H. H. *The Colonial Wars, 1689-1762*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- 115) Peirce E.W. *Indian History, Biography, and Genealogy (1878)*. Freeport, New York: Books for Libraries Press, 1972.
- 116) Philbrick N. *Mayflower: A Story of Courage, Community, and War*. New York: Viking, 2007.
- 117) *Prehistoric Man in the New World* / ed.: J.D. Jennings. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- 118) Pritts J., Withers A.S. *Mirror of Olden Time Border Life*. Abingdon, Virginia: 1849.
- 119) Pulsipher J. H. "Subjects unto the Same King": Indians, English and the Contest for Authority in Colonial New England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005.

- 120) Rabushka A. *Taxation in Colonial America*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- 121) *Roots of American Racism: Essays on the Colonial Experience*. New York: Oxford University Press, 1995.
- 122) Russell H.S. *Indian New England Before the Mayflower*. Lebanon, New Hampshire: University Press of New England, 1980.
- 123) Salisbury N. *Manitou and Providence: Indians, Europeans, and the Making of New England, 1500-1643*. New York: Oxford University Press USA, 1984.
- 124) Salisbury N. *Religious encounters in a colonial context: New England and New France in the seventeenth century* // *American Indian Quarterly*, 1992. Pp. 501-509.
- 125) Salisbury N. *Embracing ambiguity: Native peoples and Christianity in seventeenth-century North America* // *Ethnohistory*. No50, 2003. Pp.247-259.
- 126) Schlesinger A.M. *Political and Social History of the United States, 1829-1925*. New York: Macmillan, 1931.
- 127) Schultz E.B., Tougias M.J. *King Philip's War: The History and Legacy of America's Forgotten Conflict*. Woodstock, VT: Countryman Press, 1999.
- 128) Seaver J.E. *The Life of Mary Jemison*. Scituate, Mass.: Digital Scanning, 2001.
- 129) Segal C.M., Stineback D.C. *Puritans, Indians, and Manifest Destiny*. New York: Putnam, 1977.
- 130) Seed P. *Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492-1640*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995.
- 131) *Sex and Sexuality in Early America*. New York: New York University Press, 1998.
- 132) Sheehan B. *Savagism and Civility*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- 133) Snow D.R. *Archaeology of New England*. Cambridge: Academic Press, 1980.
- 134) Soulsbey M.G. *Connecticut Indian Ethnohistory: a look at Five Tribes*. MA thesis, University of Connecticut, 1981.

- 135) Steele I.K. *Warpaths: Invasions of North America*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- 136) Swanton J.R. *The Indian tribes of North America*. Baltimore, Maryland: Genealogical Pub. Co., 2003.
- 137) Taylor A. *American colonies*. New York: Penguin Books, 2002.
- 138) *The Puritans in America: A narrative anthology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985.
- 139) *The Struggle Within: The Indian Debate in Seventeenth-century Narragansett Country*. Binghamton, NY: State University of New York, 1990.
- 140) *The Westward Enterprise: English Activities in Ireland, the Atlantic and America 1480-1650*. Detroit, MI: Wayne State University Press, 1979.
- 141) Thomas P. A. *Cultural change on the southern New England frontier, 1639-1665 // Cultures in Contact: The Impact of European Colonization on Native American Cultural Institutions A.D. 1000-1800*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1985. Pp. 131-161.
- 142) Tooker W.W. *John Eliot's First Indian Teacher and Interpreter*. New York: Francis P. Harper, 1896.
- 143) Trigger B.C. *The children of Aataentsic*. Kingston: McGill-Queen's University Press, 1987.
- 144) Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History // The Frontier in American History*. Chicago: Henry Holt, 1920.
- 145) Ulrich L.T. *Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England, 1650-1750*. New York: Random House, 1991.
- 146) Vaughan A.T. *New England Frontier: Puritans and Indians, 1620-1675*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1995.
- 147) Vaughan A.T. *Transatlantic Encounters: American Indians in Britain, 1500-1776*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

- 148) Vaughan A.T., Richter D.K. Crossing the Cultural Divide: Indians and New Englanders, 1605-1765 // Proceedings of the American Antiquarian Society, 90 (1980).
- 149) Volo J.M., Volo D.D. Family Life in Native America. London: Greenwood Press, 2007.
- 150) Wade R.C. The Urban Frontier: the Rise of Western cities, 1790-1830. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.
- 151) Walker J.R. The Sun Dance and Other Ceremonies of the Oglala Division of the Teton Dakota. New York, Lakota Books, 1917.
- 152) Weaver J. The Red Atlantic: Transoceanic Cultural Exchanges. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2011.
- 153) Webb S.S. 1676: The End of American Independence. New York: Alfred A. Knopf, 1984
- 154) Webster N. History of the United States. New-Haven: Durrie & Peck, 1832.
- 155) Weeden W. Indian Money as a Factor in New England Colonization. Baltimore: John Hopkins University, 1884.
- 156) Wiley G.R. An Introduction to American Archaeology, I: North and Middle America. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1966.
- 157) Wood B. Origins of American Slavery. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997.
- 158) Wood B. Slavery in Colonial America, 1619-1776. New York: Rowman & Littlefield, 2005.
- 159) Yerxa D.A. Recent themes in early American history: historians in conversation. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 2008.
- 160) Zuckerman M. Pilgrims in the wilderness: community, modernity and the Maypole of Merry Mount. // New England Quarterly 50 (June 1977). Pp. 255-77.